БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусека.

ОЧЕРКЪ
СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ РЕЛИГІИ.

Д-ра Томаса Ахелиса.

Переводъ І. А. Давыдова.

С.ПЕТЕРБУРГЪ.
1906.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., 6.

Введеніе.

§ 1. Задача и понятіе науки о религіи.

Религіозно-научныя изслѣдованія характеризуются крайнимъ разнообразіемъ точекъ зрѣнія. Столь же разнообразны и тѣ выводы, къ какимъ они приводятъ. Но, несмотря на то, здѣсь, все же, достигнуто нѣкоторое принципіальное согласіе. Всѣ согласны съ тѣмъ, что, наряду съ соотвѣтствующимъ психологическимъ и теоретико-познавательнымъ анализомъ, въ изслѣдованіяхъ о религіи должно быть удѣлено возможно больше мѣста широкому историческому освѣщенію даннаго матеріала. Другими словами, здѣсь, какъ и всюду, опытъ и мышленіе, эмпирія и спекуляція не должны вступать въ конфликтъ другъ съ другомъ, — они должны, наоборотъ, восполнять, оплодотворять другъ друга. Что же касается разногласій, то съ ними приходится считаться лишь при практическомъ осуществленіи программы, тогда, когда нужно бываетъ выдвинуть впередъ то одну, то другую сторону проблемы. Поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго, если эта наука, которая сама собой легко распадается на историческую и философскую части, возникла лишь въ самое послѣднее время. Ибо лишь теперь, въ наши дни, съ самыхъ различныхъ сторонъ, притекаетъ къ намъ тотъ матеріалъ, который необходимъ для изслѣдованія. И больше всего, быть-можетъ, мы обязаны въ этомъ отношеніи составляющимъ эпоху успѣхамъ сравнительнаго языковѣдѣнія. И, дѣйствительно, наибольшая часть соотвѣтствующихъ проблемъ возникла именно на этой почвѣ.

Но, и независимо отъ этого, наше познаніе религіозной жизни человѣчества значительно расширилось и изъ другихъ еще источниковъ. Путемъ раскопокъ повсюду были добыты очень цѣнныя надписи. Онѣ знакомятъ насъ съ вѣрованіями давно сошедшихъ съ исторической сцены народовъ, самое имя которыхъ до этого едва было извѣстно. Сюда присоединяются, наконецъ, не менѣе цѣнные труды по современному фольклору, по этнографіи, труды миссіонеровъ. Послѣдніе изучали и наблюдали еще и понынѣ живущія племена, стоящія на низшей ступени цивилизаціи. Это позволяетъ

намъ сдѣлать очень важные выводы по отношенію къ высшимъ стадіямъ развитія. Правда, въ этихъ случаяхъ, нерѣдко позабываютъ о необходимой осторожности въ выводахъ. Вся трудность тутъ состоитъ въ томъ, что, въ большинствѣ случаевъ, а то и сплошь, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ историческимъ процессомъ (благодаря одному уже прискорбному недостатку соотвѣтствующихъ документовъ), а съ обычаями, нравами, воззрѣніями и институтами; а все это точно также поддается лишь психологическому, а не хронологическому объясненію.

Поэтому особенно цѣнны для насъ тѣ документы, которые позволяютъ намъ установить извѣстную историческую связь, извѣстную историческую преемственность. Тутъ мы чувствуемъ подъ собой болѣе твердую почву. Поэтому, когда Максъ Мюллеръ на интернаціональномъ конгрессѣ оріенталистовъ въ Лондонѣ въ 1874 году положилъ начало изданію «Священныхъ Книгъ Востока», подъ руководствомъ свѣдущихъ людей (понятно, въ переводахъ), то это поистинѣ было днемъ рожденія науки о религіи. Это собраніе «Sacred Books of the East» (съ 1879 по 1898 г.), замѣтимъ, между прочимъ, обнимаетъ собой теперь 49 томовъ. Сверхъ того, появился и практическій интересъ къ этимъ вопросамъ: ибо во многихъ странахъ (а въ особенности въ Голландіи) при университетахъ были созданы особыя каѳедры для науки о религіи, возникли спеціальные журналы (такъ, въ Парижѣ подъ редакціей Ж. Ревилля возникло «Revue de l'histoire des religions»; въ Германіи проф. Ахелисъ, вмѣстѣ съ другими спеціалистами, издаетъ «Archiv für Religionswissenschaft», съ 1898 г.).

Что же касается спеціальной задачи сравнительной науки о религіи, то задача эта заключается въ слѣдующемъ: провѣривъ тщательно, съ должной критикой, весь имѣющійся матеріалъ, мы должны затѣмъ изучить тѣ общія черты и направленія въ различныхъ религіяхъ, которыя, благодаря своему типическому своеобразію, встрѣчаются повсюду на опредѣленныхъ ступеняхъ развитія. А это, въ свою очередь, предполагаетъ связное психологическое и теоретико-познавательное изученіе соотвѣтствующихъ религіозныхъ воззрѣній. А отсюда, затѣмъ, уже сами собой вытекаютъ важныя параллели. Только путемъ такого органическаго изслѣдованія можно установить дѣйствительные (а не мнимые) законы религіознаго развитія, нисколько не противорѣчащіе фактамъ.

Что же касается теологіи, и въ особенности христіанской теологіи, то, въ виду такой всеобъемлющей задачи, ей принадлежитъ здѣсь болѣе скромное мѣсто. Вѣдь она имѣетъ дѣло исключительно съ какой-либо отдѣльной религіей и съ ея историческимъ развитіемъ, — мы не говоримъ уже о томъ, что очень часто здѣсь преобладаютъ догматическіе и этическіе мотивы.

Отдѣлъ I.

Основныя черты въ развитіи религіи.

ГЛАВА I.

Составныя части религіи.

1. Религія.—2. Миѳологія.—3. Культъ.

I.

§ 2. Религія.

Ниже мы дадимъ точное опредѣленіе понятія и существа религіи. Конечно, для обсужденія религіозныхъ проблемъ не безразлично, какъ широко поймемъ мы это понятіе и существо религіи, какое значеніе придадимъ мы имъ. Но, все же, мы находимъ цѣлесообразнымъ въ настоящую минуту не давать еще этого болѣе точнаго опредѣленія понятія религіи. Пока же мы ограничимся тѣмъ понятіемъ религіи, какое отвѣчаетъ этнологической точкѣ зрѣнія. Именно подъ религіей мы будемъ понимать дѣйствительную вѣру въ сверхчувственныя и сверхземныя силы, затѣмъ миѳологію, это полное красокъ отраженіе божественнаго въ природѣ, и, наконецъ, культъ. Все это сплетается въ одно неразрывное, органическое цѣлое. Можно, конечно, выбросить какой-либо изъ этихъ элементовъ, считая его несущественнымъ,—но, въ такомъ случаѣ, мы окажемся въ противорѣчіи съ фактами. Мы отдались бы, въ такомъ случаѣ, во власть своихъ личныхъ, догматическихъ симпатій.

Само собой разумѣется, что, въ виду неисчерпаемаго изобилія фактическаго матеріала, мы можемъ дать здѣсь лишь краткій, хотя, быть-можетъ, и точный очеркъ. Кто желаетъ узнать болѣе точныя подробности, тотъ долженъ обратиться къ соотвѣтствующимъ спеціальнымъ руководствамъ. Вся задача здѣсь сводится къ тому, чтобы найти опредѣленныя типическія черты, которыя мы встрѣчаемъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ развитія, хотя иногда и въ искаженномъ или не въ достаточно развитомъ видѣ. Это— характерныя составныя части религіознаго сознанія, безъ которыхъ оно немыслимо, безъ которыхъ оно не можетъ быть. Въ этомъ отношеніи совершенно безразлично, какъ бы высокъ ни былъ общій духовный уровень. Къ числу такихъ изначальныхъ элементовъ вѣрованія принадлежатъ, напримѣръ, вѣра въ боговъ, этихъ могущественныхъ властителей надъ міромъ и человѣческой жизнью, представленіе о душѣ, какъ объ истинномъ факторѣ нашего бытія, представленіе о ея развитіи и дѣятельности, представленіе о послѣдующемъ существованіи, о нѣкоторомъ райскомъ житіи, представленіе объ избавленіи отъ ограниченности и тягостей земной жизни и т. д.

§ 3. Развитіе и значеніе представленія о Богѣ.

Въ своихъ богахъ человѣкъ изображаетъ себя самого; — говоритъ Шиллеръ. Или, какъ выражается Гёте:

Im Innern ist ein Universum auch;
Daher der Völker löblicher Gebrauch,
Dass jeglicher das Beste, wass er kennt,
Er Gott, ja seinen Gott benennt,
Ihm Himmel und Erden übergibt,
Ihn fürchtet und womöglich liebt*).

Именно по этой причинѣ изученіе всѣхъ этихъ воззрѣній такъ поучительно. Здѣсь передъ нами какъ бы развертывается эмпирическая психологія и позволяетъ намъ заглянуть непосредственно въ духовную жизнь человѣчества. Мы увидимъ здѣсь также, какъ мы объ этомъ уже упоминали выше, что, несмотря на всѣ этнографическія и культурно-историческія различія, въ представленіи о богѣ, все же, встрѣчаются одни и тѣ же, всегда вновь и вновь повторяющіеся, элементы.

*) И внутри есть также цѣлый міръ;
Поэтому достоинъ похвалы обычай народовъ,
Что каждый, что знаетъ лучшаго,
То зоветъ онъ Богомъ, своимъ Богомъ,
Вручаетъ ему небо и землю,
Страшится его и, буде возможно, любитъ.

Въ высшей степени замѣчательно, что португальцы своимъ словомъ feticço, которое они примѣняли къ африканскимъ богамъ, подчеркнули какъ-разъ то понятіе, какое насъ прежде всего должно интересовать здѣсь: именно понятіе силы, какъ оно знакомо первобытному человѣку на основаніи представленія о тѣлесной силѣ. Этотъ взглядъ имѣетъ, въ данномъ отношеніи, рѣшающее значеніе,—и всѣ теогоническіе мифы исполнены одной этой великой идеи. Во всѣхъ политеистическихъ системахъ, какъ бы отличны другъ отъ друга онѣ ни были,—во всѣхъ нихъ рѣшается этотъ вопросъ силы, могущества. Всѣ онѣ тяготѣютъ къ одному и тому же общему центру, который доказалъ свое наибольшее могущество въ прежнихъ битвахъ. И всегда снова подлежитъ онъ такому испытанію силой. Вся эта, исполненная движенія, драма миѳологіи, какъ бы безконечно разнообразна ни была она, въ зависимости отъ характера отдѣльныхъ народностей, всѣ эти взаимныя отношенія боговъ другъ къ другу и т. д.,—все это, въ послѣднемъ счетѣ, опредѣляется все тѣмъ же моментомъ: кому изъ боговъ принадлежитъ наибольшее могущество. Поэтому негръ, безо всякихъ размышленій, бросаетъ прочь своего фетиша, какъ только послѣдній доказалъ свое безсиліе, хотя до сихъ поръ онъ неоднократно помогалъ ему во всѣхъ постигавшихъ его бѣдствіяхъ жизни.

Всѣ явленія природы суть откровенія божественныхъ существъ,—и существа эти связаны съ опредѣленными элементарными процессами. Здѣсь не можетъ быть никакого вторженія въ чужую сферу вліянія. Согласно наивному антропоморфизму раннихъ эпохъ (Гёте выразился однажды по этому поводу замѣчательно хорошо: человѣкъ не понимаетъ даже, насколько онъ антропоморфиченъ), собственно говоря, нѣтъ никакой разницы между чувственнымъ и сверхчувственнымъ, духовнымъ и матеріальнымъ мірами. Правда, и первобытный человѣкъ признаетъ нѣкоторую противоположность между обоими мірами. Но противоположность эта только количественная; она выражается въ томъ, что человѣческое превращается въ сверхчеловѣческое. Повсюду еще отчетливо замѣтны переходныя ступени такихъ взглядовъ. Такъ, напримѣръ, гомеровскіе боги не нуждаются уже въ обычной человѣческой пищѣ, но они не могутъ обойтись безъ нектара и амброзіи, этихъ эѳирныхъ средствъ подкрѣпленія. Правда, они не такъ сильно связаны оковами пространства и времени,—но, въ то же время, они не всемогущи, не вездѣсущи. Для перемѣны мѣстопребыванія имъ нужно бываетъ извѣстное время. А затѣмъ и надъ ними властвуетъ мрачная, неодолимая сила, всевластная судьба, эта олицетворенная неодолимая необходимость всего возникающаго.

А вотъ очень характерный примѣръ изъ другой области: Іаковъ радостно восклицаетъ, что Іегова есть и въ Веѳилѣ.

Что-то крайне дѣтское и, въ то же время, совершенно чуждое нашимъ понятіямъ о красотѣ проявляется и въ томъ способѣ, какимъ первобытный

человѣкъ выражалъ внѣшнимъ образомъ эти божескія качества. Онъ удваивалъ соотвѣтствующіе члены или соединялъ воедино животныя и человѣческія формы и т. д. Очень точную копію этого чисто-человѣческаго пониманія сверхчеловѣческихъ существъ даетъ намъ искусство первобытнаго человѣка, какъ оно проявилось въ производствѣ идоловъ: достаточно сравнить, въ этомъ отношеніи, идоловъ-фетишей негровъ, безумно-искаженныя, кровожадныя лица мексиканскихъ божествъ и эвирные, исполненные красоты, образы греческихъ боговъ.

Какъ въ индивидуальномъ развитіи, такъ и въ жизни народовъ идея морали сравнительно поздно вступаетъ въ свои права. Въ этомъ отношеніи изслѣдователи были очень сильно поражены полинезійскими миѳами и преданіями: несмотря на свой крайне спекулятивный и глубокомысленный характеръ, они, все же, лишены моральныхъ идей. Въ большинствѣ же случаевъ, если даже и встрѣчаются моральные элементы, то они понимаются чисто-внѣшнимъ образомъ, какъ простое предписаніе (или запрещеніе): И за этимъ стоитъ или угроза наказаніемъ, или обѣщаніе награды.

Но, какъ бы то ни было, на основаніи нѣкоторыхъ признаковъ можно думать, что, въ связи съ этимъ, довольно рано обозначился здѣсь извѣстный, правда, грубый, дуализмъ, развилось нѣкоторое, правда, довольно примитивное, различеніе добра и зла. И съ теченіемъ времени все это углублялось и углублялось. Наиболѣе элементарная и эгоистическая логика нашла себѣ выраженіе въ извѣстномъ изреченіи бушмена, который, на вопросъ одного миссіонера, что такое добро и зло, отвѣтилъ: добро—это если я отниму у другого его жену, зло—когда такая судьба постигнетъ меня. Во всякомъ случаѣ, здѣсь имѣетъ значеніе конкретный опытъ, а также и опытъ относительно того, что полезно и что вредно. Но только на высшихъ ступеняхъ развитія возникаетъ чисто-этическая оцѣнка и различеніе (немалую роль сыграла здѣсь жреческая спекуляція),—и ея высшимъ завершеніемъ служитъ система Зороастра: борьба бога свѣта Ормузда съ духомъ тьмы Ариманомъ, вѣчно возобновляющаяся борьба между бѣлой и черной магіей. Такое названіе получила эта борьба благодаря тѣмъ волшебнымъ средствамъ, какія примѣнялись въ соотвѣтствующихъ случаяхъ.

Само собой разумѣется, что наиболѣе изобильныя жертвы выпадали на долю именно враждебныхъ божествъ и демоновъ: ибо этимъ путемъ первобытные народы расчитывали пріобрѣсть ихъ милость и благоволеніе. Но уже и здѣсь сравнительно рано начали пробиваться болѣе чистыя представленія. Правда, эти злые духи еще долгое время вызывали страхъ у первобытнаго человѣка,—но они уже не почитались имъ. Сюда присоединяется затѣмъ (объ этомъ подробнѣе будетъ сказано ниже) почитаніе предковъ, вырастающее на почвѣ симпатическихъ и потому болѣе благородныхъ склонностей. Въ свою очередь, оно находится въ связи съ куль-

томъ духа-покровителя, который (т.-е. культъ) имѣетъ громадное значеніе для всякаго человѣка. Психологическое развитіе этой специфически соціальной идеи можно прослѣдить на примѣрѣ простого фетишизма, тотемизма индѣйцевъ и австралійцевъ. Отсюда оно тянется вплоть до высшихъ ступеней нашихъ собственныхъ вѣрованій, гдѣ дѣятельная роль принадлежитъ уже святымъ.

Ниже, когда у насъ будетъ рѣчь объ отношеніи высшаго принципа къ природѣ и міру, мы выяснимъ болѣе подробно отдѣльныя стороны понятія Бога. Но уже и теперь необходимо отмѣтить, хотя бы и коротко, то громадное значеніе, какое чудо имѣетъ для всего этого развитія. Правда, Максъ Мюллеръ превосходно замѣчаетъ въ этомъ отношеніи: нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ именно сверхъестественное. Но въ глазахъ этого простого, наивнаго анимиста, какимъ былъ первобытный человѣкъ, которому было совершенно чуждо и недоступно понятіе закона, понятіе достаточной причины,—все происходящее было связано въ его глазахъ съ нѣкоторой божественной дѣятельностью, далеко превосходящей мѣру человѣческихъ силъ. Дѣйствительно, чудо есть любимѣйшее дѣтище вѣры,—и здѣсь также все сводится лишь къ постепенному облагороженію первоначальныхъ, болѣе грубыхъ воззрѣній. Какъ мы уже говорили объ этомъ выше, всѣ явленія въ природѣ и въ человѣческой жизни, а прежде всего всѣ эти поворотные пункты нашего бытія, болѣзнь и смерть,—все это, въ глазахъ первобытнаго человѣка, суть дѣйствія невѣдомой божественной силы. И «дикарь», безгласый, исполненный ужаса, въ благоговѣніи склоняетъ свою голову передъ этой силой: ибо онъ чувствуетъ здѣсь непосредственную угрозу своему существованію.

Эти первоначальныя, прихотливыя проявленія неодолимой божественной силы изукрашены фантастически въ миѳологіяхъ. Но позднѣе, на высшихъ ступеняхъ цивилизаціи, они видоизмѣняются соотвѣтствующимъ образомъ. Теперь божеская сила являетъ себя въ видѣ откровенія, въ особо исключительныхъ случаяхъ, когда безусловно необходимымъ является такого рода вмѣшательство. Къ такимъ случаямъ принадлежатъ: сотвореніе міра, борьба противъ князя тьмы, воплощеніе Бога въ человѣческій образъ,—вообще, всѣ тѣ случаи, когда такого чуда требуютъ этическія основанія.

И здѣсь развитіе носитъ тѣ же черты, что и вообще въ духовной жизни человѣка: ибо оно есть не что иное, какъ отраженіе человѣческой сущности. Вначалѣ здѣсь передъ нами нѣчто запутанное и неосмысленное,—гдѣ дремлютъ еще всѣ зародыши дальнѣйшаго развитія. Наряду съ чувственностью и грубостью, мы встрѣчаемъ здѣсь поразительную душевную мягкость. Отъ эгоизма и наивной естественной жадности, отъ наивнаго естественнаго взгляда на вещи, черезъ безконечный рядъ промежуточныхъ звеньевъ мы приходимъ здѣсь, наконецъ, къ совершенству. Но очень часто

(а объ этомъ нерѣдко забываютъ) прогрессъ этотъ прерывается достойнымъ сожалѣнія попятнымъ движеніемъ, печальными возвратами назадъ, къ тому варварству, какое мы уже оставили позади себя. И, въ то же время, подъ обманчивой оболочкой прекрасной видимости, на этихъ высшихъ ступеняхъ развитія, съ поразительнымъ упорствомъ продолжаютъ жить своеобразные остатки прошлаго (Тэйлоръ, какъ извѣстно, называетъ ихъ переживаніями), порожденія совершенно иного слоя нашихъ вѣрованій.

Здѣсь мы имѣемъ въ виду дать лишь бѣглый культурно-историческій очеркъ,—а потому здѣсь нѣтъ мѣста для метафизически-психологическаго изслѣдованія о возможномъ происхожденіи представленія о Богѣ. Во второмъ отдѣлѣ этой книги мы вернемся еще къ этой проблемѣ.

§ 4. Понятіе души.

Само собой разумѣется, насъ не можетъ здѣсь интересовать этнологически-психологическая сторона понятія души, — дыханіе и кровь суть два реальныхъ опорныхъ пункта для этой теоріи, и самые несомнѣнные слѣды въ разговорномъ языкѣ приводятъ насъ къ этому. Но насъ интересуетъ исключительно внутренняя связь между представленіемъ о Богѣ и представленіемъ о душѣ. Связь эта покоится на великой, непоколебимой вѣрѣ въ духовъ, которая властвуетъ надо всѣмъ человѣчествомъ, на всѣхъ ступеняхъ его развитія. Она принимаетъ здѣсь то болѣе грубыя, то болѣе тонкія формы.

Первобытный человѣкъ совершенно не въ состояніи представить себѣ, что смерть есть уничтоженіе нашего существа. Точно также и этотъ чудодѣйственный принципъ, оживляющій весь организмъ, долженъ, такъ или иначе, проявлять свое дѣйствіе и послѣ того, какъ тѣло распалось. Онъ можетъ принять обликъ и дружественнаго духа-покровителя и злобнаго демона, причиняющаго намъ вредъ. Это изначальное вѣрованіе въ души умершихъ коренится глубоко въ крови даже у скептическаго и просвѣщеннаго европейца. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ извѣстный праздникъ всѣхъ душъ въ Парижѣ (это вполнѣ соотвѣтствуетъ, такъ называемому, празднеству фонарей у японцевъ). Въ это время на кладбищѣ Père Lachaise на всѣхъ могилахъ кладутъ пироги и сладости. Такимъ путемъ хотятъ примирить душу покойника, хотятъ пріобрѣсть этимъ ея благоволеніе. Но въ глазахъ современнаго человѣка все это нерѣдко принимаетъ обликъ простыхъ благочестивыхъ поминокъ. И вотъ, если не удается, путемъ такихъ жертвоприношеній и молитвъ, снискать себѣ благоволеніе умершаго, — то скоро сказываются и роковыя послѣдствія этого: настаютъ болѣзни, несчастія.

Смотря по значенію покойника, воздается ему и соотвѣтствующій

почетъ. Здѣсь сама собой возникаетъ такая іерархія: отецъ семейства, вождь, племенное божество,—и всѣ они олицетворяютъ собой души умершихъ. Мы еще вернемся къ этому культу предковъ. Поэтому пока мы можемъ ограничиться простымъ замѣчаніемъ, что культъ предковъ повсюду игралъ роль крупнѣйшаго соціальнаго фактора. И замѣчательно, что ни смерть, ни связанныя съ этимъ торжества нисколько не уничтожали этихъ классовыхъ различій,—какъ на это можно было бы надѣяться. Наоборотъ, все это еще болѣе обострило эти различія. Очень многіе могущественные боги непосредственно выросли изъ этой плодородной подпочвы. Такъ, Ункулуункулу (Старый-Старый) зулусовъ, а также творецъ міра, Тамои, Дѣдъ, индѣйцевъ, живущихъ въ лѣсахъ Бразиліи, большинство, такъ называемыхъ, героевъ культуры, давшихъ человѣчеству высшую цивилизацію,—всѣ они первоначально жили среди своихъ близкихъ, а затѣмъ вознеслись на небо, дабы и тамъ заботиться о благѣ своихъ. Но этимъ еще не заканчивается весь этотъ круговоротъ. Напротивъ, душа можетъ вновь спуститься на землю изъ этихъ эѳирныхъ высотъ. Она можетъ при этомъ воплотиться всего одинъ разъ и принимаетъ, въ такомъ случаѣ, земную оболочку (такъ въ христіанствѣ), или же она непрестанно вновь возрождается,—какъ это наиболѣе послѣдовательно проводится въ буддизмѣ (въ лицѣ Далай-Ламы). Не менѣе важное значеніе имѣетъ представленіе о странствованіи душъ (метемпсихозисъ): эта являющаяся душа есть божественная субстанція. Какъ извѣстно, ученіе это въ нѣкоторыхъ системахъ и теоріяхъ стало въ рукахъ жадныхъ до власти жрецовъ средствомъ обезпечить себѣ возможно широкое вліяніе. Такимъ образомъ, жрецы эксплуатировали суевѣрный страхъ примитивнаго человѣка передъ порожденіями его собственной творческой фантазіи.

Но путь этотъ ведетъ здѣсь не только вверхъ, къ богамъ, но и въ сторону, въ царство животныхъ и растеній. При помощи душъ ихъ такъ легко было оживлять. Насъ не можетъ это поражать, если мы вспомнимъ царившій въ то время анимизмъ, если мы вспомнимъ, какою близкой жизнью съ животными живетъ простой человѣкъ, который относится къ нимъ, какъ къ себѣ равнымъ. Всякій обитатель Калифорніи знаетъ среди животныхъ генія-покровителя для своего ребенка. Равнымъ образомъ, и племя имѣетъ свое священное животное, которое и почитается имъ какъ тотемъ.

Особеннымъ предпочтеніемъ въ этомъ отношеніи пользуются сильныя или почему-либо страшныя животныя. Здѣсь на первомъ планѣ стоятъ крупные хищные звѣри, затѣмъ идутъ, прежде всего, змѣи, многія птицы и, въ особенности, орелъ. При томъ близкомъ родствѣ, какое существуетъ между человѣкомъ и животнымъ, является вполнѣ логичнымъ допустить, что души людей, не связанныя навсегда съ опредѣленнымъ мѣстопребываніемъ (напримѣръ, по ночамъ), могутъ переходить въ тѣла животныхъ. Отсюда эта вѣра въ человѣко-тигра, вурдалаковъ, вампировъ и т. д. И

вѣра эта распространена очень широко: мы встрѣчаемъ ее среди народовъ, живущихъ очень далеко другъ отъ друга, совершенно не связанныхъ между собой ни въ этнографическомъ, ни въ культурно-историческомъ отношеніи. Этому новому акту рожденія, религіозно-этическое значеніе котораго мы разсмотримъ ниже, соотвѣтствуетъ, съ другой стороны, предсуществованіе. Наряду съ индѣйцами или эвеерами на западномъ берегу Африки и нѣкоторыми другими первобытными народами, въ предсуществованіе вѣрили Пиѳагоръ и многіе восточные отцы церкви,—слѣдуя въ этомъ отношеніи примѣру Платона.

§ 5. Загробная жизнь.

Идею безсмертія души мы встрѣчаемъ уже у низшихъ расъ: она составляетъ неотъемлемую часть ихъ вѣрованій, — если, понятно, не понимать ее слишкомъ метафизически и этически. Вѣдь низшимъ расамъ совершенно недоступна мысль о небытіи, о «ничто», о разрушеніи или превращеніи. Въ какой бы то ни было формѣ, — но жизнь должна продолжаться (отнюдь не непремѣнно въ той формѣ, о какой мы говорили выше, т.-е. не непремѣнно въ формѣ возрожденія или воскресенія). Въ большинствѣ случаевъ, здѣсь наблюдается точное соотвѣтствіе съ земнымъ существованіемъ. Поэтому, напримѣръ, смерть великихъ вождей и властителей сопровождается безчисленными кровавыми жертвоприношеніями. Имъ и въ загробной жизни должна сопутствовать отвѣчающая ихъ званію свита. Поэтому и самая загробная жизнь принимаетъ весьма отличный обликъ, въ зависимости отъ того, о комъ, о лицахъ какого званія идетъ рѣчь: для людей знатныхъ она сплошь исполнена радости, даже излишествъ,— тогда какъ лица низшихъ классовъ должны довольствоваться болѣе скромной долей. Мы здѣсь совсѣмъ еще не касаемся той противоположности между небомъ и адомъ, мрачной преисподней, которая впослѣдствіи все болѣе и болѣе принимаетъ этическій характеръ. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что, въ то же время, здѣсь утвердилось представленіе, что души, въ большинствѣ случаевъ, должны оставаться въ своемъ загробномъ мѣстопребываніи и не могутъ покидать его по своему произволу (это возможно только при надлежащемъ содѣйствіи жрецовъ). Наоборотъ, живые люди нерѣдко посѣщаютъ загробный міръ (во время видѣній, галлюцинацій). Конечно, такіе визиты часто оказываются крайне опасными. Даже въ христіанствѣ мы встрѣчаемъ еще переживаніе и отголосокъ этого мнѣа: таково извѣстное сказаніе о нисхожденіи Христа въ адъ.

Въ связи съ явленіями природы, эта страна мертвыхъ въ большинствѣ случаевъ переносится на западъ, на закатъ солнца, на островъ бла-

женныхъ. Такъ, Гезіодъ разсказываетъ въ «Трудахъ и Дняхъ» о нѣкоторомъ царствѣ героевъ, жившихъ въ четвертомъ вѣкѣ (въ промежуткѣ между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками), объ островахъ счастливыхъ, которые затѣмъ были отождествлены съ Елисейскими полями, мѣстопребываніемъ блаженныхъ духовъ. Или же умершіе уходятъ въ преисподнюю, Гадесъ,—хотя настоящій адъ, какъ онъ знакомъ высшимъ культурнымъ народностямъ, совершенно неизвѣстенъ племенамъ низшей цивилизаціи. У послѣднихъ вѣдь очень слабо было развито представленіе о моральной идеѣ возмездія.

Тѣ же черты характеризуютъ собой и вообще представленіе о загробной жизни. То она понимается, какъ соотвѣтствующее продолженіе земного существованія, только еще болѣе прекрасное, исполненное бо́льшаго великолѣпія, то всплываетъ здѣсь безпокойная мысль объ отвѣтственности за дѣянія, совершенныя въ здѣшней жизни. Тогда становится замѣтной нѣкоторая жажда искупленія, въ какой бы наивной формѣ это ни проявлялось.

Индѣецъ находитъ въ своемъ раю прекраснѣйшія мѣста для охоты, изобильныя самой лакомой дичью. Житель полярныхъ странъ встрѣчаетъ тамъ мѣста, вѣчно освѣщенныя лучами лѣтняго солнца и изобилующія оленями и птицами. Жителя скандинавскихъ странъ ожидаютъ въ Валгаллѣ рыцарскія упражненія, борьба и метанье копій. Мусульманинъ наслаждается изысканнѣйшими чувственными наслажденіями, какія только можетъ создать себѣ его востóчная фантазія. Короче говоря, повсюду сплошь царитъ грубый матеріализмъ,—какъ это и вполнѣ естественно.

Но, понятно, здѣсь есть и мрачная оборотная сторона. Загробный міръ становится Оркусомъ, Гадесомъ, какимъ онъ рисовался испуганному воображенію Ахиллеса: это—мрачное мѣстопребываніе для тѣней умершихъ. Наоборотъ, ученіе о возмездіи въ загробномъ мірѣ распространено не повсюду: ибо здѣсь предполагается болѣе высокая степень моральнаго развитія. Конечно, въ этомъ отношеніи можно указать и нѣкоторыя переходныя формы. Такъ, въ представленіи гренландца, только тотъ можетъ достигнуть счастливой страны Торнгазука, ихъ великаго духа, кто былъ добропорядоченъ, кто совершилъ великія дѣянія, неутомимо работалъ и т. д. Естественно, болѣе тонкихъ, чисто-моральныхъ масштабовъ не можетъ быть тамъ, гдѣ прежде всего цѣнятся выдающіяся тѣлесныя качества и терпѣніе. Добро и зло здѣсь имѣютъ совершенно иное значеніе, чѣмъ у насъ.

Лишь на болѣе высокихъ культурныхъ ступеняхъ пріобрѣтаютъ рѣзкій обликъ извѣстныя представленія о всемогущемъ очищеніи души. Въ этомъ отношеніи особенно вліятельная роль принадлежитъ жреческой спекуляціи. Всѣмъ болѣе крупнымъ и болѣе возвышеннымъ религіямъ, какъ египетская, ведійская, древне-персидская и т. д.,—всѣмъ имъ знакома эта идея о возмездіи, о болѣе или менѣе тягостномъ судѣ, который ожидаетъ мертвыхъ. Словно передъ судилищемъ, здѣсь приносятся жалобы, ведется обвиненіе и защита, все строго взвѣшивается, и выносится окон-

чательный приговоръ. Такъ это происходитъ, напримѣръ, въ религіи Зороастра. Трудно выяснить въ деталяхъ, насколько это представленіе о загробномъ возмездіи оказало вліяніе на нравственность народовъ. Но, въ то же время, едва ли можно подвергать сомнѣнію, что, по крайней мѣрѣ, въ связи съ другими родственными воззрѣніями (о нихъ рѣчь будетъ ниже), идея эта сослужила роль соціальнаго фактора въ жизни народовъ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно тѣхъ странъ, гдѣ, какъ въ Египтѣ и въ Индіи, имѣлось жадное до власти жречество, которое использовало въ этомъ направленіи пустившую глубокіе корни метафизическую склонность.

§ 6. Искупленіе.

Правда, только въ высшихъ формахъ религіи достигаютъ своего полнаго развитія этическое понятіе освобожденія отъ грѣха и связанный съ этимъ элементъ возмездія. Однако, необходимые зародыши этого послѣдующаго развитія мы встрѣчаемъ уже и на низшихъ ступеняхъ культуры. Всѣ жертвоприношенія, наибольшая часть культа,—все это возникло на этой богатой результатами почвѣ: сознаніе человѣка начинаетъ болѣе или менѣе тяготиться содѣянной ошибкой, содѣяннымъ промахомъ и т. д. Туть же, въ связи съ этимъ, возникаетъ чувство освобожденія, чувство примиренія съ разгнѣваннымъ божествомъ. Эту простую идею мы встрѣчаемъ уже у нѣкоторыхъ первобытныхъ народовъ (напримѣръ, у древнихъ перуанцевъ). Затѣмъ идея эта углубляется: она принимаетъ болѣе тонкій метафизическій и этическій обликъ. Она подвергается, наконецъ, систематической обработкѣ и превращается въ оффиціальную догму. Примѣромъ здѣсь можетъ служить христіанская церковь, буддизмъ или браманизмъ.

Необычайную логическую послѣдовательность въ этомъ отношеніи мы наблюдаемъ въ извѣстномъ ученіи Гаутамы, этого прообраза всякой позднѣйшей мистики. Здѣсь требуется полное умерщвленіе индивидуума. Поэтому мы дадимъ здѣсь возможно краткій очеркъ этого ученія.

Окончательное спасеніе, къ которому долженъ стремиться всякій истинный ученикъ мудреца, дается не дѣяніемъ, какъ бы оно ни было возвышенно. Ибо дѣяніе носитъ еще практическій характеръ: оно тяготѣетъ къ міру, который необходимо преодолѣть. Истинное блаженство дается познаніемъ. Оно побѣждаетъ всякое желаніе и, въ то же время, объемлетъ глубочайшую истину, что я самъ подобенъ вѣчному Міровому Существу, Атману. Таково—блаженное состояніе нирваны, гдѣ гаснутъ сознаніе и индивидуумъ, гдѣ настаетъ конецъ всякому страданію, всѣмъ желаніямъ.

Какъ извѣстно, по поводу правильнаго истолкованія этого мистиче-

скаго состоянія возгорѣлся величайшій споръ: слѣдуетъ ли въ немъ усматривать блаженство, или, наоборотъ, уничтоженіе. Оффиціальное ученіе уклоняется отъ всякаго положительнаго отвѣта, и, въ то же время, оно категорически заявляетъ, что всѣмъ этимъ нисколько не затрогивается интересующее насъ здѣсь моральное поведеніе. Въ сущности, все это ученіе нужно истолковывать такъ, что, наряду съ необходимымъ уничтоженіемъ индивидуальныхъ чувствъ (напримѣръ, радости по поводу достигнутаго освобожденія), строго говоря, здѣсь уничтожается и всякое развитіе, которое для человѣческаго сознанія необходимо облекается въ личную форму. Но для болѣе грубаго пониманія это соединеніе человѣка съ Атманомъ является какъ наивысшее блаженство.

Подобно этому, и браманская мокша (Moksha) есть освобожденіе отъ всѣхъ чувственныхъ оковъ и тягостей. Наша повседневная жизнь и наши обычныя воспріятія даютъ намъ обманчивое отраженіе множества вещей (майя), и только путемъ болѣе остраго мышленія достигаемъ мы истиннаго освобожденія. Ибо этимъ мы познаемъ единство души и Брамы. Поэтому, естественно, должно погаснуть всякое желаніе, манасъ (Manas) (воспріятіе и воля) должно окончательно освободиться отъ объекта или, какъ это говорится въ Упанишадахъ:

Такъ какъ безпредметное манасъ
Даетъ освобожденіе,
Пусть всякій, кто стремится къ нему,
Освободитъ свое манасъ отъ объекта.
Кто, свободный отъ привязанности къ чувственному міру,
Замкнетъ свое манасъ въ сердце
И такъ достигнетъ свободы отъ манасъ,
Тотъ внидетъ къ Наивысшему.

* * *

Дотолѣ познавай свое манасъ,
Пока оно въ сердцѣ не станетъ ничѣмъ;
Это есть знаніе, есть освобожденье,
А все иное есть ученая рухлядь.
Не мыслимое и не немыслимое,
Мыслимое и немыслимое одновременно,
Свободное отъ всякаго пристрастія,
Есть Брахманъ, котораго онъ тогда достигаетъ.

Или, какъ это говорится въ другомъ стихѣ, въ формѣ, болѣе отвѣчающей нашимъ чувствамъ:

Когда исчезаетъ всякая страсть,
Что гнѣздится въ человѣческомъ сердцѣ,
Тогда смертный становится безсмертнымъ,
Онъ здѣсь уже достигаетъ Брахмана.

И все это, къ тому же, есть безустанный, непрестанно повторяющійся процессъ въ міровомъ развитіи и въ жизни человѣческой:

Если бы освобожденіе имѣло начало,
Оно не звучало бы безконечно чисто.

Эта unio mystica, говоря обычнымъ здѣсь языкомъ, это погашеніе нашей собственной бренной личности, какъ мы это снова встрѣчаемъ въ греческихъ мистеріяхъ, въ оргіастическихъ празднествахъ въ честь Діониса, у гностиковъ, у глубокомысленныхъ средневѣковыхъ мистиковъ, начиная съ Эккегарта, Таулера и т. д. вплоть до Ангелуса Силезіуса и другихъ, не говоря уже о египтянахъ и индусахъ—вполнѣ аналогичныя явленія мы встрѣчаемъ также и въ суфизмѣ,—это погашеніе личности служитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣчно бьющимъ источникомъ, откуда исходитъ міропрезрѣнное воодушевленіе и фанатически-религіозное возбужденіе. Всѣ случаи мученичества проникнуты такимъ настроеніемъ. Въ то же время, настроеніе это играетъ роль соціально-психологическаго фактора, когда дѣло идетъ о внѣшнемъ развитіи и распространеніи различныхъ религій по лицу земного шара. Путемъ такого мистическаго восхищенія, которое, естественно, охватываетъ и потрясаетъ весь организмъ, и совершается это духовное перерожденіе человѣка. Само собой разумѣется, оно принимаетъ очень различныя формы, въ зависимости отъ соотвѣтствующей ступени культуры.

Но какое бы громадное значеніе ни имѣло познаніе для буддизма и браманизма, все же, рѣшающимъ мотивомъ для соединенія грѣшной души съ божествомъ, какъ съ завершающимъ первичнымъ началомъ всякаго бытія, является глубокое страстное желаніе, т.-е. чувственный аффектъ.

Другимъ примѣромъ можетъ служить неоплатоновское направленіе Діонисія Ареопагита (IV столѣтіе до Р. Хр.), который оказалъ громадное вліяніе на свое время. И здѣсь мы наблюдаемъ тѣ же самыя черты.

Вѣрующему въ огненныхъ знакахъ предносилось несказанное величіе полнаго уничтоженія, полнаго погруженія человѣка въ Богѣ. И здѣсь человѣческое познаніе, несмотря на свой конечный и ограниченный характеръ, все же, служитъ средствомъ, дабы проложить путь къ соединенію съ Божествомъ. Истинно посвященные должны освободиться отъ предметовъ и силъ видимаго міра,—и только тогда они могутъ проникнуть въ темноту невѣдѣнія (agnosia). Тогда посвященный погружается въ неосязаемое и невидимое; онъ полностью отдается тому, что стоитъ превыше всѣхъ вещей; онъ не принадлежитъ уже болѣе себѣ и никакому другому конечному существу. Благодаря болѣе тонкой способности, онъ соединяется съ тѣмъ, что совершенно невѣдомо намъ, ибо наше ограниченное познаніе становится здѣсь совершенно бездѣйственнымъ. Это невѣдомое познается превышающимъ нашъ разсудокъ способомъ; оно познается тѣмъ, что мы ничего не знаемъ.

Мы уже говорили о томъ, что это освобожденіе изъ оковъ чувствен-

ности и временности, это непосредственное соединеніе человѣка съ Богомъ, съ міровой душой, такъ что онъ становится съ нею единымъ, мы встрѣчаемъ повсюду въ самыхъ различныхъ формахъ и образахъ. Лишь такимъ путемъ являетъ себя истинное, дѣйствительное безсмертіе, которое не знаетъ никакой индивидуальной ограниченности.

Весь этотъ рядъ мыслей, въ который нерѣдко вплетается также и идея о нѣкоторомъ дѣйственномъ посредникѣ, о нѣкоторомъ искупителѣ, покоится—и это особенно замѣчательно—на одной основной предпосылкѣ. И мы одинаково встрѣчаемъ ее какъ у первобытнаго человѣка, съ его наивными взглядами, такъ и въ глубокомысленныхъ спекуляціяхъ философовъ. Предпосылка эта та, что душа и Богъ, человѣкъ и Абсолютное не суть враждебныя противоположности, что они по существу своему родственны (иначе, несмотря ни на какое очищеніе, не могло бы быть и рѣчи ни о страстномъ стремленіи, ни объ освобожденіи). Полубогъ, герой культуры, приносящій высшую цивилизацію, жрецъ и провозвѣстникъ несказанныхъ тайнъ, пророкъ и посланникъ божій, посредникъ между Богомъ и человѣчествомъ, который снова возводитъ людей на свѣтлыя высоты, гдѣ они могутъ созерцать Бога, основатель религіи, личность, отмѣченная печатью высшей силы,—всѣ они суть отдѣльные пограничные камни на этомъ долгомъ и нерѣдко усѣянномъ шипами пути освобожденія.

Поскольку здѣсь могутъ играть роль нѣкоторыя другія особенныя условія и средства (напримѣръ, посты, бичеванье, жертвоприношенія и т. д.), мы снова вернемся къ этому ниже, когда у насъ будетъ рѣчь о культѣ. Здѣсь же для насъ прежде всего было важно выяснить ту общую идею, которая лежитъ въ основѣ всего этого воззрѣнія.

II. Миѳологія.

§ 7. Природа и Богъ.

Само собой разумѣется, что составившіе эпоху успѣхи сравнительнаго языковѣдѣнія имѣли громадное значеніе и для миѳологіи. Но здѣсь сказалась, впрочемъ, вполнѣ понятная, односторонность: исключительное вниманіе было обращено на могучія явленія природы, а сильные соціальные мотивы остались почти-что въ полномъ пренебреженіи. Поэтому антропологія и этнологія съ полнымъ основаніемъ ополчились противъ такого оптимистическаго взгляда на первобытнаго человѣка и выдвинули впередъ другую сторону миѳа. Онѣ отвергли предположеніе о фантастическомъ, поэтическомъ толкованіи элементарныхъ силъ: миѳологическое творчество онѣ связали съ вѣрой въ души и съ культомъ предковъ. Во всякомъ случаѣ, психо-

Библіотека

логически совершенно невѣроятно—да это противорѣчило бы всѣмъ нашимъ понятіямъ о немъ—приписывать примитивному человѣку способность проводить тонкое различіе между душой и символомъ. Наоборотъ, при своей дѣтской психологіи, первобытный человѣкъ во всѣхъ явленіяхъ природы долженъ былъ усматривать божественныя силы, въ которыя онъ вѣритъ такъ же твердо, какъ правовѣрный христіанинъ вѣритъ въ чудеса Священнаго Писанія.

То, что первоначально, т.-е. въ моментъ своего возникновенія, являлось для наивныхъ чувствъ олицетворенной дѣйствительностью, это же самое, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, когда сознаніе стало болѣе критическимъ, а болѣе острое мышленіе убило живую фантазію,—это же самое превратилось въ символъ, въ поэзію, даже въ аллегорію. Источникомъ, питавшимъ великій миѳологическій процессъ, являлось не только объясненіе явленій природы,—не меньшая роль принадлежала здѣсь страшному факту смерти, съ которой человѣкъ долженъ былъ такъ или иначе раздѣлаться. Но послѣднимъ дѣйствительнымъ источникомъ здѣсь является безустальнодѣятельная персонифицирующая апперцепція человѣка: весь внѣшній міръ необходимо воспринимается по человѣческимъ прообразамъ, какъ нѣчто одушевленное. Это всеодушевленіе и есть источникъ всякой миѳологіи, какой бы разнообразный обликъ ни принимала она у разныхъ народностей. Этимъ объясняется также и тотъ фактъ, что, несмотря на все различіе въ деталяхъ, мы встрѣчаемъ однѣ и тѣ же типичныя черты у народностей, совершенно чуждыхъ другъ другу въ племенномъ отношеніи, никогда не знавшихъ между собой ни пространственныхъ, ни временныхъ связей.

Само собой разумѣется, что мы должны ограничиться здѣсь лишь нѣкоторыми общими штрихами.

Анимистическому міровоззрѣнію чуждо механическое пониманіе; оно не знаетъ строгой механической закономѣрности. Согласно этому міровоззрѣнію, весь міръ, начиная съ сверкающаго неба и лучезарнаго солнца, вплоть до самыхъ мелкихъ и незначительныхъ частицъ неорганической природы, одушевленъ, т.-е. весь онъ есть мѣстопребываніе духовъ. И все это не простая поэтическая, антропоморфная метафора,—все это понимается какъ нѣчто реальное, какъ истинная, неприкрашенная дѣйствительность. И, прежде всего, все это приложимо, напримѣръ, къ животнымъ. Звѣри для первобытнаго человѣка—вполнѣ равноправныя личности. Вѣдь въ это время еще совсѣмъ нѣтъ какого-либо нравственнаго различія въ мірѣ. И звѣрь и человѣкъ, оба они сдѣланы изъ одного и того же куска глины. И вся разница только та, что человѣкъ, какъ злой конкурентъ, сумѣлъ съ теченіемъ времени добиться извѣстнаго господства. Поэтому первобытный человѣкъ легко склоняется къ мысли почитать звѣрей, какъ предковъ своего племени. Онъ исполненъ къ нимъ страха и почитанія. Все это мы и наблюдаемъ въ культѣ предковъ. А затѣмъ тѣ же звѣри, путемъ вол-

шебства, легко могутъ превращаться въ представителей разныхъ демоновъ. Поэтому звѣри у многихъ народовъ являются какъ бы уткомъ въ пестрой ткани миѳологическаго ковра. Въ особенности же это наблюдается у тѣхъ народовъ, которые еще вполнѣ наивны.

Такъ, напримѣръ, для бакаировъ (въ Бразиліи) солнце представляетъ собой большой шаръ, сдѣланный изъ пестрыхъ птичьихъ перьевъ. То же самое и луна. Когда луна на ущербѣ, то сперва появляется ящерица, которую мы и замѣчаемъ вдоль края. Она приходитъ затѣмъ, чтобы унести съ собой луну. На второй день приходитъ обыкновенный армадилъ, затѣмъ приходитъ гигантскій армадилъ. Своимъ толстымъ тѣломъ онъ и закрываетъ отъ насъ совсѣмъ желтыя перья свѣтила (замѣтимъ, между прочимъ, что армадилъ есть ночной звѣрь, на него охотятся при лунномъ свѣтѣ).

Всѣ сказки, слѣдовательно, какъ мы обозначаемъ ихъ нынѣ въ нашей научной эстетикѣ, первоначально были для первобытнаго человѣка полными истинами, столь же неопровержимыми и реальными, какъ какія-либо религіозныя догмы въ моментъ ихъ возникновенія. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ этой наивной фантазіи. У индѣйцевъ, живущихъ по рѣкѣ Амазонкѣ, есть такой разсказъ: коршунъ и черепаха заспорили, кто изъ нихъ скорѣе доберется до неба, гдѣ какъ-разъ въ это время происходило празднество. Черепаха спряталась въ коршунову корзину съ провизіей. И вотъ, когда коршунъ вернулся съ прогулки, черепаха встрѣтила его завѣреніемъ, что она уже давно тамъ была, еще раньше его. Чтобы порѣшить окончательно споръ, они условились, что побѣдителемъ будетъ тотъ, кто первый прибудетъ на землю. Черепаха попросту упала на землю и такъ стала побѣдительницей. Конечно, она разбилась при этомъ паденіи,— какъ это нерѣдко можно наблюдать и нынѣ, когда падаютъ черепахи.

А то и люди занимаютъ мѣста звѣрей. Такъ, эскимосы называютъ звѣзды въ созвѣздіи Ріона одичалыми людьми: это—охотники на тюленей, заблудившіеся и не нашедшіе дороги домой. Касіасы въ Бенгаліи разсказываютъ, что звѣзды нѣкогда были людьми. Они взобрались на верхушку дерева (понятно, здѣсь разумѣется небесное дерево). Въ это время внизу другіе люди подрубили стволъ дерева. Такъ они и остались сидѣть тамъ вверху на вѣтвяхъ.

Наряду съ этимъ культомъ предковъ (мы уже упоминали выше о томъ, что крайне трудно опредѣлить здѣсь время), въ особенности у земледѣльческихъ народовъ, въ силу вполнѣ понятныхъ причинъ, начинаетъ появляться почитаніе великихъ силъ и явленій природы. И на первомъ планѣ здѣсь стоятъ солнце и луна. Все хозяйственное преуспѣяніе прежде всего вѣдь зависитъ отъ состоянія небесныхъ тѣлъ. И фантазія первобытнаго человѣка нашла здѣсь вполнѣ подходящее поле для своей поэтической творческой дѣятельности. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на общераспростра-

ненныя сказанія о борьбѣ и смерти солнечныхъ героевъ. Въ этомъ случаѣ, даже низшіе представители первобытныхъ народовъ являютъ намъ необычайно высокіе образцы идеализаціи. Но, помимо этихъ, болѣе или менѣе нормальныхъ явленій, вниманіе первобытнаго человѣка приковывали къ себѣ явленія необычайныя, дѣйствующія съ могучей силой. Таковы—буря, паденіе метеоровъ, вулканическія изверженія,—мы не говоримъ уже о землетрясеніяхъ, потопахъ.

Здѣсь передъ нами развертывается крайне пестрая и запутанная картина. Чтобы разобраться въ ней, мы остановимся на одномъ всеобъемлющемъ міровомъ миѳѣ,—и первоначальная противоположность между небомъ и землей служитъ основой для всѣхъ дальнѣйшихъ развѣтвленій этого миѳа. То солнце является глазомъ неба, то оно есть загробное мѣстопребываніе душъ, то оно играетъ роль помощника у неба во время творенія міра. Иногда дѣло изображается такъ, что земля и небо лежатъ другъ на дружкѣ, а впослѣдствіи они разъединяются (не безъ содѣйствія насилія). То земля становится женщиной, и небо въ союзѣ съ ней создаетъ все, и, прежде всего, человѣка. Тутъ же находится цѣлый рядъ второстепенныхъ боговъ, которые играютъ роль помощниковъ при сотвореніи: богъ грома, богъ молніи, податель огня (Прометей, Гефестъ, Мауи, Локи и т. д.). Послѣдній нерѣдко, въ особенности въ низшей народной миѳологіи, оттѣсняетъ на задній планъ образъ небеснаго бога. Облачная змѣя, языкообразная молнія, признается племенемъ нагуа въ Средней Америкѣ творцомъ человѣка. А у фиджійцевъ такая роль принадлежитъ Нденге (Ndengeh).

Но мы уже упоминали о томъ, что крайне трудно дать хотя бы приблизительное представленіе о всемъ неисчерпаемомъ богатствѣ тѣхъ мотивовъ, которые ведутъ къ образованію миѳовъ. Мы не говоримъ уже о всемъ относящемся сюда матеріалѣ. Поэтому мы ограничимся болѣе скромной задачей: мы укажемъ, въ заключеніе, на то различіе, какое существуетъ между космогоническими и теогоническими сказаніями. Они, конечно, имѣютъ извѣстныя точки соприкосновенія.

Космогоническіе миѳы говорятъ о возникновеніи міра. Они говорятъ объ этомъ или въ чисто-эволюціонномъ смыслѣ (это встрѣчается гораздо рѣже), какъ, напримѣръ, въ своеобразномъ стародавнемъ религіозномъ стихотвореніи гавайцевъ: He puie heiau. Или же міръ возникаетъ по указаніямъ и велѣнію боговъ или даже одного только бога. Болѣе острое абстрактное мышленіе все больше и больше ограничиваетъ число такихъ дѣятелей; оно приходитъ, наконецъ, къ немногимъ верховнымъ принципамъ, ни къ чему болѣе не сводимымъ. Таковы—духъ или сила, матерія, пространство, время, ночь. Хаосъ Гезіода, гиннунгагапъ «Видѣнія Валы» (Ginnungagap der Völuspa *) у германцевъ представляютъ собой это абсолютно

*) Völuspa—видѣніе Валы, одна изъ пѣсенъ «Эдды», содержащая скандинавскую космогонію. *Прим. перев.*

пустое пространство. У другихъ—такъ, напримѣръ, у полинезійцевъ, у Гомера, у индусовъ, въ древнѣйшей орфической космогоніи и т. д.—эта роль принадлежитъ ночи; у вавилонянъ, иранцевъ, въ нѣкоторыхъ индійскихъ системахъ и т. д. мы встрѣчаемъ противоположность между духомъ и матеріей, богомъ и веществомъ. Въ большинствѣ космогоній встрѣчается богъ, придающій міру форму: вавилонскій богъ Мардукъ дѣлитъ матерію, индійскій Браманаспати выковываетъ міръ. Лишь изрѣдка, какъ въ книгѣ Бытія, мы встрѣчаемъ творца міра. Въ космогоніяхъ различныхъ народовъ (у полинезійцевъ, индусовъ, египтянъ и у орфиковъ) громадную роль играетъ яйцо: оно лопается, и такъ возникаютъ небо и земля.

Повсюду, въ особенности на болѣе позднихъ ступеняхъ развитія, легко прослѣдить близкую связь сотворенія міра съ характеромъ данной религіи. Въ то время какъ въ книгѣ Бытія прославляется всемогущество Божье, въ пантеистическихъ религіяхъ египтянъ и вавилонянъ міръ служитъ жилищемъ для божества: онъ есть та сфера, гдѣ проявляется божеская сила. У иранцевъ, благодаря ихъ рѣзкому дуализму, міровою цѣлью становится борьба между добрымъ и злымъ началомъ, и глубокая вѣра въ конечное торжество добра вѣнчаетъ собой эту религіозную систему. А то передъ нами развертываются сказанія о богахъ, объ ихъ поколѣніяхъ, о взаимной борьбѣ ихъ, пока не побѣдитъ одна изъ сторонъ, о гибели враждебныхъ династій, объ ихъ дальнѣйшихъ судьбахъ, о соединеніи членовъ различныхъ семействъ подъ верховенствомъ кого-либо одного. И на долю этого главы выпадаетъ всеобщее почитаніе. А иногда надо всѣмъ этимъ царитъ необходимость всего возникающаго, неумолимая судьба. И боги не въ силахъ измѣнить ее,—самое большее они могутъ лишь задержать ея теченіе.

§ 8. Человѣкъ и Богъ.

Вторая важная часть миѳологіи, которая сближаетъ ее съ религіей въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ вѣрой, касается отношенія человѣчества къ божеству. И эта сторона религіи, какъ это ясно само собой, точно также цѣликомъ обусловливается той ступенью духовнаго развитія, какой достигли данныя народности. Несмотря на то, что именно здѣсь наблюдаются особенно рѣзкія противорѣчія — достаточно сравнить въ этомъ отношеніи представленія, напримѣръ, какого-нибудь австралійскаго негра съ міросозерцаніемъ Гёте или Спинозы! — все же, здѣсь есть одна общая основа. Основу эту составляетъ живое, хотя и неосознанное чувство внутренняго родства божественнаго и человѣческаго началъ,—какъ оно нашло свое первое конкретное выраженіе въ культѣ предковъ. Всѣ эти безконечно разнообразныя отношенія между обоими мірами именно здѣсь имѣютъ свой

реальный исходный пунктъ. Симпатическія чувства и чувство уваженія служатъ, въ данномъ случаѣ, главными психологическими двигателями.

Мы и здѣсь должны ограничиться бѣглымъ очеркомъ.

Духи и божества природы сами по себѣ становятся болѣе или менѣе самостоятельными силами, и между ними и человѣкомъ устанавливаются опредѣленныя отношенія. Гуроны, напримѣръ, почитаютъ небо и приносятъ ему въ жертву табакъ. Такимъ путемъ они разсчитываютъ пріобрѣсть благоволеніе неба: вѣдь отъ неба зависитъ опредѣлять времена года и направлять вѣтра. Они страшатся его гнѣва, когда имъ случится нарушить данное слово. Точно также и зулусы говорятъ о небѣ, какъ о могущественной личности,—и гнѣвъ его можно слышать во время бури.

Равнымъ образомъ, и у самоѣдовъ, и у финновъ можно замѣтить этотъ переходъ отъ чисто-природнаго начала къ началу антропоморфному. Ихъ богъ, небо, Стародавній, Первый, правитель неба,—и къ нему обращаютъ они свои молитвы о ниспосланіи благоденствія.

Но чѣмъ выше становится цивилизація, чѣмъ больше растутъ потребности,—тѣмъ больше, естественно, развивается и это отношеніе, которое первоначально носило непрочный характеръ. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о земледѣліи: вѣдь весь урожай здѣсь цѣликомъ зависитъ отъ божеской милости. Какъ богъ грома въ большинствѣ случаевъ причиняетъ только разрушеніе и опустошеніе, такъ, обратно, произрастаніе и богатство жатвы ниспосылаются богомъ дождя. И естественно, что это божество такъ часто бываетъ предметомъ почитанія. Древнегреческая богиня земли становится впослѣдствіи ниспосылающей благословеніе Деметрой,—и вѣчный неугасимый огонь ея горѣлъ въ храмѣ въ Мантинеѣ. А римляне безо всякихъ колебаній отождествили ее съ Матерью-Землей. Почитаніе огня привело у парсовъ къ самостоятельному культу, который носилъ рѣзко выраженный этическій характеръ. Индусскій богъ огня, Агни, точно также постепенно освободился отъ всѣхъ своихъ матеріальныхъ элементовъ и чертъ и сталъ выдающейся духовной личностью.

Тотъ же самый путь развитія можно прослѣдить и на примѣрѣ греческой Гестіи и римской Весты: путь этотъ, какъ и всюду, ведетъ отъ чувственнаго, матеріальнаго начала къ началу моральному, духовному, соціальному. Наконецъ, укажемъ еще на широко распространенное почитаніе солнца.

Отношеніе между Богомъ и человѣкомъ носитъ двоякій характеръ. Или божество нисходитъ къ человѣку, который стоитъ глубоко ниже его; оно принимаетъ тогда человѣческій видъ (хотя и временно). Таковы богочеловѣки, посланники божіи, основатели новыхъ религій, возвѣщающіе грѣшному человѣчеству благую вѣсть. Или же люди, путемъ долгихъ переходовъ, возносятся до вершинъ божественной полноты. Они сбрасываютъ тогда съ себя свою земную бренность и ограниченность и становятся без-

смертными. Это—тѣ герои, которые такъ сильно прославляются въ миѳахъ и въ поэзіи. Близко къ нимъ стоятъ духи-охранители, спеціальная задача которыхъ охранять и защищать людей на ихъ жизненномъ пути. Довольно часто здѣсь совсѣмъ исчезаютъ какія-бы то ни было опредѣленныя границы,—и боги становятся людьми, не утрачивая своего достоинства (и нерѣдко не въ силу какихъ-либо особенныхъ этическихъ основаній, а въ силу чисто-личныхъ практическихъ соображеній), а люди, въ свою очередь, становятся богами.

Эта близкая связь между божествомъ и человѣкомъ выражается также и въ томъ, что въ далекія времена, которыя, все же, почитаются историческими, боги царили на землѣ. Такъ, напримѣръ, въ Египтѣ было до Менеса. Поэтому всякій послѣдующій король является сыномъ солнца; онъ и самъ есть сынъ солнца, рожденный матерью-землей. Когда Ре, излучающій богъ солнца, творилъ людей, то сокрытый богъ солнца, Тумъ, удѣлилъ имъ одну изъ своихъ душъ, вполнѣ равную тѣмъ, что остались у него. Всякій умершій, если только онъ вооруженъ всѣми необходимыми магическими познаніями и искусствомъ, становится въ загробной жизни Озирисомъ и, въ качествѣ такового, ведетъ побѣдоносную борьбу противъ силъ тьмы и смерти.

Высшимъ завершеніемъ этого воззрѣнія является воплощеніе божественнаго существа,какъ это развито греческо-христіанской спекуляціей въ извѣстномъ ученіи о логосѣ: Слово воплотилось въ Христа. Здѣсь наиболѣе сильно подчеркивается единство человѣческой и божеской природы,—и отсюда сдѣланы всѣ возможные выводы. Такой же характеръ носитъ (конечно, постоянно вновь возобновляющееся) воплощеніе божественнаго Будды въ лицѣ тибетскаго Далай-Ламы въ Лхассѣ. Само собой разумѣется, что тутъ имѣются налицо и непогрѣшимость и высшее моральное совершенство,—безобманный признакъ того, что передъ нами сравнительно высокая ступень развитія. Да, кромѣ того, тутъ есть и глубокая мысль, которая съ особенной любовью приковывается къ чисто-абстрактному.

Гораздо бо́льшимъ распространеніемъ пользуется противоположная вѣра въ полубоговъ, героевъ, которые достигли безсмертія собственной силой, благодаря своимъ добродѣтелямъ,—тогда какъ шаманы и колдуны пріобщаются къ богоподобію только на время, путемъ экстаза и видѣній. Въ характеристикѣ этихъ, въ большинствѣ случаевъ, народныхъ и любимыхъ фигуръ легко перемѣшиваются миѳологическія и религіозныя черты, наряду съ нѣкоторой примѣсью этическихъ элементовъ. И, въ этомъ отношеніи, у совершенно чуждыхъ другъ другу народностей, несмотря на все ихъ этнографическое различіе, замѣчаются явные слѣды сходства. Такъ, мы наблюдаемъ это у полинезійцевъ, американцевъ, индусовъ и т. д. Иногда дѣло изображается такъ, что сынъ божій, первоначально живущій вблизи боговъ, совершаетъ затѣмъ тѣ или иные легкомысленные поступки и прегрѣшенія,

и за это его лишаютъ всѣхъ преимуществъ. Отнынѣ онъ подлежитъ всѣмъ превратностямъ обычной человѣческой жизни.

А то бываетъ и такъ, что между человѣческимъ и божескимъ началами уничтожается всякая граница, и богъ женится на смертной женщинѣ (или обратно). А благодаря этому начинаетъ меркнуть божеская сила. То они становятся смертными, то переселяются на острова блаженныхъ, а то и прямо воспринимаются въ число боговъ. Крайне интересенъ въ этомъ отношеніи извѣстный разсказъ Павзанія, что жители Мараѳона почитали всѣхъ павшихъ въ Мараѳонской битвѣ и называли ихъ героями. Въ честь павшихъ въ Платейской битвѣ приносились даже заупокойныя жертвы.

Наряду съ чисто-миѳическими фигурами (въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду миѳы о солнцѣ), встрѣчаются также и историческія личности, на долю которыхъ, такимъ образомъ, выпадаютъ божескія почести. Къ числу такихъ личностей принадлежатъ короли, какъ Саргонъ Агадскій въ Вавилонѣ, или мудрецы, какъ Лао-тцы или Конг-тцы въ Китаѣ. Но прежде всего здѣсь нужно имѣть въ виду великихъ реформаторовъ и основателей новыхъ религій, какъ Магавира, Будда, Зороастръ и т. д. Такое же промежуточное положеніе въ этой длинной цѣпи занимаютъ святые различныхъ религій. Въ большинствѣ случаевъ они надѣляются особенной чудесной силой. Иногда они и умираютъ необычнымъ образомъ.

Иное положеніе занимаютъ, далѣе, демоны. По Гезіоду, первоначально они были чисто-божественными существами, а затѣмъ были ниспосланы Зевсомъ на землю, въ качествѣ духовъ-покровителей людей. Извѣстное пессимистическое значеніе, какое связывается съ понятіемъ злыхъ духовъ, причиняющихъ людямъ одно только зло, распространено довольно широко. А у первобытныхъ народовъ оно собственно и является господствующимъ. Христіанская церковь еще болѣе обострила это представленіе. Это представленіе о вредоносныхъ силахъ, которыя посѣщаютъ людей въ страшныхъ сновидѣніяхъ или во время тяжкихъ болѣзней, или какъ-либо иначе посягаютъ на ихъ жизнь, пользуется очень широкимъ распространеніемъ. И это наблюдается одинаково какъ на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, такъ и при болѣе высокой культурѣ, гдѣ противорѣчіе между добромъ и зломъ выступаетъ въ незамаскированной формѣ. Вся терапія, извѣстныя заклинанія злыхъ духовъ, вплоть до изгнанія чертей въ наше столь высоко просвѣщенное время, покоятся на этой анимистической основѣ. И основа эта, повидимому, неискоренима, несмотря на все наше глубокое просвѣщеніе. Быть больнымъ означаетъ, въ сущности, то же, что быть пораженнымъ какимъ-либо духомъ,—и нѣмецкій языкъ еще лучше и яснѣе выражаетъ этотъ взглядъ такими выраженіями, какъ колотье въ поясницѣ*) или

*) Hexenschuss. Буквально: Hexe—колдунья; Schuss—выстрѣлъ, ударъ. *Прим. перев.*

одержимость. Равнымъ образомъ, возбужденному сознанію первобытнаго человѣка повсюду мерещатся угрожающіе ему кобольды (горные духи) и демоны, которые прячутся въ глубинѣ лѣса, и ихъ страшные голоса слышны въ шумѣ листьевъ. Такъ разсказываютъ ньямъ-ньямъ въ Африкѣ.

Такой же характеръ носитъ поведеніе призраковъ, душъ, которыя мстятъ безпощадно за тотъ роковой вредъ, какой былъ имъ нанесенъ. Только при помощи самыхъ сильныхъ жертвъ и заговоровъ можно избавиться отъ нихъ. Къ числу этихъ бѣсовъ принадлежатъ затѣмъ появляющіеся во время страшныхъ видѣній нечистые духи (Incubi и Succubi); далѣе вампиры, по ночамъ посѣщающіе людей, высасывающіе изъ нихъ кровь и окончательно изнуряющіе ихъ, такъ что остаются только кожа да кости. Затѣмъ идутъ вѣдьмы и колдуны. Сперва думали, что вѣдьмы и колдуны составляютъ ужасное изобрѣтеніе христіанскаго средневѣковья. Но это ошибка, ибо они распространены очень широко по лицу земного шара. Повсюду демоны входятъ въ несчастныхъ людей и превращаютъ ихъ въ безвольное орудіе своей гибельной силы. Наконецъ, сюда принадлежатъ настоящіе черти. Въ той или иной формѣ мы встрѣчаемъ ихъ на всѣхъ ступеняхъ религіозно-миѳологическаго развитія, какъ это и соотвѣтствуетъ древнему дуализму.

Различные первобытные народы могутъ намъ многое поразсказать о такого рода злыхъ духахъ. Такъ, у индѣйцевъ Флориды есть богъ Топа, которому они воздавали извѣстныя почести. А то вотъ индѣйцы Бразиліи говорятъ о противоборцѣ бога. Онъ творитъ свои дѣла по ночамъ и зовутъ его Эпель. Или вотъ на берегахъ Лоанго злой богъ почитается больше и чаще, нежели добрый богъ. того нужно еще умилостивить, тогда какъ послѣдній и безъ того показалъ себя уже кроткимъ. Все же, довольно рѣдко встрѣчается чисто-этическое представленіе о воздаяніи за дурные поступки, которое есть дѣло злого божества. Столь же рѣдко встрѣчается и представленіе о формальномъ господствѣ дьявола надъ человѣкомъ, какъ это развито на высшихъ ступеняхъ культуры (Зороастръ, исламъ, христіанство). То же нужно сказать и о культѣ дьявола, какъ онъ встрѣчается у іезидовъ въ Месопотаміи. Они окружаютъ особеннымъ почитаніемъ сатану и надѣются, что со временемъ онъ вновь воцарится и получитъ силу, чтобы вознаградить ихъ должнымъ образомъ.

Въ новѣйшее время на сцену выступилъ спиритизмъ. Это, въ сущности, есть совершенно незаконное возрожденіе древняго вѣрованія въ демоновъ и призраковъ, которые бродятъ повсюду и причиняютъ вредъ, если не умилостивить ихъ напередъ при помощи надлежащихъ средствъ. Замѣтимъ по этому поводу мимоходомъ, что этотъ фактъ служитъ доказательствомъ той долговѣчности, какая отличаетъ собой примитивныя воззрѣнія.

III. Культъ.

§ 9. Сфера культа.

Мы уже упоминали выше о томъ, что культъ для насъ является неотторжимой составной частью религіи вообще, безразлично, какъ бы узко или широко ни брать понятіе культа. Во всякомъ случаѣ, повсюду на землѣ мы встрѣчаемъ тѣ или иные обычаи и обрядности, которые указываютъ на почитаніе божества. И поэтому для насъ совсѣмъ не существуетъ этого, вплоть до новѣйшаго времени оживленно ведшагося, спора: миѳологіи ли, или культу принадлежитъ главная роль въ психологическомъ развитіи? Для насъ то и другое составляетъ одно цѣлое, и лишь путемъ расчлененія мы устанавливаемъ здѣсь временное различіе. Уже жреческое сословіе, которое имѣетъ такое большое вліяніе, прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы религіозныя обрядности пользовались достодолжнымъ вниманіемъ. И мы встрѣчаемъ это повсюду, гдѣ только есть какая-либо организація, какъ бы зачаточна она ни была.

Культъ можно понимать просто, какъ почитаніе сверхчувственныхъ силъ, поскольку онѣ имѣютъ значеніе для представляемаго идеальнаго бытія. Въ такомъ случаѣ, культъ, естественно, имѣетъ извѣстное отношеніе къ осуществленію этихъ желаній и надеждъ, которыя всегда волнуютъ сердце человѣческое. Именно благодаря такому практическому отношенію, которое въ глазахъ этого матеріалиста—первобытнаго человѣка имѣетъ столь громадное значеніе (впрочемъ, и въ насъ еще звучатъ эти матеріалистическія струны), культъ такъ глубоко коренится въ человѣческомъ духѣ. И религія, безъ этого момента, утратила бы всякую точку опоры, въ особенности, на примитивныхъ ступеняхъ своего развитія.

Въ краткомъ очеркѣ мы выяснимъ сейчасъ эту тѣсную связь между миѳологіей и культомъ.

На первомъ планѣ здѣсь стоитъ культъ дерева. Онъ носитъ чисто-анимистическій характеръ. Возможно также, что здѣсь сыграли извѣстную роль и нѣкоторые практическіе утилитарные моменты. Культъ этотъ очень широко распространенъ; онъ носитъ почти универсальный характеръ и, въ свою очередь, стоитъ въ извѣстной связи съ культомъ предковъ. Въ большинствѣ случаевъ, объектомъ этого культа берутся миѳическіе предки, бывшіе когда-то властителями и затѣмъ ставшіе богами. Съ ними и связывается то или иное дерево, которое и разсматривается какъ то мѣсто, гдѣ и проявляются ихъ сила и дѣятельность.

Вотъ нѣсколько примѣровъ такого рода.

Это почитаніе деревьевъ встрѣчается повсюду въ мірѣ; наряду съ другими континентами, его можно отмѣтить и въ Европѣ. Въ частности, культъ этотъ встрѣчается въ Греціи, Италіи, Галліи, Германіи и т. д. Уже Тацитъ упоминаетъ о священныхъ рощахъ Германіи. Такой же характеръ носитъ и тотъ священный дубъ, который былъ срубленъ Бонифаціемъ. На островѣ Скіи (Skye) до сихъ поръ одно дерево почитается столь неприкосновеннымъ, что къ нему никто не рѣшается дотронуться. Точно также еще до сихъ поръ въ полномъ расцвѣтѣ культъ дерева въ Лифляндіи. Слово church (церковь—по-англійски), по мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, точно также происходитъ отъ quercus—дубъ. Въ полномъ расцвѣтѣ это воззрѣніе во всей Центральной Африкѣ, на югѣ, начиная съ Египта, въ Сахарѣ и т. д. Сюда же принадлежитъ и дерево Бо или священное дерево (Bodhi-Baum) Гаутамы, а также, возможно, и извѣстный культъ Гома (Homakultus) въ Персіи.

Не меньшимъ распространеніемъ пользуется, затѣмъ, и почитаніе камней.

Повсюду камень связанъ съ могилой и смертью. Такой же характеръ носятъ кое-какъ грубо набросанныя кучи камней на могилахъ полинезійцевъ, или искусно воздвигнутыя пирамиды въ Мексикѣ и Египтѣ, или огромныя каменныя сооруженія въ Камбоджѣ и въ Юкатанѣ, или, наконецъ, топы (die Topa) въ Индіи. Точно также камни становятся и мѣстопребываніемъ божества. Въ большинствѣ случаевъ они подвергаются нѣкоторой художественной обработкѣ, которая, конечно, иногда носитъ довольно грубоватый характеръ. Возьмемъ ли мы тотъ камень, какимъ въ Ассамѣ обозначаютъ всякаго покойника, или знаменитѣйшій изъ всѣхъ арабскихъ камней, тотъ, что замурованъ въ Каабѣ, идущій изъ до-исламской эпохи, или египетскій обелискъ, или какой-либо изъ знаменитыхъ камней съ изображеніями истукановъ, напримѣръ, часто приводимыя удивительныя изображенія фетишей на островѣ Воскресенія, который представляетъ значительный интересъ и въ другихъ отношеніяхъ,—повсюду здѣсь ясна первоначальная демонологическая идея: это—воплощеніе какого-либо предка или позднѣйшаго бога, котораго надлежитъ чтить съ извѣстными церемоніями. Даже у классическихъ народовъ мы встрѣчаемъ еще нѣкоторые слѣды этой примитивной стадіи развитія.

Пожалуй, еще большимъ распространеніемъ пользуются древесныя изображенія. Мы встрѣчаемъ ихъ также и у грековъ: здѣсь они служатъ предшественниками позднѣйшихъ мраморныхъ статуй. Очень богатый матеріалъ мы встрѣчаемъ въ этомъ отношеніи у индѣйцевъ, полинезійцевъ, индусовъ, негровъ и т. д.

Какъ въ миѳологіи, такъ и въ культѣ вода часто является мѣстопребываніемъ божественныхъ существъ,—безразлично, будетъ ли это омывающій весь міръ океанъ, или какой-либо потокъ въ данной странѣ.

Великія, закономѣрно и періодически совершающіяся, естественныя явленія сравнительно довольно поздно привлекаютъ къ себѣ вниманіе первобытнаго человѣка. Но зато его фантазія очень рано приковывается къ влажному элементу, — понятно, поскольку это позволяютъ географическія условія. Миѳы о твореніи, имѣющіе нѣкоторое отношеніе и къ вулканическимъ силамъ, обыкновенно связываются съ дѣятельностью нѣкотораго бога, который, подобно полинезійскому Мауи, крючкомъ выудилъ землю изъ моря.

Такимъ же широкимъ распространеніемъ пользуется и культъ огня, въ особенности, на высшихъ ступеняхъ развитія, гдѣ извѣстное эстетическое чувство просвѣтило уже и идеализировало грубыя матеріальныя представленія. Прекраснымъ примѣромъ этого можетъ служить классическая древность съ ея культомъ Гестіи и Весты, который имѣетъ такое громадное этическое значеніе, наше арійское до-историческое время, какъ оно отразилось въ «Ведахъ» (въ образѣ Агни) и въ «Зендавестѣ». Но искупляющая, очищающая сила огня была извѣстна также и простымъ обитателямъ степей. Смотря по своему примѣненію, огонь то принималъ обликъ очищающей, благодѣтельной, полезной силы—вся цивилизація всегда покоится на похищеніи огня, какъ этотъ актъ превозносится въ самыхъ различныхъ миѳахъ,—то онъ выступаетъ, какъ сила опустошающая, вредоносная, какъ пожирающее чудовище, которое, словно Молохъ, проглатываетъ самыя дорогія жертвы человѣка.

Настоящаго культа звѣздъ мы не встрѣчаемъ у низшихъ первобытныхъ народовъ,—несмотря на весь блескъ и богатство ихъ миѳологіи въ этомъ отношеніи. Но какъ только цивилизація начинаетъ подвигаться нѣсколько впередъ, въ особенности, когда земледѣліе начинаетъ опредѣлять собой жизнь народовъ, появляется и почитаніе солнца и луны (извѣстную роль играетъ здѣсь также представленіе о предкахъ, которые имѣютъ свое мѣстопребываніе на звѣздахъ). Даже такому трезвому, раціоналистическому народу, какъ китайцы, знакомы еще нѣкоторые отголоски этого культа. Лунныя затменія, когда демоны угрожаютъ звѣздѣ, играютъ роковую роль, и тогда нужны бываютъ всевозможныя заклинательныя формулы свѣдущаго въ волшебствѣ жреца, дабы устранить эти опасности.

Наконецъ, наряду съ тотемизмомъ, сюда надо причислить также и упоминавшійся раньше культъ животныхъ. Въ дѣйствительности, въ этомъ случаѣ все сводится къ регулярному почитанію того бога или предка-властителя, который воплотился въ данное животное. Служеніе животнымъ особенно извѣстно у египтянъ и индусовъ; оно есть существенная составная часть почти всѣхъ религій. Вѣдь для примитивнаго сознанія совсѣмъ нѣтъ этого столь важнаго, съ нашей точки зрѣнія, моральнаго различія между человѣкомъ и животнымъ; взамѣнъ этого, на первый планъ выступаетъ симпатическое чувство родства. Этотъ безконечно развѣтвленный

фетишизмъ животныхъ (у индѣйцевъ, негровъ, полинезійцевъ, азіатовъ и т. д.) именно здѣсь имѣетъ свои психологическіе корни.

Ниже мы покажемъ это болѣе подробно.

IV. Составныя части культа.

§ 10. Молитва.

Несомнѣнно, духовное общеніе между человѣкомъ и божествомъ имѣетъ въ нашихъ глазахъ громадное значеніе,—и у народовъ самаго различнаго происхожденія, даже у самыхъ грубыхъ племенъ, мы встрѣчаемъ обращенія къ сверхземнымъ силамъ. И, все же, нельзя категорически утверждать, что молитва есть универсальное явленіе,—хотя и обратное, несомнѣнно, должно представлять собой крайне рѣдкое исключеніе.

Какъ и слѣдуетъ ожидать, первоначально все вертится вокругъ чисто-матеріальныхъ благъ, вокругъ пріумноженія земныхъ благъ и имущества. Молятъ также о томъ, чтобы нанести вредъ врагу, чтобы предотвратить угрожающую опасность и т. п. Такъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Правда, довольно рано появляются и нѣкоторыя этическія побужденія.

Вотъ одна изъ молитвъ самоанцевъ:

Здѣсь ава (Ava) для васъ, вы боги! Взгляните дружественно на это семейство (вождь совершаетъ жертвоприношеніе), дайте ему расти и процвѣтать, сохраните намъ всѣмъ доброе здоровье. Да будутъ наши насажденія плодородны; дайте расти корму, пусть будетъ у насъ, вашихъ твореній, избытокъ въ пищѣ. Здѣсь ава для васъ, вы боги войны! Сдѣлайте такъ, чтобы въ этой странѣ былъ для васъ сильный и многочисленный народъ! Здѣсь ава для васъ, вы, плывущіе на парусахъ боги. Не приставайте на этомъ мѣстѣ къ берегу. Да восхотите вы черезъ океанъ направить свои паруса къ иной странѣ.

Сильнымъ паѳосомъ проникнута военная пѣсня делаваровъ:

О, ты, великій духъ, тамъ вверху,
Имѣй состраданье къ моимъ дѣтямъ
И къ моей женѣ!
Охрани, да не будутъ они носить траура по мнѣ!
Пошли мнѣ удачу въ этомъ предпріятіи,
Чтобы я убилъ своего врага
И принесъ домой трофеи,
Къ своей дорогой семьѣ, къ своимъ друзьямъ,
Чтобы мы другъ съ другомъ радовались!
Имѣй состраданье ко мнѣ и сохрани мою жизнь,
И я принесу тебѣ жертву и т. д.

Изъ болѣе высокаго моральнаго побужденія проистекаетъ молитва кхондовъ (Khonds), одного дравидскаго племени въ сѣверной Индіи: О, Господинъ! Мы не знаемъ, что для насъ хорошо; ты же вѣдаешь это, а потому мы молимъ тебя.

Или вотъ молитва атцека: О, милосердный владыка! Пусть это испытаніе, какимъ ты наказуешь насъ, освободитъ насъ отъ зла и ошибокъ.

Или вотъ молитва перуанца, съ какою онъ обращается къ Виракоха (Viracocha), божеству міра: О, Пахакамакъ (Pachacamac), ты, сущій съ начала и до конца долженствующій быть, могучій и сострадательный, ты, создавшій человѣка, создавшій однимъ словомъ: Да будутъ люди! Ты, охраняющій насъ отъ зла и дающій намъ жизнь и здоровье! На небѣ ли ты, или на землѣ, въ облакахъ или въ глубинахъ? Услышь голосъ того, кто взываетъ къ тебѣ съ молитвой, и подай ему то, о чемъ онъ молитъ тебя. Дай намъ вѣчную жизнь, сохрани насъ и прими эту нашу жертву.

Возможно, что здѣсь сказывается и вліяніе христіанства. Но, въ то же время, другіе это рѣшительно отрицаютъ.

А вотъ отрывокъ изъ болѣе длинной молитвы, которая охватываетъ собой весь жизненный путь человѣка (молитва эта принадлежитъ тѣмъ же кхондамъ въ Индіи, о которыхъ мы уже упоминали): Боже, ты сотворилъ насъ и вложилъ въ насъ чувство голода; потому для насъ сдѣлалось необходимымъ питаніе хлѣбомъ, а потому для насъ стали необходимыми приносящія плоды поля. Ты далъ намъ каждое зерно, ты повелѣлъ намъ употреблять рогатый скотъ и дѣлать плуги и пахать ими землю. Если бы ты не даровалъ намъ этого искусства, то мы, конечно, могли бы еще жить отъ естественныхъ плодовъ полей, но, въ своей безпомощности, мы не могли бы воздавать тебѣ никакихъ почестей. А потому вспомни обо всемъ этомъ и исполни нашу молитву, съ какою мы теперь обращаемся къ тебѣ. Рано утромъ, до восхода солнца, поднимаемся мы для своей работы и заботимся о посѣвахъ. Охрани насъ отъ тигра и отъ змѣи и отъ прочихъ камней преткновенія. Пошли, чтобы зерно быстро взошло, чтобы земля покорно слушалась нашего сошника, чтобы огромныя земляныя глыбы распадались какъ градины. Дай, чтобы наша жатва принесла много плодовъ, и вспомни о томъ, что съ нашей жатвой растетъ и твой почетъ, и уменьшеніе жатвы ведетъ къ умаленію твоихъ священныхъ обрядовъ и т. д.

Но и на болѣе высокихъ ступеняхъ развитія, даже у насъ, попадаются еще въ религіозныхъ представленіяхъ чисто-матеріальные моменты. Здѣсь встрѣчаются также и рѣзкія соціальныя градаціи, разслоенія. Такъ, въ «Ведахъ», напримѣръ, мы читаемъ: Возьми нашу скорбь отъ насъ! Священными стихами мы можемъ пріобрѣсть владычество надъ тѣми, кто не пользуется никакими священными гимнами. Положи различіе между аріями и тѣми, кто суть дазіи, накажи тѣхъ, кто не соблюдаетъ никакихъ священныхъ обрядовъ, сдѣлай ихъ подвластными приносящихъ жертвы. Индра

подчиняетъ неблагочестивыхъ благочестивымъ и уничтожаетъ безбожныхъ черезъ тѣхъ, кто страшится Бога.

Этотъ тонъ звучитъ еще рѣзче у мусульманъ: Я ищу прибѣжища у Аллаха отъ сатаны, проклятаго. Во имя Аллаха, сострадающаго, милостиваго. О, владыка всѣхъ твореній, о, Аллахъ! уничтожь невѣрныхъ и язычниковъ, твоихъ враговъ и враговъ вѣры! О, Аллахъ, сдѣлай ихъ дѣтей сиротами и разрушь ихъ жилища, пусть ихъ нога поскользнется, и отдай въ добычу мусульманамъ ихъ и ихъ семьи, и ихъ дома, и ихъ женъ, и ихъ дѣтей, и ихъ родныхъ, и ихъ братьевъ, и ихъ друзей, и ихъ владѣнія, и всю ихъ расу, и ихъ добро, и ихъ страну.

Впослѣдствіи, когда жреческая спекуляція овладѣла культомъ, молитва, какъ сила слова, т.-е. какъ божественная волшебная сила, стала побѣдоноснымъ средствомъ въ борьбѣ противъ всѣхъ злыхъ страстей и вредоносныхъ демоновъ. Всѣ великія религіи, начиная отъ браманизма и кончая христіанствомъ, сумѣли воспользоваться этой силой внушенія. Въ особенности оно примѣнялось, какъ мы увидимъ ниже, въ случаяхъ заклинанія злыхъ духовъ. Согласно Вендидаду *), у персовъ слову приписывается въ различныхъ случаяхъ безусловная способность исцѣлять болѣзни. Гоноверъ (Honover) **), общее обозначеніе для живого слова Ормузда, будучи правильно примѣнено, постоянно проявляетъ свою силу въ борьбѣ съ злымъ Ариманомъ и его воинствомъ. Поэтому-то знанію священныхъ изреченій придавалось такое громадное значеніе въ жреческихъ школахъ. И кто обладаетъ такимъ знаніемъ, тотъ имѣетъ власть надъ злыми духами (такъ это у индусовъ, персовъ, іудеевъ, мусульманъ, буддистовъ, христіанъ и т. д.). «Слову» начинаетъ воздаваться божественный культъ, ибо оно включаетъ въ себѣ дѣйствительность Бога, даже само божество (мы не говоримъ уже о теоріи логоса у гностиковъ). Поэтому слово служитъ не только волшебствомъ и фетишомъ, но и амулетомъ: оно охраняетъ тогда отъ болѣзней и смерти. Клочекъ бумаги съ написанными на немъ изреченіями изъ Корана цѣнится очень высоко въ мусульманской Африкѣ. Такой же характеръ носятъ знаменитое буддистское Om mani padme hum, наши четки, молитвенныя колеса и мельницы монголовъ и т. д.

Само собой разумѣется, что форма и содержаніе молитвы отличаются поразительнымъ разнообразіемъ, въ зависимости отъ общаго культурнаго уровня и отъ индивидуальности каждаго. Наряду съ самымъ простымъ, даже грубымъ выраженіемъ чувственныхъ вожделѣній, мы встрѣчаемъ здѣсь сравнительно длинные, искусно построенные и, конечно, механически про-

*) Самая важная и наиболѣе чтимая часть «Зендъ-Авесты».

**) Гоноверъ есть главная молитва парсовъ, повторяемая послѣ каждаго священнодѣйствія. *Прим. перев.*

износимые молебны, ведійскія пѣснопѣнія, гомеровскіе гимны, недавно открытыя пѣсни въ честь египетскихъ и ассирійскихъ божествъ, псалмы Давида, глубоко прочувствованныя религіозныя стихотворенія мусульманъ, а также мистическія церковныя пѣсни христіанскихъ вѣроисповѣданій. Несмотря на все громадное разнообразіе идей и стиля, мы, все же, повсюду встрѣчаемъ здѣсь одну и ту же общую ноту: здѣсь находитъ себѣ выраженіе одно опредѣленное душевное состояніе, одна страстная тоска, одно сильное желаніе и вожделѣніе. По крайней мѣрѣ, такъ бываетъ вначалѣ, пока корыстные расчеты жрецовъ не наложили еще на это свой руки и не заглушили голоса яснаго чувства.

Именно здѣсь и кроется истинная цѣнность откровенія, понимая его въ строго имманентномъ, психологически понятномъ смыслѣ. Оно, это откровеніе, и есть начало и живой источникъ всякой религіи. Это душевное настроеніе, которое и есть религіозность въ самомъ настоящемъ смыслѣ этого слова, является поэтому истиннымъ нервомъ культа. И безъ этого элемента культъ неизбѣжно окаменѣваетъ и превращается въ мертвую рухлядь всяческихъ формулъ. Вѣра, непоколебимое убѣжденіе въ дѣйственность и значеніе божественнаго слова есть та внутренняя связь, которая во всѣхъ церквахъ сплачиваетъ воедино внѣшнюю организацію, всякую обрядность и всякое торжественное дѣяніе съ внутреннимъ чувствомъ человѣка, съ его страстными исканіями и порывами. А изъ этого неискоренимаго стремленія ввысь и рождается всякая религія.

Но человѣкъ достигаетъ «справедливости» не только посредствомъ одного лишь голаго слова, которое ему достаточно знать, чтобы избавиться отъ всякихъ бѣдствій. Эта вѣрность культу,—какъ здѣсь можно было бы выразиться,—обнаруживается также и въ нерушимомъ исполненіи божескаго закона, предписаній, которыя суть какъ бы отвѣты высшаго существа на наши вопрошанія и мольбы. Эти ограниченія и запреты отличаются сперва необычайной строгостью и требовательностью, въ особенности (что крайне характерно) на низшихъ ступеняхъ развитія, гдѣ жрецы именно въ этомъ направленіи умѣютъ такъ хорошо использовать свою обширную власть.

Наибольшей извѣстностью, въ этомъ отношеніи, пользуются различнаго рода запрещенія, касающіяся пищи, и, прежде всего, внушающая страхъ полинезійская система табу. Въ силу табу, буквально на все (жилища, предметы и т. д.) можетъ быть наложенъ запретъ жрецами или вождями, которые находятся съ ними въ связи. Затѣмъ во всѣхъ высшихъ религіяхъ мы встрѣчаемъ тѣ или иныя заповѣди, облеченныя божественнымъ ореоломъ. Такъ, это есть у индусовъ, персовъ, іудеевъ, мусульманъ, христіанъ и т. д. Замѣчательно, что нерѣдко все это понимается отрицательно, именно какъ ограниченія грубыхъ, не знающихъ узды, эгоистическихъ инстинктовъ человѣка. Лишь при болѣе тонкомъ и болѣе глубокомъ пониманіи сюда привходятъ нравственные мотивы. Характеръ этихъ запо-

вѣдей измѣняется въ зависимости отъ культурнаго уровня. Система Конфуція, построенная на культѣ предковъ и на благочестіи, выдвигаетъ во главу угла почитаніе дѣтьми отца и матери. А для буддиста превыше всякихъ другихъ требованій стоитъ требованіе не уничтожать никакой жизни. Или вотъ браминъ совсѣмъ не знаетъ этой строгой заповѣди іудейства: не сотвори себѣ кумира, не твори служеній передъ идолами.

Эти законы образуютъ собой пограничную черту для соотвѣтствующаго культурнаго общенія, они опредѣляютъ принадлежность отдѣльныхъ членовъ къ тому или иному общенію. И нерушимое соблюденіе этихъ предписаній есть само собой подразумѣвающееся требованіе религіознаго самосохраненія. Ясно само собой, что тутъ все легко можетъ закоченѣть роковымъ образомъ, здѣсь можетъ легко развиться простая внѣшняя раздѣлка, совершенно не отвѣчающая внутреннимъ переживаніямъ человѣка. Все это подтверждается безконечнымъ числомъ историческихъ фактовъ,—и жизнь всегда вновь даетъ намъ примѣры такого рода.

§ 11. Обѣтъ и жертвоприношеніе.

Съ молитвой, которая, какъ это показываетъ уже самое выраженіе (молитва, моленіе, прошеніе), включаетъ въ себѣ просьбу, непосредственно связана жертва. Человѣкъ преподноситъ божеству жертву, какъ своего рода даръ. Въ данномъ случаѣ, имъ могутъ руководить самые разнообразные мотивы.

Первобытный человѣкъ униженно падаетъ ницъ передъ могущественнымъ вождемъ, и, дабы снискать его благоволеніе, онъ преподноситъ ему дары. То же самое наблюдаемъ мы и въ отношеніяхъ человѣка къ божеству. Въ интересахъ уясненія этой психологической связи, мы приведемъ нѣсколько поучительныхъ примѣровъ изъ того громаднаго матеріала, какой въ изобиліи имѣется по этому вопросу.

Когда въ 1693 году море въ Гвинеѣ было особенно бурнымъ, то король послалъ жреца на берегъ съ разнаго рода подарками. Тутъ была и кружка съ пальмовымъ масломъ, и полный мѣшокъ съ рисомъ и хлѣбомъ, и бутылка водки, и кусокъ ситца и т. д. Вотъ жрецъ - заклинатель прибылъ на берегъ морской. Онъ держитъ здѣсь къ морю длинную рѣчь. Онъ завѣряетъ море, что король ему другъ; онъ восхваляетъ бѣлыхъ, какъ честныхъ людей. А потому имъ можно-де пристать къ берегу. При этихъ словахъ, онъ бросаетъ въ волны кружку съ масломъ, а затѣмъ, при такихъ же завѣреніяхъ, въ волны бросаются рисъ, водка, хлѣбъ и т. д.

Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ культъ и, въ особенности, жертву истиннымъ началомъ религіознаго развитія. Другіе же, наоборотъ, жертво-

приношеніе разсматриваютъ какъ необходимое слѣдствіе миѳа, извѣстнаго міросозерцанія, извѣстной вѣры. Но, какъ бы тамъ ни было, жертва является важнымъ факторомъ всякой религіи. По нашему же мнѣнію, нельзя, какъ это нерѣдко дѣлаютъ, раздѣлять хронологически то и другое; наоборотъ, вѣра и дѣяніе прямо переходятъ одно въ другое, такъ что съ большимъ правомъ можно предположить, что вѣра и жертва возникли одновременно.

Въ этомъ отношеніи, громадное значеніе имѣютъ также соціальные моменты, участіе членовъ даннаго племени въ общихъ пиршествахъ, которыя устраиваются въ честь племеннаго бога (тотемъ). Во всякомъ случаѣ, многія жертвенныя формы и обычаи ведутъ свое начало отсюда. Въ этихъ общихъ пиршествахъ недвусмысленно выражается то чувство общности, какое связывало лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Точно также и по отношенію къ сверхземному существу въ этихъ празднествахъ сказывалось желаніе стать въ болѣе тѣсное къ нему отношеніе, которое можетъ остаться и на будущее время и можетъ предохранить и спасти отъ угрожающихъ опасностей.

Нерѣдко случается также, что именно эти братскія трапезы сопровождаются кровавыми жертвами (такъ бывало у ацтековъ и даже у этихъ нѣжно-чувствующихъ перуанцевъ, а также и у многихъ другихъ первобытныхъ народовъ). И лишь постепенно онѣ замѣняются безобидными символами (такъ это, напримѣръ, въ браманскомъ культѣ).

Наряду съ этими жертвоприношеніями и празднествами въ честь соціальной группы, необходимо отмѣнить тѣ обрядности, которыя, въ качествѣ жертвъ и посвященій, имѣли въ виду интересы отдѣльной личности. Нѣкоторые авторы склонны усматривать въ этомъ особый отличительный признакъ. Но едва ли нужно доказывать, что признакъ этотъ почти неуловимъ.

Если, согласно древнему воззрѣнію, божество принимаетъ принесенныхъ ему въ даръ идоловъ, животныхъ и людей, то оно пожираетъ эти дары: ибо божество въ то время представляется людьми вполнѣ матеріально. Кровь, этотъ «особый сокъ», или какая-либо другая жидкость—стоитъ только вспомнить знаменитую сому или гаому въ индоперсидскомъ вѣроученіи!—играютъ при этомъ большую роль. Что же касается твердыхъ частей тѣла, то онѣ не имѣютъ значенія.

Наиболѣе яркой формой этого спиритуализма можетъ служить ладанъ,—какъ это въ обычаѣ у американцевъ. Сюда же относится, совершенно непонятное для нашихъ чувствъ, религіозное значеніе, признаваемое за куреніемъ табака. Такъ, озаги, при всякомъ новомъ предпріятіи, обыкновенно закуривали трубку и при этомъ произносили слѣдующую молитву: «Великій Духъ, спустись внизъ и кури вмѣстѣ съ нами, какъ другъ! Огонь и земля, курите со мной и помогите мнѣ уничтожить своихъ враговъ». Члены другого

племени сіу смотрѣли во время куренія на солнце, и, когда зажигали трубку, то предлагали ее солнцу со словами: кури, солнце! — При всѣхъ заклинаніяхъ необходимымъ предварительнымъ условіемъ является куреніе табака, которое служитъ здѣсь въ качествѣ наркотическаго средства. Особенно часто употреблялся во всѣхъ американскихъ храмахъ ладанъ. То же самое наблюдалось въ Греціи, Римѣ, Египтѣ и т. д.

Съ этими болѣе или менѣе цѣнными подарками непосредственно связывается, какъ мы объ этомъ уже упоминали, идея благоговѣнія, почитанія, преклоненія передъ могущественной силой божества. Тутъ имѣлась также и идея умиленія за совершенный грѣхъ. А впослѣдствіи на этой почвѣ развилась извѣстная договорная теорія между человѣкомъ и божествомъ, которая нерѣдко вызывала противъ себя столько ироніи. И человѣкъ властно требовалъ въ награду за свои дары отпущенія грѣховъ. А въ случаѣ особой своей щедрости, онъ грѣшилъ даже какъ бы авансомъ, напередъ.

Такое искаженіе этой идеи тянется отъ временъ іудейскихъ пророковъ вплоть до Лютера. И, къ сожалѣнію, и въ наши дни сохраняютъ еще свою силу слова Писанія, что Господу угодна одна только любовь, а не жертва, познаніе Бога, а не всесожженіе: Богу не нужна кровь молодыхъ быковъ, рогатаго скота и козловъ.

Страшныя человѣческія жертвоприношенія существовали нѣкогда повсюду, если судить объ этомъ по нѣкоторымъ значительнымъ переживаніямъ (мы не говоримъ, конечно, о неоспоримыхъ доказательствахъ). И проистекаютъ они, главнымъ образомъ, изъ этого заблужденія, что человѣкъ, при помощи такого почитанія, можетъ оказывать на божество особенно сильное дѣйствіе; онъ можетъ-де даже принудить его исполнить то, что желательно человѣку.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, могущихъ иллюстрировать такое настроеніе духа.

Зулусы стараются умилостивить бога неба тѣмъ, что приносятъ ему въ жертву рогатый скотъ: такъ онъ ниспошлетъ имъ дождь. Вожди въ этихъ случаяхъ выбираютъ быковъ. Конечно, въ жертву приносится одинъ только быкъ. Мясо его поѣдаютъ дома, въ глубочайшемъ молчаніи, въ знакъ смиреннаго преклоненія передъ божествомъ. Кости сжигаются за предѣлами деревни, и послѣ пиршества поется пѣсня безъ словъ.

Но высшей формой жертвоприношенія, которое должно обозначать собой отказъ отъ того, что намъ цѣнно, является принесеніе въ жертву человѣка. Оно совершается жрецами. Встрѣчается оно повсюду въ самыхъ разнообразныхъ формахъ (какъ выкупъ, вплоть до безобиднаго символа). Такой же характеръ носятъ очистительныя жертвы у іудеевъ, принесеніе въ жертву крови Іеговѣ, греческіе и римскіе миѳы объ искупленіи (попытка принести въ жертву Ифигенію, или маковыя и луковыя головки,

приносившіяся въ жертву Маніи), многочисленныя жертвы закланія у семитовъ—вѣдь князь моавитскій принесъ же въ жертву своего старшаго сына, когда борьба оказалась ему не по силамъ,—широко распространенное пусканіе крови, прокалываніе ушей, начертаніе имени божества на своей кожѣ, разнаго рода увѣчья и калѣченія, остатки кровнаго союза у германцевъ и римлянъ, поѣданіе дѣтей и принесеніе ихъ въ жертву и т. д. У германцевъ, кромѣ того, все это очень наглядно отразилось въ ихъ миѳологіи.

Слѣдующій примѣръ изъ народныхъ суевѣрій эстовъ еще ярче иллюстрируетъ эту кровавую черту въ жертвоприношеніи, которая нѣкогда отличала его.

Лицо, приносящее жертву, должно было до крови расцарапать себѣ палецъ, и, при этомъ, произносилась такая молитва: Я призываю тебя своею кровью и обручаю тебя своею кровью и указываю тебѣ свои строенія для благословенія; ниспошли на нихъ благословеніе при помощи моей крови и своего могущества. Да будешь ты мнѣ на радость, всемогущественнѣйшій, да будешь ты кормильцемъ моихъ родителей, защитникомъ и покровителемъ моей жизни. Я прибѣгаю къ тебѣ съ мольбой во имя силы мяса и крови: прими ту пищу, какую я приношу тебѣ для твоего пропитанія и для радости моей жизни, сохрани меня, какъ свое доброе дитя, и я буду съ благодарностью прославлять тебя. При помощи всемогущаго, моего собственнаго бога, возвысь меня! Прости мнѣ то, что неправедное совершилъ я по отношенію къ тебѣ изъ нерадѣнія! Но твердо сохрани въ своей памяти, что я честнымъ образомъ отнесъ свои дары моимъ родителямъ на честь и на радость и на воздаяніе. А помимо того, падая ницъ, трижды цѣлую я землю. Да будешь ты быстро со мной и въ дѣлахъ и въ мирѣ, да будешь ты со мною отнынѣ.

Но иногда, въ особенности, во времена серьезныхъ кризисовъ, при угрожающихъ опасностяхъ, снова съ сугубой яростью прорывается наружу старый предразсудокъ, неудержимо снося съ своего пути всѣ болѣе гуманныя воззрѣнія, которыя между тѣмъ успѣли-было уже пустить корни. Такъ было у карѳагенянъ. Для кровавыхъ жертвоприношеній въ честь своего бога Молоха они давно уже стали употреблять чужихъ дѣтей, которыя спеціально покупались ради этой цѣли. Но, когда ихъ стали преслѣдовать военныя неудачи, они рѣшили устроить страшное массовое жертвоприношеніе и для этой цѣли взяли двѣсти мальчиковъ изъ своихъ знатнѣйшихъ фамилій.

Въ Мексикѣ, во время ежегоднаго праздника въ честь боговъ воды и горъ, совершались настоящія человѣческія жертвоприношенія. Но въ домахъ отдѣльныхъ гражданъ все это принимало безобидный, хотя и достаточно внушительный обликъ. Тутъ изъ тѣста дѣлались человѣческія тѣла; имъ вскрывали грудь, вынимали сердце и съѣдали его. У практичныхъ и разсу-

дочныхъ китайцевъ все это принимаетъ болѣе сложный видъ. Чтобы вымолить себѣ здоровья у божества, управляющаго годомъ, китаецъ рисуетъ на бумагѣ грубую человѣческую фигуру, наклеиваетъ ее на бамбуковую палку и втыкаетъ послѣднюю стоймя въ пакетъ съ фальшивыми бумажками. Затѣмъ все это, вмѣстѣ съ надлежащими заклинательными средствами, съ болѣзнью, выносится на улицу. Жрецъ опрыскиваетъ паціента водой изо рта; то же онъ дѣлаетъ съ нарисованной человѣческой фигурой и съ фальшивыми деньгами. Фигура и деньги затѣмъ сжигаются, а общество, въ заключеніе, съѣдаетъ небольшой обѣдъ, приготовленный для божества. Не меньшимъ распространеніемъ пользуется извѣстный обычай приносить въ жертву божеству копію заболѣвшаго члена.

Затѣмъ сюда же принадлежитъ цѣлый рядъ очень важныхъ обрядностей, которыя безконечной вереницей тянутся съ низшихъ ступеней первобытной жизни вплоть до высшихъ культурныхъ ступеней. Таковы: посты, которые люди налагаютъ на себя, болѣе или менѣе болѣзненныя истязанія, обѣты, принимаемые на себя, или, наконецъ, жертвы по обѣту, въ благодарность за спасеніе отъ опасности.

Начнемъ съ послѣднихъ. Еще и понынѣ можно встрѣтить въ церквахъ очень распространенныя фигурки изъ воска. Онѣ приносятся въ жертву святымъ, когда у человѣка заболѣваетъ тотъ или иной органъ тѣла. Этотъ обычай раньше распространялся также и на животныхъ. Особенно важное значеніе для жреческаго сословія имѣютъ, какъ мы въ этомъ убѣдимся ниже, тѣ испытанія, какимъ подвергаются послушники. Только путемъ такихъ испытаній послушникъ можетъ разсчитывать достигнуть желаннаго общенія съ божествомъ.

Такъ, Бастіанъ описываетъ жизненный путь африканскаго волшебника. Ребенокъ, уже въ первые дни послѣ своего рожденія, приносится къ ганга (верховному жрецу), который и налагаетъ на него одинъ или нѣсколько обѣтовъ. А мать уже тщательно заботится о томъ, чтобы ребенокъ съ первыхъ же шаговъ своей жизни соблюдалъ всѣ эти обѣты; она старается наставить его во всемъ этомъ. Ибо, такимъ образомъ, въ позднѣйшіе годы ему легче будетъ избѣжать всяческихъ промаховъ. Въ другихъ мѣстахъ (выше рѣчь шла о Конго) эта мистическая связь съ Мокиссо (духъ-покровитель) отсрочивается, наоборотъ, до того момента юношескаго возраста, когда юноша наиболѣе впечатлителенъ. Для этого избирается время перехода къ половой зрѣлости, когда человѣкъ предается идеальнымъ мечтаніямъ. Въ это время колоніи въ Африкѣ перекочевываютъ въ лѣса, а индѣецъ взбирается на свое одинокое дерево. Кромѣ того, необычайные случаи жизни даютъ возможность распознать фетишъ.

Безразлично, какимъ бы путемъ ни былъ избранъ Мокиссо,—онъ служитъ жизненной цѣлью для своего поклонника. Послѣдній находитъ въ немъ свое удовлетвореніе; онъ находитъ въ немъ отвѣтъ на тѣ страшные

вопросы, которые всюду вспыхиваютъ въ груди человѣческой, не исключая и негра. Вся разница здѣсь только та, что негръ можетъ удовлетвориться болѣе простыми отвѣтами.

Принятый на себя обѣтъ составляетъ для него все содержаніе его религіи. Пока онъ живетъ среди благопріятныхъ условій, онъ чувствуетъ себя счастливымъ и довольнымъ подъ защитой своего Мокиссо; онъ чувствуетъ себя сильнымъ подъ покровомъ его благоволенія. Свои солнечные дни онъ приписываетъ благоволенію своего покровителя, ибо онъ поступаетъ и думаетъ такъ, какъ это отвѣчаетъ желанію и волѣ послѣдняго. Но если онъ нарочно или нечаянно нарушилъ свой обѣтъ, преступилъ данныя ему предписанія, то онъ ввергается въ гибельное противорѣчіе съ своимъ предназначеніемъ. Естественно, его начинаютъ постигать всякаго рода бѣдствія, надъ нимъ сгущается тяжелая туча страданій,—и что же ему остается, какъ не умереть и забыть? Вѣдь ему ниоткуда не свѣтитъ лучъ высшей надежды, нигдѣ не открывается ему пути исцѣленія и спасенія. Несчастному въ Африкѣ излишне искать смерти. Враги, которые отовсюду окружаютъ его въ образѣ его ближнихъ, скоро растопчутъ ногами слабаго. И съ послѣднимъ издыханіемъ поклонника фетишей гибнетъ цѣлая міровая система (правда, размѣръ ея крайне ничтоженъ, не больше какой-либо двѣнадцатой доли страницы).

Человѣкъ умираетъ, и, вмѣстѣ съ нимъ, умираетъ тотъ богъ, котораго онъ создалъ себѣ; оба они погружаются въ ночь небытія *).

Эта система бичеваній, покаяній, это систематическое воздержаніе отъ всякой пищи, это бѣгство отъ всякаго человѣческаго общества, это насильственное концентрированіе вниманія на одной единственной мысли, надо всѣмъ господствующей, на одной единственной жизненной цѣли, заполняющей собой всѣ помыслы человѣка,—все это создаетъ то состояніе мистическаго восторга, экстаза, которое имѣло такое громадное значеніе для всей религіозной исторіи. И это состояніе экстаза мы встрѣчаемъ повсюду, какъ на низшихъ, такъ и на высшихъ ступеняхъ культуры. Начинаются видѣнія и галлюцинаціи, и человѣкъ безъ надежды на спасеніе попадаетъ подъ тиранію этихъ возбужденныхъ состояній. Его поступки становятся совершенно автоматическими. Онъ превращается въ простой сосудъ, въ которомъ пребываетъ добрый или злой духъ, владѣющій имъ.

Приведемъ здѣсь въ извлеченіи одинъ очень наглядный примѣръ такого душевнаго состоянія (рѣчь идетъ здѣсь объ индѣйскомъ сновидѣніи, рисующемъ дѣйствительную жизнь):

Великій Отецъ взялъ меня за руку и повелъ меня въ глубину лѣса. Здѣсь онъ отыскалъ высокую ель и приготовилъ мнѣ въ ней ложе, въ которомъ я долженъ былъ пребывать на время поста. Затѣмъ Великій

*) Санъ Сальвадоръ, стр. 254.

Отецъ сказалъ мнѣ, что я не долженъ ни въ какомъ случаѣ употреблять чего-либо въ пищу, ни ѣсть, ни пить, ни рвать ягодъ, ни лизать той дождевой воды, которая, быть-можетъ, выпадетъ. Я не долженъ былъ также вообще вставать съ своего ложа; я долженъ былъ лежать тихо, день и ночь я долженъ былъ углубляться только въ самого себя и терпѣливо ждать того, что должно было притти. Первые три или четыре дня поста были для меня такъ же страшны, и я находился въ такомъ же напряженіи, какъ и въ первый разъ, и ночью я не могъ спать отъ голода и жажды. Но я претерпѣлъ все это, и на пятый день я не испытывалъ уже больше мученій. Я впалъ въ мечтательное и полуоцѣпенѣлое состояніе и уснулъ. Но уснуло одно только тѣло мое; моя душа была свободна и бодрствовала. Въ первыя ночи ничего не являлось, и все было тихо. Но на восьмую ночь я услыхалъ однажды нѣкоторый шумъ и дуновеніе въ вѣтвяхъ. Казалось, словно сквозь кустарникъ и лѣсъ пробирается тяжелый медвѣдь или лось. На меня напалъ великій страхъ. Я думалъ, что ихъ пробирается много, и я думалъ уже принять необходимыя мѣры, чтобы бѣжать. Но тотъ, кто приближался ко мнѣ, кто бы онъ ни былъ, угадалъ мои мысли и замѣтилъ мой страхъ уже издали. Онъ крѣпко и нѣжно опустился на вѣтви моего дерева въ изголовьи у меня. Затѣмъ онъ началъ бесѣдовать со мной и спросилъ меня: Ты боишься, сынъ мой?—Нѣтъ, отвѣтилъ я, теперь я уже не боюсь.—Зачѣмъ ты здѣсь, на этомъ деревѣ?—Дабы поститься.—Зачѣмъ ты постишься?—Дабы пріобрѣсти силу и знать свою жизнь.—Это хорошо, ибо это превосходно совпадаетъ съ тѣмъ, что теперь совершается въ другомъ мѣстѣ ради тебя. Какъ-разъ въ нынѣшнюю ночь шелъ разговоръ о тебѣ и о твоей судьбѣ, и я пришелъ сказать тебѣ, что рѣшеніе выпало очень благопріятное для тебя. Мнѣ поручено позвать тебя, дабы ты самъ все могъ видѣть и слышать. Иди и слѣдуй за мной.

Духъ воспарилъ впереди меня по направленію къ востоку. И я послѣдовалъ за нимъ. Хотя мы и парили по воздуху, но я двигался гораздо увѣреннѣе, чѣмъ если бы шелъ по твердой землѣ. Когда послѣ долгаго времени мы прибыли на вершину высокой горы, я увидѣлъ тамъ вигвамъ*) и въ немъ необычайное собраніе. Одинъ изъ мужей взялъ слово и сказалъ: Оглянись кругомъ, ты видишь здѣсь у насъ всѣ благіе дары бога, здоровье и силу, и долгую жизнь, и всѣ созданія природы. И, дабы ты могъ избѣгнуть болѣзни, возьми эту банку съ лѣкарствами. Употребляй ихъ въ нуждѣ, и если тебя постигнетъ бѣдствіе, то вспомни о своемъ восхищеніи и памятуй о насъ. Когда ты будешь обращаться къ намъ съ молитвой, то мы поможемъ тебѣ и будемъ съ тобой. Всѣхъ этихъ птицъ и орловъ и дикихъ звѣрей, что ты видишь въ изобиліи летающими и бѣгающими въ нашемъ вигвамѣ,

*) Хижина сѣверо-американскихъ дикарей. *Прим. перев.*

всѣхъ ихъ мы даримъ тебѣ. Ты долженъ стать хорошимъ охотникомъ, и всѣхъ ихъ ты будешь стрѣлять. Въ теченіе всего этого времени мое тѣло лежало тамъ совершенно окоченѣлымъ и безо всякаго сознанія, словно трупъ. Только душа моя такъ легко бродила по свѣтлымъ пространствамъ. Затѣмъ я сталъ дышать, вздохнулъ и поднялся, словно человѣкъ, проснувшійся отъ глубокаго сна и т. д.

Это приводитъ затѣмъ къ тому возрожденію души, о которомъ мы уже говорили тили выше: создается совершено новая форма «я», которая не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ бытіемъ. Мы уже упоминали выше, что этотъ религіозный экстазъ играетъ очень важную роль въ жизни всѣхъ основателей религій и пророковъ. Онъ обнаруживается въ самыхъ различныхъ формахъ.

Такъ какъ насъ интересуетъ здѣсь культъ, то мы остановимся, главнымъ образомъ, на откровеніи божескихъ велѣній.

Это прорицаніе совершается благодаря, такъ называемой, инкубаціи, т.-е. благодаря сну въ самомъ храмѣ. Въ этомъ отношеніи особенной славой пользовались египетскія святыни (напримѣръ, храмъ Сераписа въ Канобѣ). Ради этой цѣли онѣ посѣщались усиленно. Столь же высоко цѣнили эти внушенія и разгадки будущаго греки. Это разгадываніе будущаго служило въ рукахъ жрецовъ и средствомъ исцѣленія. Эта сила внушенія принадлежала также, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, и лицамъ княжескаго происхожденія. Такой случай передается изъ жизни Веспасіана.

Одинъ простой человѣкъ изъ Александріи, страдая болѣзнью глазъ, палъ однажды императору въ ноги и со стонами сталъ умолять его дать ему исцѣленіе отъ слѣпоты, по указанію бога Сераписа. А это божество особенно высоко почиталось этимъ суевѣрнымъ народомъ. Больной просилъ императора, чтобы тотъ соблаговолилъ смочить щеки и глазныя впадины своей слюной. Точно также и одинъ сухорукій просилъ цезаря, равнымъ образомъ, по указанію божію, чтобы тотъ наступилъ ему на руку своей ногой. Веспасіанъ сперва посмѣялся и велѣлъ имъ итти прочь. Но тѣ продолжали стоять на своемъ. Императоръ сталъ колебаться. Съ одной стороны, онъ опасался вызвать по отношенію къ себѣ упреки въ тщеславіи, а съ другой—мольбы обоихъ калѣкъ и убѣжденія льстецовъ порождали въ немъ нѣкоторую увѣренность. Наконецъ, онъ обратился къ врачамъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе: можно ли исцѣлить человѣческими средствами такую слѣпоту и сухорукость. Врачи высказались различно. Одинъ думалъ, чт способность видѣть не исчезла еще окончательно и можетъ вернуться, разъ удутъ устранены всѣ препятствія. Другой полагалъ, что члены вывихнуты и могутъ быть излѣчены, разъ будетъ примѣнена исцѣляющая сила. Возможно, что все это въ рукахъ божьихъ, и императоръ избранъ быть орудіемъ божества.

Тогда Веспасіанъ, вѣря, что для его счастья все возможно, съ радост-

нымъ лицомъ, въ присутствіи исполненной напряженія толпы, совершилъ то, чего отъ него требовали. И тотчасъ же рука ожила, а слѣпой вновь узрѣлъ дневной свѣтъ *).

Еще бо́льшею извѣстностью пользуются дѣянія египетскихъ волхвовъ во времена Моисея. Еще выше стоятъ въ этомъ отношеніи индійскіе іогины (Yogins) и мусульманскіе дервиши.

Впрочемъ, мы еще вернемся къ этой темѣ, когда у насъ будетъ рѣчь о заклинаніи злыхъ духовъ.

Но повсюду ясна та непосредственная связь, какая существуетъ между вдохновеніемъ (когда божественный духъ какъ бы наполняетъ всего человѣка) и вѣщаніемъ оракула. Какъ извѣстно, съ этимъ вполнѣ согласуется общенародное вѣрованіе, что и эпилепсія или слабоуміе суть, въ большинствѣ случаевъ, также признаки божественнаго призванія. Очень важную роль играетъ въ этомъ отношеніи самовнушеніе. Это ясно видно изъ слѣдующаго типическаго примѣра.

Жрецъ на островахъ Фиджи молча и пристально смотритъ на китовый зубъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ начинаетъ легко дрожать, а затѣмъ эти поддергиванія превращаются въ сильныя конвульсіи. Теперь богъ вошелъ въ него. Глаза у него поворачиваются изъ стороны въ сторону, они выкатились впередъ, голосъ его сталъ неестественнымъ, лицо и губы у него бѣлыя, онъ весь обливается потомъ. И въ такомъ видѣ онъ даетъ отвѣтъ, исходящій отъ того бога, который наполняетъ его. Затѣмъ всѣ эти симптомы начинаютъ пропадать. Онъ пристально, съ остановившимся взоромъ, смотритъ въ воздухъ, и богъ уходитъ обратно въ страну духовъ.

Эта пророческая одержимость повторяется повсюду—пойдемъ ли мы въ Дельфы или въ Египетъ, въ Японію или въ Палестину. И все различіе сводится къ незначительнымъ оттѣнкамъ.

Это состояніе полной пассивности по отношенію къ божеству мы наблюдаемъ также и у Преворстской пророчицы:

Hier lieg ich lebend
Vor dir, Allerbarmer,
Ich Arme, ich Kranke
Ich Schwache, ich Kranke,
Du nimmst den gehorsamen
Kindern den Schmerz,
Du bist der Allwissende,
Sicherst mein Herz **).

---

*) Тацитъ, Ист. IV, 81.

**) Здѣсь лежу я. живая,
Предъ тобою, Всемилостивый,
Я бѣдная, я больная,
Я слабая, я больная.
Ты удаляешь скорбь
Отъ послушныхъ дѣтей,
Ты всезнающій,
Ты охраняешь мое сердце.

Наконецъ, мы можемъ обратиться къ этимъ необычайно многочисленнымъ и разнообразнымъ траурнымъ обычаямъ. Здѣсь передъ нами развертывается обширная область представленій, связанныхъ съ культомъ. Какъ это ясно само собой, обычаи эти отчасти подлежатъ строгой соціальной регулировкѣ и находятся въ вѣдѣніи жреческаго сословія. Отчасти же они носятъ болѣе частный характеръ и предоставлены индивидуальному усмотрѣнію.

Мы ограничимся здѣсь немногими штрихами.

И въ этомъ случаѣ главная роль принадлежитъ опять-таки болѣзни и смерти. Такъ, каффрамъ запрещено произносить имя умершаго; каффръ не долженъ также употреблять никакихъ выраженій, которыя могли бы напомнить о покойникѣ. Въ особенности слѣдуетъ указать на табу полинезійцевъ, которое налагается послѣ смерти вождя. Такой же характеръ носятъ: favete linguis у римлянъ, многочисленныя ограниченія въ дѣлѣ выбора надлежащаго дня, разнаго рода калѣченія (вырываніе зубовъ, пусканіе крови), обрѣзаніе волосъ, опредѣленные траурные цвѣта, безразлично, какъ на собственномъ тѣлѣ, такъ и въ одеждѣ, особыя траурныя торжества до, во время и послѣ похоронъ. Все это преслѣдуетъ одну цѣль: примирить душу усопшаго.

Можно было бы указать еще и другіе примѣры. Особенно характеренъ въ этомъ отношеніи слѣдующій фактъ: папуасы обыкновенно ходятъ почти голыми, но во время траура они покрываютъ все тѣло особой матеріей или облекаются въ особую траурную одежду. Алфуры въ такихъ случаяхъ раздираютъ свою одежду. Очень распространенъ затѣмъ обычай очищенія водой послѣ совершенія всѣхъ похоронныхъ обрядностей. Такъ, скиѳы послѣ каждыхъ похоронъ парились. Это служитъ также вѣрнымъ средствомъ противъ злыхъ духовъ. Для той же цѣли служитъ также и огонь или сильный шумъ и крикъ. Такъ поступаютъ во время солнечныхъ и лунныхъ затменій: такимъ путемъ думаютъ притти на помощь звѣздамъ противъ демоновъ.

Ниже, когда у насъ будетъ рѣчь о заклинаніяхъ, намъ придется еще коснуться этихъ воззрѣній и обычаевъ.

§ 12. Обряды въ тѣсномъ смыслѣ.

На страницахъ настоящаго изслѣдованія мы вновь и вновь съ полной очевидностью убѣждаемся въ томъ, что вся жизнь людей, въ особенности на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, отъ начала до конца, стоитъ подъ знакомъ религіи. Замѣтимъ мимоходомъ, что это служитъ недвусмысленнымъ показателемъ соціальнаго характера религіи.

Въ этихъ рамкахъ, само собой разумѣется, болѣзнь и смерть занимаютъ центральное мѣсто. И поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь необычайно сложно-развитую систему религіозныхъ обрядовъ. Понятно, что въ этой области жрецъ имѣетъ исключительно важное значеніе. Поэтому мы должны остановиться, хотя бы бѣгло, на роли жречества.

Конечно, при томъ громадномъ изобиліи матеріала, какой имѣется къ нашимъ услугамъ, мы поневолѣ должны ограничиться здѣсь нѣкоторыми общими указаніями и наиболѣе характерными примѣрами.

У очень многихъ народовъ, совершенно не родственныхъ между собой, богиня луны обыкновенно призывается на помощь во время рожденія ребенка. Такъ, это дѣлаютъ перуанцы, иранцы, семиты и др. Замѣчателенъ, въ этомъ отношеніи, слѣдующій фактъ: какъ-разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ во времена древнихъ римлянъ стоялъ храмъ Юноны Луцины *), нынѣ находится церковь S. Maria Maggiore, и среди реликвій въ этомъ храмѣ хранится колыбель или ясли Спасителя.

Три греческія богини судьбы, Клото, Лахезисъ и Атропосъ, появлялись уже при самомъ рожденіи ребенка и предсказывали ему его судьбу. То же самое дѣлали древне-скандинавскія норны. Такой же характеръ носятъ многочисленныя божества-покровители у различныхъ народовъ. Здѣсь новорожденному ребенку, въ большинствѣ случаевъ, составляется гороскопъ, конечно, подъ руководствомъ опытныхъ жрецовъ. Тѣ же астрологическія вычисленія мы встрѣчаемъ у мексиканцевъ, у индусовъ, у монголовъ, у самыхъ различныхъ народностей германскаго племени и т. д.

Ребенокъ, въ большинствѣ случаевъ, почитается нечистымъ, и поэтому требуются особые обряды, дабы очистить его и предохранить отъ злого чародѣйства. То же самое дѣлается и по отношенію къ женщинѣ. Нерѣдко она должна бываетъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени избѣгать общества людей и жить изолированно. Наряду съ религіознымъ моментомъ здѣсь играютъ роль также и гигіеническія и діэтетическія соображенія. Хотя нерѣдко все это маскируется удивительнымъ образомъ. Только самые грубые народы встрѣчаютъ появленіе юнаго гражданина міра съ совершенно тупымъ равнодушіемъ. Въ большинствѣ же случаевъ по этому поводу устраиваются празднества, и нерѣдко крайне расточительныя.

Совершенно особый характеръ носитъ сообщеніе Геродота о ѳракійцахъ. Онъ передаетъ, что они садятся вокругъ новорожденнаго и оплакиваютъ его: ибо впереди ему предстоитъ нести тяготы жизни. Обычное явленіе составляютъ праздничное ликованіе, попойки, великая пышность, раздирающая слухъ музыка и т. д. Такъ, о мусульманахъ изъ Багдада

*) Юнона Луцина почиталась помощницей при родахъ.
Прим. пер.

разсказываютъ, что они встрѣчаютъ новорожденнаго ребенка музыкой. Цѣлая орава людей, которая напередъ старается узнать черезъ особаго соглядатая о предстоящемъ радостномъ событіи, всей толпой устремляется въ домъ новорожденнаго и устраиваетъ здѣсь дикій концертъ. Главная роль въ этомъ концертѣ принадлежитъ всегда бубнамъ. Да и у современныхъ культурныхъ народовъ Европы пиршество по случаю крещенія ребенка играетъ немалую роль.

Особенное ликованіе вызываетъ (по вполнѣ понятнымъ причинамъ) рожденіе мальчика. Но нѣкоторыя африканскія племена, опредѣляющія цѣнность дочери числомъ коровъ, радуются рожденію дѣвочки: это обѣщаетъ имъ въ будущемъ выгодную операцію. Въ большинствѣ же случаевъ дѣло происходитъ такъ, какъ мы это наблюдаемъ у кабиловъ. Рожденіе мальчика сопровождается радостными выстрѣлами, все племя садится на коней, и начинается празднество, которое называется фантазіей. Оно состоитъ, главнымъ образомъ, въ скачкахъ. Семья собирается въ домѣ или палаткѣ, гдѣ принимаются поздравленія и устраиваются пиршества. Если рождается дѣвочка, то мужчины считаютъ ниже своего достоинства обращать на это какое-либо вниманіе, и участіе принимаютъ однѣ только женщины. Подарки дѣлаются матери и ребенку; точно также выбираются символы, духи-покровители для ребенка (позднѣе, во время посвященія въ возмужалость, при переходѣ къ половой зрѣлости, все это повторяется въ бблышемъ масштабѣ). Наконецъ, приносятся жертвы, дабы умилостивить божество. Въ особенности это дѣлается тогда, когда ребенку дается имя. Еще и понынѣ матери въ Нижней Италіи, въ знакъ благодарности, приносятъ въ жертву двухъ голубей.

Точно также и наименованіе ребенка, въ большинствѣ случаевъ, носитъ религіозный характеръ. Такъ, у римлянъ, грековъ, мексиканцевъ ребенокъ представлялся богамъ въ храмѣ. Въ Новой Зеландіи весь этотъ актъ совершается такимъ образомъ: жрецъ (Tschunga) окунаетъ въ воду зеленую вѣтвь, затѣмъ онъ произноситъ таинственныя заклинанія, совершенно непонятныя (благодаря одному уже древнему языку) для большинства участниковъ, и при этомъ окропляетъ этой вѣткой голову ребенка.

Что касается выбора соотвѣтствующихъ именъ, то, въ этомъ отношеніи, рѣшающая роль принадлежитъ соціальнымъ и религіознымъ мотивамъ. У арабовъ въ Марокко, въ большинствѣ случаевъ, мы встрѣчаемъ имена изъ Библіи и Корана, въ Лапландіи даже имена боговъ или чаще имена святыхъ, значащіяся въ календарѣ. Или же предпочтеніе отдается именамъ предковъ или знаменитыхъ вождей.

Мы не станемъ здѣсь касаться различныхъ очистительныхъ церемоній, которыя, въ концѣ концовъ, приняли обликъ христіанскаго крещенія. Ибо, съ этнографической точки зрѣнія, онѣ представляютъ собой слишкомъ узкую область. Естественно, что здѣсь вполнѣ очевидна связь съ іудейскимъ и

языческимъ ритуаломъ: вода является особенно дѣйствительнымъ средствомъ для борьбы противъ враждебныхъ демоновъ. Это воззрѣніе сохранилось въ большинствѣ культурныхъ религій.

Но самымъ важнымъ институтомъ, который поэтому повсюду оцѣнивается высоко, какъ въ соціальномъ, такъ и въ религіозномъ отношеніяхъ, является посвященіе въ совершеннолѣтіе. Это посвященіе вводитъ мальчика въ число полноправныхъ мужей, въ число лицъ, способныхъ носить оружіе. Съ одной стороны, здѣсь требуется превышающая наши представленія сверхчеловѣческая стойкость: ибо иначе невозможно вынести всѣхъ тѣхъ мученій, какимъ подвергается юноша. Но, въ то же время, послушника ожидаетъ награда: его ожидаетъ мистическое общеніе со всякаго рода сверхземными чудесами, и въ результатѣ его ждетъ своего рода возрожденіе.

Путешественникъ Данперъ разсказываетъ про Верхнюю Гвинею: Belli-Paalo есть какъ бы смерть, своего рода возрожденіе, пріобщеніе къ собранію духовъ или душъ, съ которыми община встрѣчается въ рощѣ, и которымъ она помогаетъ съѣсть жертву, приносимую духамъ. Знакъ belli-paalo (нѣсколько рядовъ надрѣзовъ на шеѣ и надъ лопатками) посвященные получаютъ разъ черезъ каждыя двадцать—двадцать-пять лѣтъ, причемъ ихъ какъ бы совсѣмъ умерщвляютъ, поджариваютъ и совершенно измѣняютъ, такъ что они становятся мертвыми для старой жизни, въ нихъ ничего не остается отъ стараго существа, и они пріобрѣтаютъ новый разумъ и науку. Юноши, еще не получившіе знаковъ, насильственно (ибо они боятся смерти) уводятся въ назначенную королемъ рощу, и старшіе научаютъ ихъ пляскѣ-киллингъ и беллидонгу (гимну). Тамъ живутъ они нѣсколько лѣтъ, проводя время въ охотѣ и играхъ и никого не видя (матери просятъ посвященныхъ, чтобы дѣтямъ ихъ не было особенно трудно). Женщинъ, которыя проходятъ мимо рощи, отгоняютъ прочь. Когда юноши возвращаются, наконецъ, изъ лѣса, то старики обучаютъ ихъ всему, что относится къ праву, войнѣ и управленію деревней. Они прикидываются, словно впервые появились на свѣтъ божій и никогда будто бы и не знали, гдѣ живутъ ихъ родители и какъ ихъ зовутъ.

Такой же характеръ носитъ и то описаніе, какое даетъ Бастіанъ со словъ одного африканскаго колдуна.

Великій фетишъ живетъ внутри лѣсной страны, гдѣ его никто не видитъ и никогда не увидитъ. Когда онъ умираетъ, то жрецы его заботливо собираютъ его кости, дабы снова оживить ихъ, и питаютъ ихъ, дабы онѣ снова покрылись мясомъ и кровью. Въ странѣ Амбамба всякій долженъ однажды умереть. И когда жрецъ потрясаетъ своей калабассой (Kalabasse) по направленію къ какой-либо деревнѣ, то всѣ тѣ мужи и юноши, часъ которыхъ насталъ, впадаютъ въ состояніе безжизненнаго оцѣпенѣнія. Обыкновенно они пребываютъ въ такомъ состояніи въ теченіе трехъ дней, а

затѣмъ приходятъ въ себя. Но если фетишъ кого-либо любитъ, то онъ уводитъ его въ рощу и погребаетъ его въ домѣ фетишей, нерѣдко на цѣлый рядъ долгихъ годовъ. Послѣ того, какъ человѣкъ приходитъ въ себя, онъ начинаетъ ѣсть и пить, какъ раньше. Но у него уже нѣтъ разсудка, и жрецъ долженъ воспитывать его; онъ долженъ наставлять его буквально относительно всего, словно передъ нимъ малый ребенокъ. Сперва это достигается лишь при помощи палки, но постепенно къ проснувшемуся снова возвращаются всѣ чувства,—такъ что съ нимъ можно теперь уже разговаривать.

Когда образованіе закончено, жрецъ возвращаетъ его родителямъ. И послѣдніе рѣдко могутъ узнать своего сына. Тутъ приходятъ на помощь категорическія увѣренія жреца, который напоминаетъ имъ прежнія событія. Если кто не выполнилъ процедуры возрожденія въ Амбамбѣ, тотъ встрѣчаетъ общее презрѣніе и не допускается къ пляскамъ.

У спартанцевъ встрѣчались еще слабые отголоски этихъ торжествъ. Такой характеръ носило бичеваніе мальчиковъ на алтарѣ. Въ видѣ еще болѣе слабаго переживанія мы встрѣчаемъ то же самое и въ средніе вѣка: это—рыцарскіе турниры.

Едва ли нужно упоминать о томъ, что это удаленіе ребенка изъ семьи, это лишеніе его материнской ласки и любви вызывало жалобы и горе у заинтересованныхъ въ этомъ женщинъ.

Здѣсь совершенно излишне останавливаться подробно на обрѣзаніи (обыкновенно оно совершается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ). Сперва полагали, что обрѣзаніе свойственно исключительно іудеямъ или вообще семитамъ. Но этого, въ дѣйствительности, нѣтъ. Въ то же время, еще и по нынѣшній день идутъ значительные споры о томъ, что именно имѣло здѣсь рѣшающее значеніе: гигіеническіе или религіозные мотивы? Мы можемъ здѣсь предположить, что, вѣроятно, въ данномъ случаѣ, играли роль оба эти мотива. Такъ оно часто и бываетъ.

Насъ не могутъ здѣсь интересовать различныя формы брака. Но, все же, мы должны кратко остановиться на свадьбѣ: ибо она является признаннымъ институтомъ народной жизни.

Только у нѣкоторыхъ слабо организованныхъ первобытныхъ народовъ, каковы, напримѣръ, новозеландцы, свадьба лишена всякой торжественности. Но чаще, въ этихъ случаяхъ, символизируется форма послѣдующей совмѣстной брачной жизни. Такъ, у индѣйцевъ племени крикъ женихъ посылаетъ своей возлюбленной кусокъ жира отъ убитаго имъ самимъ медвѣдя, помогаетъ ей пахать поле и, въ особенности, сажать бобы. Ибо бобы вмѣстѣ съ воткнутыми тычинками являютъ собой чувственный образъ интимнаго соединенія. Точно также извѣстную роль играютъ и совмѣстная ѣда и питье жениха съ невѣстой. Обмѣнъ вѣнчальныхъ колецъ очень широко распространенъ. И не только у германцевъ и славянъ, но также, напримѣръ, и у индусскихъ племенъ.

Наибольшею драматичностью отличаются свадебныя торжества въ такъ называемомъ умычномъ бракѣ. Здѣсь происходитъ или дѣйствительный, или только воображаемый увозъ, похищеніе невѣсты, и разыгрывается цѣлое сраженіе. У черкесовъ только это и дѣлаетъ бракъ правомѣрнымъ. Тутъ дѣло происходитъ такъ: устраивается пирушка, женихъ врывается сюда съ толпой своихъ пріятелей и овладѣваетъ невѣстой. У номадовъ, при ихъ сильной любви къ свободѣ, эта форма брака сохранялась особенно долго,— хотя бы только въ видѣ особенно важныхъ переживаній. Но и въ этихъ переживаніяхъ сказывается тотъ кровавый характеръ, который нѣкогда отличалъ умычный бракъ.

Какъ это наблюдается повсюду, такъ и въ данномъ случаѣ конецъ и начало подаютъ другъ другу руку. Какъ появленіе на свѣтъ божій юнаго пришельца обыкновенно встрѣчается шумными празднествами, такъ это бываетъ и тогда, когда человѣкъ покидаетъ эту жизнь. Согласно анимистической теоріи, которой мы уже не разъ касались, все наполнено духами. И важно пріобрѣсть ихъ благоволеніе. Именно смерть и служитъ наиболѣе удобнымъ для нихъ моментомъ, когда можно совершить нападеніе на человѣка. А поэтому предписанное погребеніе умершаго (понятно, оно очень сильно варіируетъ, въ зависимости отъ времени, мѣста и культуры) составляетъ священнѣйшую обязанность живущихъ. Вся классическая древность, какъ въ миѳахъ, такъ и въ поэзіи, окрашена въ это міросозерцаніе. Тутъ была вѣра, что душа до тѣхъ поръ не можетъ обрѣсть покоя, до тѣхъ поръ она не знаетъ защиты отъ нападеній демоновъ, пока не произойдетъ погребеніе или сожженіе, согласно традиціоннымъ обрядамъ. Точно также и христіанское погребеніе является для насъ не больше, какъ послѣднимъ отголоскомъ этихъ древнихъ представленій. И такъ какъ душа, въ такомъ случаѣ, оказывается уже заточенной въ извѣстномъ мѣстѣ и не можетъ уже свободно блуждать, то мѣсто это, особенно по ночамъ, наводитъ на людей страхъ и ужасъ.

Но, независимо отъ всѣхъ этихъ обрядовъ, душа нуждается также и въ покоѣ, ее необходимо, кромѣ того, снабдить на этотъ тяжелый путь въ далекую страну пищей и питьемъ. И вотъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ для покойниковъ устраиваются настоящія пиршества (чаще всего періодически). Вмѣсто всякаго рода описаній мы приведемъ здѣсь одно, въ высшей степени поучительное, описаніе такого траурнаго пиршества. Рѣчь идетъ о нѣкоторыхъ племенахъ (Kolstämme) Индіи, которыя извѣстны своимъ страстнымъ культомъ мертвыхъ.

Сперва покойникъ сжигается на кострѣ. Затѣмъ собираютъ его останки и въ торжественной процессіи несутъ ихъ подъ глухіе звуки барабановъ. Когда старая женщина, несущая кости въ бамбуковомъ сосудѣ, время-отъ-времени опускаетъ сосудъ на землю, то дѣвушки, несущія кружки и металлическую утварь, съ причитаніями поворачиваютъ свои сосуды, дабы

показать этимъ, что сосуды пусты. Такъ везутъ останки изъ дома въ домъ по всей деревнѣ, на протяженіи цѣлыхъ миль, въ жилище каждаго друга или родственника. А жители выходятъ наружу, чтобы поплакать и восхвалить добрыя качества покойника. Затѣмъ кости несутъ во всѣ любимыя мѣста покойника—въ поля, которыя онъ обрабатывалъ, въ садъ, который онъ растилъ, въ то мѣсто для плясокъ въ деревнѣ, гдѣ ему было такъ весело. Наконецъ, останки приносятъ къ могилѣ и предаютъ ихъ погребенію въ глиняномъ сосудѣ съ цѣлымъ запасомъ пищи. Поверхъ кладутъ одну изъ тѣхъ каменныхъ плитъ, которыя приводятъ въ изумленіе европейскихъ путешественниковъ, заглядывающихъ въ эти области первобытныхъ обитателей Индіи.

Кромѣ того, въ честь выдающихся мужей за предѣлами деревни воздвигаются каменные памятники. Памятники эти ставятся обыкновенно на нѣкоторомъ возвышеніи. И духъ отдыхаетъ здѣсь въ тѣни колонны, когда возвращается изъ своихъ странствованій среди живущихъ.

Вотъ одно изъ такихъ траурныхъ пѣснопѣній:

Мы никогда не бранили тебя, мы никогда не оскорбляли тебя,
Вернись къ намъ назадъ;
Мы всегда любили и ухаживали за тобой, и мы долго
жили вмѣстѣ
Подъ одной и той же кровлей;
Не покидай ее теперь!
Близятся почные дожди и холодные, бурные дни,
О, не блуждай вокругъ!
Не оставайся у сожженной золы, приди снова къ намъ!
Не найдешь ты защиты подъ пипуловымъ деревомъ (Pipulbaum),
когда прольется могучій дождь.
Ива не защититъ тебя отъ суроваго холода вѣтра.
Иди въ свой домъ!
Онъ выметенъ и вычищенъ для тебя; и мы тамъ, мы,
всегда любившіе тебя;
И рисъ поставленъ для тебя и вода;
Иди домой, иди домой, вернись къ намъ назадъ.

Какъ глубоко укоренились эти воззрѣнія въ народномъ сознаніи, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что, несмотря на все рвеніе христіанскаго духовенства, всѣ эти празднества въ честь покойниковъ съ неослабной силой перешли изъ язычества въ христіанство. Такъ, напримѣръ, послѣ смерти одного французскаго короля въ теченіе цѣлыхъ четырнадцати дней устраивались совершенно такія же торжества.

Иногда при этихъ торжествахъ, особенно при пляскахъ, употребляются маски, и это придаетъ празднествамъ драматическій характеръ. Маски эти служатъ для того, чтобы нагнать страхъ на враждебныхъ демоновъ, которые уготовляютъ разнаго рода опасности во время этого путешествія въ страну душъ. Маски кладутся и въ гробъ покойникамъ.

Точно также и болѣзнь составляетъ предметъ культа, поскольку здѣсь дѣло идетъ объ извѣстныхъ обрядахъ, назначеніе которыхъ изгнать злыхъ духовъ. Мы еще вернемся къ этому вопросу, когда у насъ будетъ рѣчь о колдунахъ, играющихъ въ этомъ случаѣ заглавную роль. Мы уже раньше говорили о томъ, что въ представленіи первобытныхъ людей болѣзнь не есть нормальный химическій и физіологическій процессъ; она есть, наоборотъ, дѣло рукъ сверхъестественныхъ существъ.

Но напередъ мы скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу плясокъ, которыя имѣютъ такое важное значеніе для культа.

Для насъ пляски утратили всякое религіозное значеніе; для насъ онѣ окрашиваются исключительно въ эротическій колоритъ. И это можетъ служить показателемъ того глубокаго отличія, какое существуетъ между нашимъ міросозерцаніемъ и міросозерцаніемъ примитивныхъ народовъ. Возьмемъ, напримѣръ, дѣятельность колдуновъ, пророковъ и прорицателей. Повсюду здѣсь, несмотря на все различіе племенъ, пляски играютъ громадную роль: это наиболѣе подходящее средство овладѣть сверхъестественными силами.

Бастіанъ такъ описываетъ всю, происходящую въ такихъ случаяхъ, процедуру.

Въ открытомъ шалашѣ изъ цыновокъ сидѣлъ больной, позади него сидѣли его друзья, впереди находилось нѣсколько музыкантовъ, которые весело наигрывали на своихъ инструментахъ и производили адскій шумъ. Сбоку шалаша, нѣсколько влѣво и впереди больного, сидѣлъ на корточкахъ ганга (Ganga) и занимался тѣмъ, что разукрашивалъ свое лицо. Носъ онъ выкрасилъ себѣ въ красный цвѣтъ, лобъ—въ желтый, щеки сдѣлалъ черными. Въ этомъ дѣлѣ ему помогала сидѣвшая рядомъ съ нимъ женщина. Передъ хижиной горѣлъ костеръ. А вдали, сквозь темноту, видно было, какъ приближается колеблющійся свѣтъ факельнаго шествія. Это вели другого гангу. И спутники его имѣли фантастически изукрашенныя головы.

Вотъ оба колдуна встрѣтились въ хижинѣ. Они открываютъ свои мѣшки съ волшебными и лѣчебными снадобьями и пробуютъ краски для раскрашиванія. Затѣмъ они начинаютъ торжественно размахивать надъ огнемъ кожаными котомками, наполненными волшебной силой. Въ огонь между тѣмъ бросаютъ ладанъ. И, въ то же время, всѣ идолы размѣщаются въ извѣстномъ порядкѣ. Все было, такимъ образомъ, приготовлено для волшебства. Волшебная сила начинаетъ проявляться прежде всего на одномъ изъ жрецовъ. Подъ звуки хорового пѣснопѣнія, жрецъ охватывается конвульсивными движеніями; онъ начинаетъ дико подпрыгивать плясать, топтаться ногами. И, въ то же время, онъ высыпаетъ передъ больнымъ всѣхъ своихъ фетишей.

Сотоварищъ его, сидя на землѣ, подражаетъ всѣмъ его движеніямъ и, въ свою очередь, повторяетъ все то, что дѣлаетъ первый. Но вотъ движенія становятся все сильнѣе и сильнѣе. Тогда и сидящій на землѣ срывается

съ мѣста, и оба они начинаютъ бѣшено скакать подъ все громче и громче раздающіеся звуки оглушающей музыки. Они скачутъ по тѣсному шалашу; они прыгаютъ черезъ и между огнями, черезъ горшки, ящики и сундуки, черезъ и между присутствующими, скачутъ туда и сюда, во всѣ стороны. И, въ то же время, они не причиняютъ вреда ни себѣ и никому изъ присутствующихъ.

Все это повторяется нѣсколько разъ. Всѣ обливаются потомъ. Наконецъ, въ состояніе одержимости впадаетъ и послѣдній ганга. Онъ также начинаетъ говорить не своимъ голосомъ. Когда онъ узнаетъ о болѣзни, то возвѣщаетъ то рѣшеніе, какое ему подсказалъ его демонъ: что для начала цѣлебной церемоніи требуется-де волшебное средство, состоящее изъ хлопка, порошка и масла.

Затѣмъ врачи, на основаніи внушенія, исходящаго отъ демона, наканунѣ ночью порѣшили, что причина болѣзни кроется въ томъ, что больной вкусилъ такой пищи, какая была запрещена для употребленія его семейству. Ибо на семью былъ наложенъ обѣтъ воздержанія (quixilles). И, такимъ образомъ, былъ оскорбленъ фетишъ, который теперь и караетъ больного *).

Это удивительное зрѣлище мы можемъ наблюдать повсюду, куда только не обратимъ свои взоры: у краснокожихъ, у австралійцевъ и полинезійцевъ, у азіатовъ, у грековъ и т. д. Повсюду мы встрѣчаемъ одно и то же глубоко укоренившееся убѣжденіе, что только такимъ способомъ человѣку открывается путь въ таинственный міръ духовъ, что только такимъ способомъ онъ можетъ быть освѣдомленъ о жизни и смерти и о тѣхъ средствахъ, какими можно изгнать болѣзнь. Въ данномъ случаѣ, совершенно безразлично, будутъ ли это цѣлыя массы людей, зараженныя страшнымъ пламенемъ этого всепожирающаго огня и предающіяся дикимъ пляскамъ (это также случалось, какъ мы въ томъ сейчасъ убѣдимся), или же роль вдохновенныхъ пророковъ выпадаетъ на долю отдѣльныхъ лицъ, избранныхъ божественнымъ духомъ.

На низшихъ ступеняхъ развитія, въ большинствѣ случаевъ, дѣло идетъ объ исцѣленіи отъ болѣзней, о такъ называемыхъ чудесахъ, а также о сверхчеловѣческомъ проявленіи силы у волшебниковъ (разнаго рода пораненія, калѣченія, мнимыя состоянія смерти,—все это вполнѣ объясняется необыкновеннымъ нервнымъ напряженіемъ, анестезіей и продолжительной муштровкой). У народовъ, стоящихъ на болѣе высокой ступени культуры, все сводится здѣсь къ могучему, весь духъ заполняющему воодушевленію и страстной жаждѣ полнаго сліянія съ божествомъ, какъ мы это наблюдаемъ въ мистикѣ.

Это «святое безуміе» охватываетъ людей въ служеніяхъ и мистеріяхъ

*) «Deutsche Expedition an der Loangoküste», I, 55 и сл.

Діониса. Исполненные «энтузіазма» люди непосредственно общаются съ божествомъ, и свѣтлыми духовными глазами они разгадываютъ темное будущее. Въ «Вакханкахъ» Эврипида носится еще тотъ же самый чадъ безумнаго возбужденія, который до глубочайшихъ глубинъ охватываетъ и потрясаетъ всю душу человѣческую. Точно также и хоръ, своими плясками, свидѣтельствуетъ еще объ этой древней связи съ экстатическими явленіями у первобытныхъ народовъ. Блуждающія по ночамъ въ горахъ Ѳракіи, подъ непрестанные удары глухо звучащихъ барабановъ, женщины одинаково почитаются за провозвѣстницъ божественной воли, какъ и настоящіе жрецы и волшебники примитивныхъ народовъ. Точно также и мистика всѣхъ временъ черпаетъ здѣсь свою неуничтоженную силу и свѣжесть. Да и самыя средства, которыми вызывается это ненормальное возбужденіе, нерѣдко оказываются тѣми же самыми: музыка, головокружительная пляска, наркотическіе возбудители и т. п. Такъ, и въ наши дни дервиши Востока скачутъ подъ звуки флейтъ и барабановъ, пока не впадутъ въ состояніе крайнихъ конвульсій и истощенія. И вполнѣ проникнутый такимъ настроеніемъ, чувствуя полное сліяніе съ божественнымъ духомъ, извѣстный мистикъ Джелаледдинъ Руми восклицаетъ: «Кто знаетъ силу хороводной пляски, тотъ живетъ въ Богѣ: ибо онъ знаетъ, какъ любовь умерщвляетъ».

Иногда психическія заболѣванія охватываютъ всю народную жизнь; съ неодолимой силой разливаются они на всѣ слои населенія и распространяются повсюду необычайно быстро. И случается это обыкновенно во времена глубокихъ религіозныхъ броженій и движеній, когда, къ тому же, весь общественный организмъ подвергается разнаго рода соціальнымъ потрясеніямъ, когда общество постигаютъ опустошительныя повальныя болѣзни и другія бѣдствія. Это своего рода духовная зараза, столь же гибельная и опустошительная, какъ и физическая зараза.

Такимъ заболѣваніемъ была заразительная пляска, распространившаяся въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣковъ въ Германіи и въ Нидерландахъ. Она называлась также пляской св. Іоанна или пляской св. Вита (Ивановъ день уже изстари почитался разнаго рода плясками и разнузданными праздненствами). Духовенству и властямъ пришлось приложить громадныя усилія, чтобы одолѣть, наконецъ, страшную гостью. Точно также и въ другихъ странахъ имѣли мѣсто такого рода массовыя демоническія заболѣванія. Такъ это было, напримѣръ, въ Абиссиніи или въ Южной Италіи (болѣзнь эта здѣсь называлась тарантизмомъ, по имени одной ядовитой пчелы, укусовъ которой боялись), или во Франціи — секта конвульсіонистовъ (въ началѣ XVIII вѣка). Въ началѣ XIX вѣка на Шотландскихъ островахъ съ поразительнымъ упорствомъ держалась эпилептическая болѣзнь.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ даже внѣшнимъ образомъ даетъ себя знать религіозный факторъ: все это обнаруживается въ церкви, при соотвѣтствующемъ анормальномъ возбужденіи духа, а симпатія и внушеніе распространяютъ заболѣваніе и на остальныхъ членовъ общины.

§ 13. Жречество.

Жрецъ (волшебникъ, врачъ, лѣкарь и т. д.) играетъ громадную роль во всей широко развѣтвленной области культа. Поэтому мы должны нѣсколько долѣе остановиться на выясненіи роли и значенія жреца.

И здѣсь, несмотря на всѣ громадныя этнографическія различія въ деталяхъ, основныя черты организаціи и обусловливающихъ ее воззрѣній носятъ тотъ же типическій характеръ; онѣ повсюду встрѣчаются вновь. Согласно анимистическому воззрѣнію, смерть есть исключительно дѣло рукъ злокозненныхъ, враждебныхъ демоновъ. И поэтому жрецъ долженъ быть одновременно врачемъ, лѣкаремъ и призваннымъ глашатаемъ божеской воли. Такимъ образомъ, его задача двойная: съ одной стороны, онъ долженъ быть посредникомъ въ сношеніяхъ съ божествомъ, и, въ то же время, онъ долженъ заботиться о жизни и здоровьѣ своихъ соплеменниковъ. Ясно, само собой, что, благодаря этому, его соціальное положеніе, какъ мы въ этомъ сейчасъ убѣдимся, необычайно упрочивается и становится очень вліятельнымъ.

Прежде всего, ни одна жертва не можетъ быть совершена безъ содѣйствія этого посредника. Въ данномъ отношеніи, совершенно безразлично, имѣются ли (какъ это часто наблюдается) спеціальныя жреческія школы (какъ было у кельтовъ, индусовъ, персовъ и т. д.), гдѣ себялюбивые жрецы изъ поколѣнія въ поколѣніе почитаются обладающими сверхъестественными познаніями и таинственными средствами, или же это будутъ отдѣльныя личности, преимущественно передъ другими одаренныя живымъ темпераментомъ и острымъ умомъ. И, въ большинствѣ случаевъ, они обыкновенно бываютъ также и вождями.

Поэтому вполнѣ возможно, какъ это и предполагается нѣкоторыми изслѣдователями, что древнѣйшіе вожди и властители были жрецами. И, дѣйствительно, первоначально духовная и свѣтская власть были соединены въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, хотя теперь онѣ разъединены болѣе или менѣе рѣзко.

Выше мы уже упоминали о тѣхъ предварительныхъ мѣропріятіяхъ, какія необходимо выполнить, чтобы стать жрецомъ, чтобы быть въ состояніи отправлять эту, все же, трудную и отвѣтственную должность. Посты, биченія, сильные возбудители, удаленіе изъ среды ближнихъ и т. д.,—только такимъ путемъ можно пріобрѣсть необходимыя качества и ловкость. Назначенные для этой цѣли мальчики подвергаются особому испытанію со стороны старшихъ жрецовъ и чародѣевъ. И только послѣ этого начинается систематическое воспитаніе.

Сфера дѣятельности жреца, собственно говоря, безгранична, т.-е. она простирается на всю соціальную жизнь даннаго племени и народа. Даже на высшихъ ступеняхъ культуры (стоитъ подумать только о буддизмѣ и христіанствѣ!), несмотря на всю сложность цивилизаціи, несмотря на ростъ образованія, власть этого верховнаго пастыря и верховнаго жреца не умаляется,—она скорѣе даже увеличивается. Первоначальное основное зерно этого вѣрованія мы можемъ наблюдать въ первобытной чистотѣ у примитивныхъ народовъ. Позднѣйшее развитіе не уничтожаетъ этого центральнаго пункта вѣрованія,—самое бо́льшее критика скептическихъ умовъ въ состояніи лишь нѣсколько расшатать это вѣроученіе, гласящее, что жрецъ есть сосудъ божества, глаголящаго его устами. Безгрѣшный папа и столь же безгрѣшный Далай-Лама въ Лхассѣ могутъ служить въ этомъ отношеніи краснорѣчивыми примѣрами; въ этомъ случаѣ, идея воплощенія божества стала фактомъ и истиной.

Какъ чародѣй, жрецъ обладаетъ всѣми тѣми чудесными способностями, какія и создаютъ его славу. И, въ соотвѣтствующихъ случаяхъ, онъ обязанъ показать ихъ на дѣлѣ (иногда съ значительнымъ рискомъ для самого себя). Исцѣленіе больныхъ, заклинаніе и изгнаніе злыхъ духовъ (заклинанія особенно практикуются у первобытныхъ народовъ), вызываніе умершихъ, совершеніе чудесъ, умѣнье вызвать дождь (въ особенности въ Африкѣ) и т. д.,—все это жрецъ обязанъ дѣлать. Если же, вопреки ожиданіямъ, онъ оказывается неспособнымъ, то онъ долженъ очиститься посредствомъ суда божьяго. Не то онъ становится жертвой мстительнаго народнаго самосуда, который нерѣдко творитъ короткую расправу съ дерзкимъ обманщикомъ.

Это тѣмъ болѣе опасно, что и среди первобытныхъ народовъ играетъ извѣстную роль этотъ щекотливый вопросъ о кускѣ хлѣба, выражающійся въ зависти и конкуренціи. И среди врачей не всегда царитъ необходимое согласіе. Сверхъ того, обыкновенно и самая смерть, буде таковая случится, ставится въ вину лѣкарю, и, вполнѣ логично, его лишаютъ, въ такихъ случаяхъ, соотвѣтствующаго гонорара.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нужно съ осторожностью высказывать рѣшительныя сужденія: ибо, при всей нашей техникѣ и просвѣщеніи, въ нашей крови сидитъ еще много суевѣрія—все это широко распространенное волшебство по симпатіи покоится на томъ же самомъ началѣ. И вполнѣ справедливо было сказано, что индѣйскій лѣкарь, убивающій отсутствующаго при помощи стрѣлы, которую онъ пускаетъ въ опредѣленномъ направленіи, ничѣмъ не отличается отъ влюбленнаго, цѣлующаго свою отсутствующую подругу. Особенно сильно сказывается этотъ стародавній анимизмъ въ вѣрѣ въ амулеты, которая не погасла еще и у насъ. Само собой разумѣется, что здѣсь иногда встрѣчается и немало обмана.

На высшихъ ступеняхъ цивилизаціи жрецъ становится королемъ и

богомъ. Когда въ Лоанго властелинъ чувствуетъ приближеніе своей смерти, онъ сообщаетъ своему совѣту тотъ тайный знакъ, по которому они могутъ распознать, въ кого изъ его сыновей вошелъ его духъ. Инка былъ наслѣдственнымъ жрецомъ-королемъ. Поэтому, въ качествѣ представителя божества, онъ отправлялъ также и оффиціальный культъ. Тотъ же самый кругъ идей мы встрѣчаемъ у египтянъ. У нихъ властелинъ назывался сыномъ Амонъ-Ра или живымъ образомъ его. Японскій микадо ведетъ свое происхожденіе непосредственно отъ боговъ. Подобно императору Срединнаго царства, онъ является отвѣтственнымъ за все счастье или несчастье, постигающія страну. Ему воздается культъ, и, въ то же время, онъ приноситъ жертвы (хотя уже рѣдко) и т. п.

И здѣсь, какъ и повсюду, сказывается старый дуализмъ добра и зла. Злой чародѣй приноситъ людямъ одни только бѣдствія, напримѣръ, болѣзни и смерть. Въ особенности нужно опасаться колдуна: онъ ввергаетъ въ несчастіе людей, которые не ждутъ ничего такого; онъ наводитъ порчу и умерщвляетъ скотъ.

При дальнѣйшемъ культурно-историческомъ развитіи, отсюда вырастаетъ уже ранѣе отмѣченная нами борьба бѣлой и черной магіи, борьба между истиннымъ, ревностнымъ въ вѣрѣ, представителемъ истиннаго божества и слугой діавола. И борьба эта длится такъ долго, какъ міръ стоитъ, и никогда она не прекратится.

ГЛАВА II.

Основныя черты религіознаго развитія.

§ 14. Низшія ступени (фетишизмъ, шаманизмъ).

Мы постараемся сохранить полное безпристрастіе въ оцѣнкѣ имѣющагося къ нашимъ услугамъ матеріала. Поэтому прежде всего необходимо точно установить, какъ понятіе развитія вообще (этимъ вопросомъ, конечно, мы займемся еще ниже), такъ и понятіе отдѣльныхъ религіозныхъ формъ и явленій. Всякое развитіе содержитъ въ себѣ зародышъ позднѣйшихъ формъ, и только въ такомъ органическомъ процессѣ и кроется залогъ естественнаго роста и постоянной исторической преемственности. Но отсюда, въ то же время, вытекаетъ невозможность проводить рѣзкія разграниченія. Всякія разграниченія являются, наоборотъ, лишь попытками придать, при помощи

извѣстныхъ категорій, наглядную форму этой едва обозримой массѣ всевозможныхъ деталей.

Такъ какъ высшая форма, по своимъ задаткамъ (въ существенномъ), содержится въ низшей формѣ, то болѣе острый глазъ распознаетъ въ религіозныхъ обрядахъ и воззрѣніяхъ позднѣйшихъ эпохъ болѣе ранніе ростки, какъ бы обряды и воззрѣнія эти ни были замаскированы и видоизмѣнены. Поэтому, фетишизмъ встрѣчается не только въ низшихъ естественныхъ религіяхъ, гдѣ онъ царитъ безраздѣльно, но и въ высшихъ религіяхъ, даже въ наиболѣе возвышенныхъ изъ нихъ. Конечно, все это проявляется здѣсь въ замаскированной формѣ, и вѣрующій даже не подозрѣваетъ о томъ.

Но вѣрно и обратное. То, что составляетъ ядро всякой религіи, эта глубокая тоска, глубокое страстное томленіе человѣческаго сердца, извѣстное чувство благоговѣнія,—все это встрѣчается также и на низшихъ ступеняхъ цивилизаціи, среди того полнаго варварства, какое характеризуетъ собой первые шаги соціальной жизни человѣчества. Объ извѣстныхъ ступеняхъ въ религіозномъ развитіи можно говорить лишь въ томъ смыслѣ, что первоначально главная роль принадлежитъ здѣсь тѣмъ или инымъ анимистическимъ представленіямъ объ отношеніи человѣка къ богамъ, тогда какъ впослѣдствіи на первый планъ выступаютъ этическія требованія.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что весь этотъ процессъ мы понимаемъ въ строго соціальномъ смыслѣ, какъ своего рода признакъ и результатъ великаго всеобъемлющаго потока, въ противоположность тому индивидуальному облику, какой все это принимаетъ у религіознаго героя, у основателя новой религіи. Впрочемъ, ниже мы еще остановимся на этомъ болѣе подробно.

Но въ особенности здѣсь нужно твердо помнить, что всякое религіозное воззрѣніе представляетъ собой психологически-метафизическое объясненіе міра, и, въ зависимости отъ духовнаго развитія людей, оно принимаетъ въ ихъ мозгу различный обликъ. А этимъ и опредѣляется соотвѣтствующая миѳологически-религіозная форма. То, что Бастіанъ говоритъ спеціально по поводу теоріи болѣзней, все это цѣликомъ можно распространить и на всѣ результаты нашего духовнаго развитія. Вотъ дикарь воображаетъ себѣ, что среди древесныхъ вѣтвей сидитъ какой-то демонъ; демонъ падаетъ на него, схватываетъ его тѣло своей ледяной рукой и начинаетъ трясти его лихорадкой. А мы, въ этомъ случаѣ, говоримъ о міазмахъ. Въ сущности, различіе тутъ не велико: ибо о своихъ міазмахъ мы знаемъ не больше того, что дикарь знаетъ о своемъ демонѣ. Разница здѣсь только та, что демонъ вполнѣ гармонируетъ съ системой дикаря, а міазмы, наоборотъ,—съ нашей системой.

Возьмемъ такой примѣръ. Мы обладаемъ извѣстными познаніями относительно химическихъ процессовъ. Допустимъ, что у насъ имѣются нѣкоторыя растительныя и животныя вещества, которыя подвергаются

разложенію, благодаря атмосферическому электричеству. И вотъ, на основаніи своихъ химическихъ познаній, мы допускаемъ, что отъ гніющихъ веществъ исходятъ извѣстные газы. Далѣе, на основаніи физіологическихъ познаній мы допускаемъ, что газы эти попадаютъ затѣмъ въ легкія. Можно, далѣе, допустить, слѣдуя модной медицинѣ, что газы эти воздѣйствуютъ или на кровь, или на нервную систему. И вотъ у насъ уже готова патологическая теорія.

Но дикарю чужды всѣ эти химическія, физіологическія и патологическія познанія, и мы тщетно пытались бы внушить ему свое ученіе о міазмахъ: онъ ничего не понялъ бы въ этомъ. Представленіе о демонѣ, о духѣ слишкомъ близко первобытному человѣку; онъ слишкомъ привыкъ къ нему; оно имѣетъ для него осязательный характеръ,—и онъ не промѣняетъ его на представленіе объ этихъ міазмахъ, которые для его уха суть звукъ пустой. Наоборотъ, онъ всюду находитъ демона; онъ одухотворяетъ всю природу; всѣ естественные процессы онъ разсматриваетъ, какъ дѣло сверхчеловѣческихъ рукъ*).

Но, несмотря на эту скрытую близость (мышленіе нашихъ низшихъ народныхъ слоевъ характеризуется такими же чертами), между міросозерцаніемъ дикаря и научнымъ міросозерцаніемъ существуетъ громадная разница: дикарь вѣритъ въ духовъ, а наша мысль стремится всюду установить строго механическую закономѣрность, которая стоитъ превыше всякаго индивидуальнаго произвола и каприза.

Итакъ, фетишизмъ, какъ извѣстная психологическая ступень развитія, по всей вѣроятности, былъ знакомъ всему роду человѣческому. Поэтому мы должны отвергнуть взглядъ Макса Мюллера и нѣкоторыхъ другихъ изслѣдователей, которые въ фетишизмѣ усматривали нѣкотораго рода вырожденіе и какъ бы мѣстный процессъ разложенія. Кромѣ того, не нужно забывать, что фетишизму, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, присуща и болѣе высокая тенденція. Поэтому не неправъ въ своей ироніи этотъ маститый учитель въ народовѣдѣніи: вѣра въ фетишей почитается, какъ самое грубое пониманіе религіи; но, пожалуй, наше европейское пониманіе покажется еще болѣе грубымъ для африканскаго дикаря, въ особенности, если получше присмотрѣться намъ къ себѣ. Во всякомъ случаѣ, нужно всегда помнить, что почитаніе воздается не отдѣльному предмету, какъ таковому, а тому духу, который, согласно основному воззрѣнію, пребываетъ въ этомъ предметѣ.

И, въ то же время, какъ это замѣчаетъ Тиле, фетишизмъ представляетъ собой переходъ къ болѣе высокимъ, болѣе цѣннымъ элементамъ и требованіямъ: если фетишизмъ, съ одной стороны, привелъ къ отвратительному идолопоклонству, то, съ другой стороны, изъ него, благодаря силѣ поэзіи и пластическихъ искусствъ, расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ богатая символика.

*) «Beiträge zur vergleichenden Psychologie», S. 66.

А послѣдняя образуетъ собой важный моментъ въ религіозномъ языкѣ,—и, въ то же время, символика никогда не ограничивалась одной только областью религіи. Англійское союзное знамя (Union-Jack) и наше трехцвѣтное знамя въ глазахъ негра суть также фетиши. Въ самомъ благородномъ смыслѣ, это символы нашей національности и независимости, явныя напоминанія объ отечествѣ въ далекихъ краяхъ міра. И мы готовы защищать эти символы своею собственной жизнью.

Но истиннымъ движущимъ мотивомъ, какъ мы въ этомъ убѣдились выше, здѣсь является безграничное всеодушевленіе. Первобытный человѣкъ невольно приходитъ къ этому всеодушевленію, въ силу внутренняго тяготѣнія къ персонификаціи, къ олицетворенію. Въ этомъ отношеніи совершенно безразлично, будутъ ли это великія, правильно совершающіяся явленія природы, или же какія-либо случайныя событія, особенно возбуждающія вниманіе и фантазію. Можно смѣло сказать, что всѣ относящіеся сюда извѣстія и анекдоты знакомы всѣмъ и каждому.

Вотъ якорь, выброшенный моремъ на берегъ Африки. Одинъ бойкій туземецъ, которому на что-то понадобился кусокъ желѣза, отрубаетъ отъ якоря нужный ему кусокъ. Вскорѣ послѣ того онъ заболѣваетъ, и для него очевидно, что это есть месть сокрытаго въ якорѣ бога за учиненное имъ надругательство.—Лошадь служила для мексиканцевъ образомъ для бога грома. Мексиканцы на себѣ испытали смертоносное дѣйствіе испанскихъ всадниковъ,—и вотъ они приписали это дѣйствіе этому сказочному животному, котораго они дотолѣ никогда еще не видали, и т. д.

Всегда дѣло идетъ о непосредственномъ, чисто-личномъ отношеніи между человѣкомъ и богомъ. Въ большинствѣ случаевъ, а то и всегда, все это носитъ характеръ чисто-эгоистическаго интереса и мыслится въ высшей степени матеріально. А отсюда—описанные нами выше обѣты и посты, дабы снискать благоволеніе духа. Отсюда—эти предохранительныя средства и амулеты противъ угрожающихъ нападеній со стороны другихъ демоновъ. Отсюда, наконецъ, это рѣшительное пренебреженіе къ богамъ, какъ только они доказали свое безсиліе и перестали оказывать помощь въ нужныхъ случаяхъ.

Мы не касаемся здѣсь еще всѣхъ этихъ попытокъ систематизаціи, попытокъ, выражающихся въ стремленіи объединить все въ одномъ цѣлостномъ единствѣ, какъ это наблюдается уже и въ политеизмѣ. Все здѣсь предоставлено на волю случая, предоставлено капризу и произволу, могучему чародѣйству свѣдущаго жреца. И даже самый распорядокъ и выборъ боговъ, какъ мы въ этомъ убѣдились выше, носитъ совершенно измѣнчивый, непостоянный характеръ.

Лишь на немного выше стоитъ шаманизмъ (слово это есть искаженное буддійское «çramana», которымъ обозначались кающіеся), хотя тутъ и есть извѣстное постоянство и распорядокъ. Во всякомъ случаѣ, здѣсь передъ нами такіе боги, которые не могутъ ежеминутно превращаться въ то

Ничто, изъ котораго они вышли. Они обитаютъ въ другомъ мірѣ, куда доступъ, въ большинствѣ случаевъ, открытъ одному только оффиціальному жрецу (первоначально выраженіе это употреблялось сибирскими колдунами). Поэтому боги эти пользуются извѣстнымъ значеніемъ; они не такъ сильно зависятъ отъ случайнаго признанія ихъ людьми. Они никогда не могутъ быть восприняты чувственно; они не пребываютъ также въ какомъ-либо природномъ предметѣ.

Но, благодаря всему этому, тѣмъ шире, многостороннѣе и дѣйствительнѣе становится дѣятельность чародѣя: ибо своимъ искусствомъ (молитва, пляска, различнаго рода жертвоприношенія) онъ въ состояніи склонить божество исполнить желанія людей. Даже болѣе того: при помощи всѣхъ этихъ средствъ можно даже заставить божество исполнить извѣстный договоръ. Это и есть то опасное заблужденіе, которое отравляетъ всякую истинную религіозную жизнь, т.-е. всякій искренній образъ мыслей человѣка. И Пешель справедливо замѣчаетъ, что всѣ народы пали жертвой этого заблужденія. Немногіе изъ нихъ сумѣли совершенно освободиться отъ этого заблужденія. Мы и теперь еще встрѣчаемъ его въ Америкѣ, въ Сибири, въ буддистской Азіи, въ браминской Индіи. Въ видѣ амулета мы встрѣчаемъ его у магометанъ. У африканцевъ оно принимаетъ обликъ божьяго суда; тутъ признается также возможнымъ, путемъ колдовства, вліять на дождь. У папуасовъ та же роль принадлежитъ привидѣнію—Нагакъ (Nahak-Spuk). Да и у насъ самихъ лишь недавно исчезли всѣ эти процессы противъ вѣдьмъ и колдуновъ. И еще великій Кеплеръ вынужденъ былъ предпринять путешествіе на свою швабскую родину, и лишь съ громадными усиліями удалось ему здѣсь избавить свою престарѣлую мать отъ сожженія на кострѣ, которымъ угрожали ей эти протестантскіе шаманисты-проныры.

Но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что нигдѣ нравственное воспитаніе человѣка со стороны религіи не подвергается бо́льшей опасности, какъ именно въ этомъ шаманистскомъ заблужденіи. Стоитъ только приписать какому-либо символическому поступку сверхъестественное дѣйствіе, и обрядъ станетъ превыше божественнаго начала: таковъ и есть Брама.

§ 15. Высшія ступени (политеизмъ, болѣе развитыя естественныя религіи).

Постепенно человѣкъ освобождается отъ путъ первоначальной вѣры въ духовъ, отъ путъ демонизма. А благодаря этому и миѳологическіе и религіозные образы, которые первоначально представляли собой нѣчто безпорядочное, пріобрѣтаютъ отнынѣ упорядоченныя черты. Сверхземный, сверхчувственный міръ, во всякомъ случаѣ, можетъ быть только болѣе или менѣе

точной коніей земной жизни. Здѣсь нѣтъ еще того дурного разрыва между вещью въ себѣ, между истинной сущностью, и лишь доступнымъ намъ явленіемъ, какой былъ созданъ скептической философіей.

Но элементарная структура примитивной орды и племени не чужда нѣкоторыхъ соціальныхъ различій (возрастъ, тѣлесныя достоинства скоро превращаютъ эти различія въ нѣчто постоянное, наслѣдственное). И вполнѣ естественно, что этотъ моментъ необходимо сказывается также и въ религіи. Человѣческая семья и домашняя община (безразлично, какова бы она ни была) служатъ для этого конкретными прообразами и образцами.

Въ большинствѣ случаевъ, основную роль здѣсь играетъ отношеніе неба къ землѣ, которыя первоначально составляли одно цѣлое: небо является мужчиной, земля—женщиной. Такъ возникаютъ цѣлыя династіи боговъ, которыя нерѣдко ведутъ долгія кровавыя войны изъ-за пальмы первенства. Часто, въ качествѣ общаго корня, встрѣчается также нѣкоторая пра-богиня, которая и стоитъ во главѣ извѣстнаго рода (это, конечно, должно было находиться въ связи съ матріархальными изначальными воззрѣніями).

Такъ, напримѣръ, у египтянъ мы встрѣчаемъ Аторъ, въ западной Азіи—Истаръ или Астарту, которая впослѣдствіи подъ именемъ Magna Mater deorum (Великая Матерь боговъ) перекочевала въ Римъ. Такой же характеръ носила аргивская Гера, ефесская Артемида, великая Деметра.

Особенно сильно сказывается патріархальный характеръ въ финской миѳологіи. Здѣсь въ «Калевалѣ» Укко, богъ неба, занимаетъ высшее положеніе, и поэтому, когда другіе боги отказываютъ въ помощи, обращаются къ нему.

Къ нему взываютъ тогда:

Укко, ты, о, богъ тамъ вверху!
Укко, приди, тебя зовемъ мы,
Укко, приди, ты теперь нуженъ.

Это религіозное пониманіе само собой постепенно приводитъ къ дѣйствительному единобожію. И довольно рано здѣсь начинаетъ обозначаться извѣстная аристократическая тенденція; довольно рано здѣсь начинаетъ проводиться разграниченіе между болѣе могущественными богами и богами древнѣйшими, которые оттѣснены уже на задній планъ. Послѣдніе живутъ какъ бы милостью новыхъ властелиновъ; они суть слуги, помощники и посредники великаго правителя міра. Все это нерѣдко принимаетъ самыя разнообразныя формы, но типъ и идея здѣсь всегда тѣ же самые. Во всякомъ случаѣ, тутъ всегда наблюдается полное единогласіе.

То это богъ даннаго мѣста или области [такъ, Пта (Ptah) былъ богомъ въ Мемфисѣ, или Амонъ-Ра—въ Ѳивахъ, Мардукъ—въ Вавилонѣ, Ассуръ—въ Ассиріи], то это какой-либо общепризнанный народный богъ, подобно греческому Зевсу или римскому Юпитеру. Греческій богъ прекрасно

символизируетъ собой эту растущую монотеистическую черту,—несмотря на все пестрое разнообразіе олимпійскаго Пантеона. Правда, Зевсъ безсиленъ передъ неумолимой судьбой (во всякомъ случаѣ, онъ не можетъ отмѣнить ея рѣшеній; онъ можетъ только замедлить ихъ осуществленіе); правда, онъ представляетъ собой нѣчто прихотливое и чувственное,—но, въ то же время, ему свойственны великія и возвышенныя черты, и онъ обладаетъ нѣкотораго рода всемогуществомъ. Въ этой фигурѣ божества очень ясно выражены человѣческія черты; простой демонъ здѣсь превращается въ рѣзко очерченную личность. Здѣсь уже начинаетъ обозначаться этическій типъ, хотя и въ неясныхъ очертаніяхъ.

Но такъ какъ моментъ этотъ развитъ еще недостаточно рѣзко, и такъ какъ онъ не служитъ еще масштабомъ для всякой оцѣнки, то наивное сознаніе, ничто же сумняшеся, включаетъ въ божескій обликъ все человѣческое, слишкомъ человѣческое. А отсюда для болѣе зрѣлаго, для болѣе серьезнаго сознанія возникаетъ мучительное противорѣчіе,—какъ мы это наблюдаемъ во всемъ миѳологическомъ и религіозномъ развитіи. Постольку всякая миѳологія содержитъ въ себѣ зародышъ смерти, и роковой кличъ: Великій Панъ умеръ!—рано или поздно, но долженъ неизбѣжно прозвучать въ этой области. И толчокъ къ этому даетъ незамаскированный эротическій моментъ, со всѣми своими дальнѣйшими развѣтвленіями: именно онъ начинаетъ казаться столь непристойнымъ для позднѣйшихъ поколѣній. Можно даже сказать, что онъ начинаетъ вызывать къ себѣ чувство отвращенія. Именно въ эту сторону въ не малой степени были направлены стрѣлы греческой философіи. И прежде всего это сдѣлалъ Ксенофанъ, когда онъ сталъ нападать на веселый міръ гомеровскихъ боговъ.

Антропоморфизмъ съ теченіемъ времени самъ идетъ къ разрушенію: ибо онъ съ простодушной наивностью соединяетъ въ божественномъ образѣ самыя противоположныя качества. И, все же, здѣсь начинаютъ обозначаться двѣ характерныя черты, которыя указываютъ на новую утѣшительную перемѣну. Прежде всего, здѣсь нужно отмѣтить тотъ фактъ, что духовныя качества начинаютъ обращать на себя вниманіе, вначалѣ, правда, очень робкое. Такъ, прежде всего обращается вниманіе на благоразуміе, на остроту ума,—тогда какъ раньше царило одностороннее преклоненіе передъ простою силой и тѣлесными качествами. Во всѣхъ миѳологіяхъ рѣшительная побѣда, въ концѣ концовъ, одерживается не благодаря преобладающей физической силѣ, а благодаря предусмотрительному благоразумію, къ которому въ соотвѣтствующихъ случаяхъ присоединяется хитрость. Такъ, это наблюдается у Зевса во время его борьбы съ гигантами, которые еще являются наполовину животными. То же самое у Одина въ его борьбѣ съ великанами, у вавилонскаго Бэла или еще болѣе у милосерднаго бога-творца Эа (Ea), въ противоположность Тіаматъ (Tiamat).

Даже и тогда, когда новый міровой порядокъ отчасти уже созданъ и

кажется упроченнымъ, физически болѣе слабые, но, въ то же время, и болѣе интеллигентные боги, въ случаяхъ угрожающей имъ опасности, всегда умѣютъ найти надлежащій совѣтъ и исходъ. Въ этомъ отношеніи особенно типичнымъ является вообще столь ненавидимый германскій Локи, который по заслугамъ былъ наказанъ за свою невѣрность. Нѣкогда онъ былъ однимъ изъ трехъ высшихъ боговъ.

Во-вторыхъ, чисто-моральныя требованія все съ бо́льшей и бо́льшей неуклонностью начинаютъ предъявляться къ высшимъ религіознымъ идеаламъ. Несмотря на всю человѣческую наивность гомеровскаго пѣвца, съ какою онъ простодушно описываетъ любовныя похожденія олимпійцевъ,—онъ, все же, неуклонно стремится къ тому, чтобы изобразить Зевса, какъ верховнаго бога, обладающаго правомъ и справедливостью, являющагося покровителемъ набожныхъ и богобоязненныхъ, блюстителемъ клятвы, гостепріимства и т. д.; онъ стремится изобразить его какъ руководителя міра, обладающаго нѣкоторыми возвышенными чертами божественнаго всемогущества и всевѣдѣнія, хотя и съ значительными ограниченіями. Древняя физическая противоположность между ночью, темнотой, засухой, смертью, съ одной стороны, и свѣтомъ, днемъ, плодородіемъ, жизнью, съ другой, сама собою переносится на этическую область. И рѣзче и послѣдовательнѣе всего мы наблюдаемъ это у иранцевъ,—и геніальный основатель ихъ религіи Заратустра, несомнѣнно, принадлежитъ къ болѣе высокой ступени развитія.

Но плодотворнѣйшіе зачатки въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ и у настоящихъ первобытныхъ народовъ, правда, стоящихъ на болѣе высокой ступени цивилизаціи. Примѣромъ этого могутъ служить перуанцы, воззрѣнія которыхъ были сравнительно довольно возвышенны. Ихъ высшій богъ, Виракоха, почитается строго монотеистически, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующая молитва (само собой разумѣется, не было никакихъ изображеній этого бога):

О, Виракоха, всегда сущій, Виракоха причина всего, Виракоха помогатель, неутомимый творецъ, Виракоха, ты, который даешь зачаться всему, ты поощряющій, Виракоха, ты всегда счастливый, Виракоха, всегда близкій, услышь нашу молитву, пошли своему народу здоровья и благоденствія.

Другія его обозначенія таковы: тотъ, который завершаетъ, или истинно-единый, или тотъ, который блюдетъ надо всѣмъ, или воспитатель міра и т. д.

Вообще, всѣ божества свѣта, въ то же время, являются ниспосылающими благословеніе людямъ; они споспѣшествуютъ всему моральному; они (вмѣстѣ съ настоящими полубогами) суть истинные носители культуры. Тогда какъ боги мрачнаго подземнаго міра почитаются лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы отвратить отъ себя бѣдствіе.

Озирисъ, Гель (Hel), Гадесъ, финикійскій Мана, полинезійскій Мауи, тонганійскій Хикулко (Hikulco) и пр.,—всѣ они суть властители надъ цар-

ствомъ мертвыхъ. И изъ этого царства не можетъ расцвѣсть никакой новой жизни. Это возможно лишь тогда, когда эта миѳологическая идея оплодотворяется особыми этическими представленіями и требованіями.

§ 16. Этическія религіи.

Въ предыдущемъ мы старались показать, что борьба изъ-за болѣе чистыхъ представленій, болѣе соотвѣтствующихъ высшимъ существамъ, составляетъ какъ бы органическую черту во всемъ религіозномъ развитіи. И этотъ фактъ намъ приходится отмѣчать уже по отношенію къ высшимъ естественнымъ религіямъ. Только при такомъ предположеніи и становится понятнымъ позднѣйшій расцвѣтъ,—тогда какъ иначе передъ нами было бы совершенно непонятное чудо: абсолютно новое явленіе. Съ другой стороны, это выраженіе должно обозначать собой тотъ специфическій признакъ, что этическій элементъ на этой ступени развитія окрашиваетъ собой все религіозное пониманіе, и притомъ такъ, что оцѣнка опредѣляется исключительно добрымъ образомъ мыслей: тотъ или иной поступокъ совершается независимо отъ всякихъ соображеній объ отличіи, заслугѣ и т. п.

Теперь прежде всего возникаетъ вопросъ, какія же историческія религіи (ибо и этотъ важный моментъ привходитъ сюда) нужно отнести въ эту категорію. Въ этомъ отношеніи едва ли могутъ быть какія-либо сомнѣнія насчетъ христіанства, буддизма и ислама. Всѣ эти три религіи носятъ міровой характеръ въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, и, во всякомъ случаѣ, имъ присуща тенденція повсюду вознаграждать добро. То же самое слѣдуетъ сказать—хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями, благодаря культу—о религіи Зороастра, о Ведахъ, объ іудействѣ и объ ученіи Конфуція. Но спорнымъ, наоборотъ, остается вопросъ, слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ причислять сюда таоизмъ Лао-тцы, который былъ современникомъ китайскаго мудреца и удивительнымъ образомъ соединялъ глубокомысленнѣйшія метафизическія идеи и нравственныя представленія съ грубымъ суевѣріемъ. Кромѣ того, ученіе это пользуется малымъ распространеніемъ, и поэтому болѣе умѣстно говорить объ этомъ ученіи какъ о сектѣ.

Но центральное мѣсто принадлежитъ здѣсь не только этическому моменту, когда конечное искупленіе зависитъ отъ одного только внутренняго превращенія и возрожденія человѣка: здѣсь можно отмѣтить и нѣкоторыя другія существенныя перемѣны.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, слѣдуетъ указать на понятіе откровенія. Теперь откровеніе не носитъ уже случайнаго характера, оно не служитъ уже средствомъ для чисто-практическихъ цѣлей, безразлично, бу-

детъ ли это отгадываніе будущаго или исцѣленіе болѣзней и изгнаніе духовъ: отнынѣ оно распространяется на все жизненное поведеніе и міросозерцаніе. Поэтому откровеніе носитъ теперь характеръ постояннаго воздѣйствія на человѣческіе поступки, и, такимъ образомъ, какъ мы уже объ этомъ упоминали выше, достигается дѣйствительное внутреннее превращеніе человѣка. Боговдохновенные пророки находятся въ неустанномъ общеніи съ наполняющимъ ихъ божествомъ; они чувствуютъ себя призванными возвѣщать новый законъ, значеніе котораго они поясняютъ и подкрѣпляютъ отдѣльными изреченіями. Отсюда для ихъ поклонниковъ возникаетъ цѣлый рядъ предписанныхъ догмъ, святость и возвышенность которыхъ возрастаютъ съ теченіемъ времени. Вмѣстѣ съ тѣмъ, непроизвольно нарождается вѣра въ ихъ изреченія, — и послѣднія входятъ отнынѣ въ священные памятники и книги.

Что же касается времени написанія этихъ изреченій,—то въ этомъ отношеніи обыкновенно царитъ большая неясность. И даже послѣдующая критика не всегда бываетъ въ состояніи разсѣять этотъ туманъ. Въ высшей степени замѣчательно, что писанная форма никогда не принадлежитъ самимъ религіознымъ основателямъ. Къ такимъ священнымъ книгамъ, какъ извѣстно, кромѣ Библіи, принадлежатъ Веды, Трипитака Гаутамы, Коранъ, Авеста съ Гатасъ (Gathas), Кинги (Kings) у китайцевъ [эти книги цѣнятся ими выше, чѣмъ, напримѣръ, ихъ классическія книги Шу (Shu)].

Пять странъ создали священныя книги, которыя затѣмъ пріобрѣли каноническое значеніе: Индія, Персія, Китай, Палестина и Аравія. Все это въ предѣлахъ Азіи. Индія, безъ сомнѣнія, занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто, какъ родина четырехъ великихъ религій, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой собственный канонъ священныхъ писаній. Ниже мы еще остановимся на томъ, какое именно значеніе приписывали себѣ основатели религій, и поскольку за ними слѣдуетъ признать творческую роль. А пока замѣтимъ только, что изреченія ихъ, благодаря этому послѣдующему письменному закрѣпленію, пріотрѣтаютъ законную силу. И отнынѣ уже невозможно никакое преобразованіе, никакое отклоненіе отъ этой узаконенной формы.

Это ясно само собой, и цѣлый рядъ историческихъ фактовъ съ избыткомъ подтверждаетъ то же самое, что, благодаря этому обстоятельству, здоровое развитіе религіозной жизни встрѣчаетъ на своемъ пути роковыя опасности. И часто, благодаря тому же, религіозная жизнь цѣпенѣетъ и извращается. Мы не говоримъ уже о политическихъ злоупотребленіяхъ религіей, которыя наблюдаются довольно часто. Но и помимо того, это первоначально чистое и благородное почитаніе божества нерѣдко вырождалось въ отвратительное идолопоклонство, которое ничѣмъ не отличается отъ вызывающаго такое презрѣніе фетишизма.

Но въ дѣлѣ авторитетнаго истолкованія этого нерушимаго правила

особенно важная роль принадлежала той силѣ, которая пріобрѣтала все бо́льшее и бо́льшее соціальное значеніе, благодаря увеличенію числа вѣрующихъ: этой силой была церковь. И въ этомъ отношеніи плодотворные зародыши встрѣчаются уже и на раннихъ ступеняхъ развитія. Какъ мы могли уже убѣдиться изъ предыдущаго, повсюду у первобытныхъ народовъ мы встрѣчаемъ жреческія школы, болѣе или менѣе непрочныя организаціи, наконецъ, тайные союзы, культы мистерій, ордена и секты. Мы напомнимъ объ ареои (Aréoi) у полинезійцевъ, о многочисленныхъ китайскихъ, индусскихъ и персидскихъ сектахъ, о сектѣ іессеевъ въ Іудеѣ, о ханифахъ (Hanifen) въ Аравіи, объ орфикахъ, гностикахъ, суфитахъ (Sûfiten) и т. д.

Но чаще всего мы имѣемъ здѣсь дѣло съ особенными образованіями, съ особенными организаціями, которыя являются реакціей противъ господствующаго воззрѣнія. Тогда какъ церковь именно въ силу права притязуетъ быть истинной хранительницей вѣры и преданія, которое, быть-можетъ, стало уже колебаться.

Чѣмъ больше ширится новая религія, первоначально охватывавшая небольшую область, чѣмъ больше она распространяется на чуждыя народности, тѣмъ отчетливѣе обнаруживается ея универсалистическая тенденція, не считающаяся ни съ этнографическими, ни съ топографическими границами. Гаутама съ самаго начала возвѣщалъ свое ученіе всѣмъ безъ исключенія; благая вѣсть, принесенная Спасителемъ, во всякомъ случаѣ, очень скоро пріобрѣла такой же универсалистическій характеръ. Но исламъ первоначально носилъ очень ограниченный характеръ, и изъ этихъ тѣсныхъ рамокъ онъ пробился до значенія одной изъ величайшихъ міровыхъ религій. Обратное произошло съ іудействомъ. Съ самаго начала оно носило очень исключительный характеръ, а неблагопріятныя условія отняли у него родную почву. Но зато тѣмъ сильнѣе привязанъ къ своей религіи іудейскій народъ, эта по всему міру разсѣянная кучка людей, давно уже утратившая свою національность.

Однако, несмотря на все напряженіе силъ, какое здѣсь наблюдается, эта стадія развитія лишена всякаго видимаго прогресса. И здѣсь не можетъ быть рѣчи о развитіи, скорѣе здѣсь нужно говорить объ оцѣпенѣніи, объ остановкѣ въ развитіи, у котораго нѣтъ будущаго.

Но, съ другой стороны, имѣются и такія формы религіи, которыя, несмотря на свои универсальные задатки, все же, въ своемъ пониманіи носятъ ограниченный этнографическій характеръ. Правда, эта этнографическая ограниченность движется въ рамкахъ не отдѣльнаго народа, а цѣлой расы. Таковъ, напримѣръ, буддизмъ, который едва ли можетъ статъ и станетъ религіей европейскихъ народовъ (мы не говоримъ о всѣхъ другихъ противоположныхъ доводахъ). Точно также и Веды являются специфически индійскимъ растеніемъ, которое неизбѣжно замерзнетъ въ другомъ климатѣ.

Этическій элементъ, несомнѣнно, служитъ истиннымъ признакомъ этой

высшей религіозности, хотя, какъ мы могли убѣдиться въ этомъ выше, онъ не всегда, къ сожалѣнію, достигаетъ полнаго развитія: нерѣдко подъ грудой всяческихъ догмъ и обрядовъ онъ окончательно замираетъ. Но если это такъ, то одно только внѣшнее исповѣданіе, мертвая формула, должна уступить свое мѣсто рѣшительному внутреннему настроенію (т.-е. исключительно моральному фактору). Сюда принадлежатъ также всѣ тѣ роковыя тенденціи, которыя нерѣдко облекаются въ религіозный костюмъ, которыя хотятъ лишить человѣка его истинной внутренней дѣйственной силы, которыя хотятъ превратить его въ безвольное орудіе аскетизма и умерщвленія «я».

Но не умерщвлять должно человѣка,—онъ долженъ быть возрожденъ къ новой жизни. Не засыпать долженъ онъ въ квіетистической мистикѣ, отрекаясь отъ всѣхъ великихъ культурныхъ задачъ или, правильнѣе сказать, малодушно складывая свои руки на груди,—онъ долженъ самъ неустанно работать надъ тѣмъ, чтобы весь міръ проникся высшими и самыми чистыми идеалами: по слову Гёте, онъ долженъ преходящее превращать въ непреходящее, по слову Спинозы, все долженъ онъ разсматривать sub specie aeternitatis.

Итакъ, этическое развиваетъ все дѣйствительно и истинно-человѣческое: ибо оно преодолѣваетъ весь тотъ догматизмъ, который присущъ теократическому углу зрѣнія, не идущему дальше внѣшняго исполненія велѣній божіихъ. И тутъ исполняются слова стараго Канта: нѣтъ ничего ни въ мірѣ, ни вообще за его предѣлами, что можно было бы мыслить, что безъ всякихъ ограниченій могло бы почитаться за добро, кромѣ одной только доброй воли.

Или, какъ выражается Гёте:

Gutes tu rein aus des Guten Liebe!
Das überliefre deinem Blut!
Und wenn's den Kindern nicht verblieibe,
Den Enkeln kommt es doch zu gut *).

Именно исторія нашей религіи можетъ дать въ этомъ отношеніи недвусмысленныя указанія. Въ противоположность первоначальному христіанству (по крайней мѣрѣ, какъ мы понимаемъ его), которое не знало никакихъ серьезныхъ соціальныхъ проблемъ, именно эти проблемы и являются, какъ извѣстно, самыми важными задачами для насъ. Это было бы печально для нашего христіанства, если бы мы равнодушно прошли мимо этихъ задачъ. Пусть всѣ наши попытки, всѣ достигаемые нами результаты будутъ еще болѣе недостаточны, нежели нынѣ, но истинная, глубокая религіозность,

*) Добро твори лишь изъ любви къ добру!
Его оставь ты потомству своему!
И, буде дѣтей удѣломъ оно не станетъ,
Во благо твоимъ внукамъ достанется оно

охватывающая всего человѣка, не можетъ не обращать своего взора на эти практическія задачи. И все это непосредственно входитъ въ сферу нашей совокупной культуры.

Это соціально-этическое направленіе, въ концѣ концовъ, есть лишь выраженіе внутренняго просвѣтленнаго моральнаго чувства симпатіи, какъ высшаго преображенія истинной человѣчности. И оно нисколько, какъ это, пожалуй, можно было бы предположить, не противорѣчитъ принципу искупленія, какъ онъ провозглашается великими міровыми религіями. Только не нужно понимать этотъ принципъ внѣшнимъ образомъ, чисто-матеріально, какъ это нашло себѣ выраженіе въ извѣстныхъ, окрашенныхъ въ сильный чувственный тонъ, чаяніяхъ райской жизни. А тогда это освобожденіе должно выражаться въ неустанной борьбѣ противъ грѣха.

Но религіозное сознаніе только тогда можетъ преодолѣть это разслабляющее чувство виновности, т.-е. только тогда оно освободится отъ проклятія временности и человѣческой бренности, когда оно не будетъ стоять внѣ міра, когда оно войдетъ въ самое дѣйствительность и тутъ же, въ плодотворномъ общеніи съ окружающимъ, будетъ черпать прочное удовлетвореніе, какое необходимо для жизненной борьбы.

Это уже другой вопросъ, какъ нужно представлять себѣ конкретно этотъ идеалъ искупленія. Его возможно понимать и оптимистически, какъ постепенное завершеніе индивидуума въ какой-либо высшей, болѣе чистой формѣ бытія. Можно понимать его и пессимистически, какъ прегрессивное движеніе индивидуальности, какъ раствореніе ея въ ничто. Здѣсь возможно, наконецъ, и пантеистическое пониманіе, какъ соединеніе съ творящимъ міровымъ духомъ.

ОТДѢЛЪ II.

Принципы науки о религіи.

§ 17. Понятіе религіи.

Мы уже выше указывали на то (ср. § 2), что, съ точки зрѣнія народовѣдѣнія, вѣра, миѳологія и культъ охватываются однимъ общимъ именемъ религіи и представляютъ собой одно неразрывное цѣлое. Только - что набросанный нами въ общихъ чертахъ очеркъ историческаго развитія религіи, дѣйствительно, показываетъ, что эти три составныя части религіи всегда стояли во внутренней связи между собой.

Но, все же, въ интересахъ болѣе точнаго анализа, мы должны дать, какъ это ясно само собой, болѣе точное логическое опредѣленіе того, что собственно понимаемъ мы подъ религіей. Никто, конечно, не потребуетъ отъ насъ критическаго разбора всѣхъ тѣхъ различныхъ опредѣленій, какія давались въ различныя времена. Иначе намъ пришлось бы начать съ Цицерона, который такъ опредѣлялъ религію: religio est, quae superiorіs cujusdam naturae quam divinam vocant curam caerimoniamque affert,—и продолжить этотъ разборъ вплоть до нашихъ дней. Но мы, все же, находимъ полезнымъ указать на нѣкоторыя изъ этихъ опредѣленій.

Такъ, по Канту, религія состоитъ въ познаніи всѣхъ нашихъ обязанностей, какъ божественныхъ заповѣдей. При этомъ, конечно, Кантъ особенно рѣзко подчеркиваетъ отношеніе къ нравственности.

У Гегеля и Фихте, наоборотъ, на первый планъ выступаетъ логическій моментъ. Согласно Гегелю, религія есть знаніе конечнымъ духомъ своей сущности, какъ абсолютнаго духа. Фихте же утверждаетъ: религія есть познаніе. Она уясняетъ человѣку его самого; она даетъ отвѣты на высшіе вопросы, которые, вообще, могутъ быть поставлены. А, благодаря этому, че-

ловѣкъ достигаетъ полнаго единенія съ самимъ собой; онъ достигаетъ истиннаго испѣленія своего духа.

Шлейермахеръ, наоборотъ, обращаетъ исключительное вниманіе на связь съ чувствомъ. Онъ заявляетъ, что религія не есть ни знаніе, ни дѣятельность; она есть извѣстное качество чувства и непосредственнаго самосознанія, которое выражается въ томъ, что мы сознаемъ свою полную зависимость отъ Бога, что мы сознаемъ свое отношеніе къ нему.

Вундтъ, наконецъ, считаетъ религіозными всѣ тѣ представленія и чувства, которыя имѣютъ извѣстное отношеніе къ нѣкоему идеальному бытію, дающему полное удовлетвореніе желаніямъ и требованіямъ человѣческаго духа. Въ другихъ опредѣленіяхъ религіи, въ особенности, въ тѣхъ, которыя имѣютъ въ виду первыя проявленія религіознаго сознанія, истиннымъ факторомъ религіи признается боязнь, необъяснимый страхъ передъ превозмогающей силой естественныхъ явленій. Въ связи съ этимъ, указывается также на эту неискоренимую потребность, познать причинную связь явленій.

Большинство изъ этихъ опредѣленій страдаетъ неполнотой: повинна въ этомъ догматическая предубѣжденность изслѣдователей. Опредѣленія эти слишкомъ узки, они подчеркиваютъ одни признаки въ ущербъ другимъ. А, благодаря этому, они не оцѣниваютъ должнымъ образомъ то душевное состояніе человѣка, которое и служитъ источникомъ всѣхъ религій.

Конечно, съ этнологической точки зрѣнія, религія для насъ есть соціальная функція, т.-е., она есть органическій продуктъ развитія, такой же, какъ, напримѣръ, языкъ, право, обычай и искусство. Но, все же, въ этомъ случаѣ, рѣшительно нельзя было бы игнорировать психологическаго значенія индивидуальнаго сознанія: ибо безъ этого творческаго источника вообще не было бы никакого соціальнаго развитія. Съ этой точки зрѣнія, религія есть аффектъ, извѣстное настроеніе духа и образъ мыслей,—и все это стремится затѣмъ найти соотвѣтствующее выраженіе въ словахъ и поступкахъ. Въ такомъ чисто-субъективномъ смыслѣ религія есть благочестіе, безразлично, что бы ни понималось подъ этимъ на различныхъ ступеняхъ культуры. Поэтому, вмѣстѣ съ Гёте, мы склонны разсматривать благочестіе, какъ первостепенный религіозный элементъ. Такая роль принадлежитъ не страху и боязни, о которыхъ такъ много говорилось и писалось, а именно благочестію, когда человѣкъ преисполненъ глубокимъ чувствомъ преклоненія передъ безконечной силой, властвующей надъ нашей судьбой. Отсюда само собой возникаетъ, затѣмъ, поклоненіе божеству, какъ такой превозмогающей силѣ, безразлично, какова бы ни была форма этого поклоненія.

Мы могли убѣдиться въ этомъ изъ предыдущаго. И на примитивныхъ ступеняхъ развитія, въ фетишизмѣ, дѣйствуетъ то же самое, хотя и смутное, чувство зависимости отъ нѣкоторой высшей силы: первобытный человѣкъ поклоняется не отдѣльному случайному предмету, а той силѣ, которая тамъ воплощена, которая, какъ онъ вѣритъ, тамъ воплощена. Весь анимизмъ,

культъ предковъ, почитаніе звѣздъ и т. д.,—все это было бы нелѣпой, пустой игрой, безо всякаго смысла и разума, если не предположить, что существенная роль принадлежитъ здѣсь описанному выше душевному состоянію. Понятно, это душевное состояніе, въ свою очередь, можетъ выражаться самымъ различнымъ образомъ.

Правда, дикарь, слѣдуя первоначальному эгоизму, въ большинствѣ случаевъ, и въ религіи преслѣдуетъ тѣ же глубоко матеріальныя цѣли; вполнѣ отданный во власть антропоморфнаго пониманія божества, онъ и свои отношенія къ окружающимъ его духамъ разукрашиваетъ рѣзко чувственными и грубыми красками. Но на дальнѣйшей ступени развитія мы встрѣчаемъ уже въ религіи дѣйствительно этическую идею и прямое требованіе внутренней святости.

Великій поэтъ прекрасно выразилъ это въ слѣдующихъ словахъ:

In unseres Busens Reine wogt ein Streben,
Sich einem Höhern, Reinern, Unbekannten
Aus Dankbarkeit freiwillig hinzugeben,
Enträtselnd sich dem ewig Ungenannten,
Wir heissen's: fromm sein*).

Поэтому, всякая истинная религіозность есть дѣло сердца, чувства и прямо не имѣетъ ничего общаго съ разсудкомъ, съ познаніемъ. Да, можно даже высказать такую мысль, которая, пожалуй, покажется парадоксальной: что если бы передъ нами стояли разгаданными всѣ міровыя загадки, если бы на землѣ для насъ не было уже никакихъ противорѣчій, никакой тайны, въ которую не могла бы проникнуть наша острая мысль,—тогда насталъ бы конецъ всякой религіи, не было бы ничего, къ чему мы должны были бы обращаться съ молитвой, что мы должны были бы почитать, ибо весь безконечный міръ лежалъ бы покореннымъ у нашихъ ногъ. Но пока мы остаемся конечными существами и, какъ таковыя, пребываемъ среди безконечности мірового цѣлаго, пока мы не въ силахъ осмыслить до конца, даже только представить себѣ, хотя бы приблизительно, все величіе этого мірового цѣлаго, даже въ минуты высшаго поэтическаго или философскаго вдохновенія,—до тѣхъ поръ религія останется неприкосновеннымъ благомъ человѣчества на всѣхъ ступеняхъ его развитія.

Всякое идолослуженіе, которое кажется намъ столь отвратительнымъ и дѣтскимъ—хотя мы не замѣчаемъ, въ то же время, какъ сильно мы сами каждодневно опутаны сѣтями того же бранимаго нами идолослуженія—вырастаетъ на той же питательной почвѣ, что и истинное служеніе Богу.

---

*) Въ чистыхъ нѣдрахъ души нашей бьется стремленіе,
Изъ благодарности добровольно отдаться
Болѣе высокому, болѣе чистому, Невѣдомому,
Раскрывая себя предъ вѣчно Несказаннымъ,
И мы зовемъ это: быть набожнымъ.

Само собой разумѣется, что не бываетъ религіи безъ вѣры, безъ опредѣленной оцѣнки жизни и нашего «я». Но, несмотря на то, собственно догматическій элементъ есть лишь побочная составная часть религіи, во всякомъ случаѣ, непрестанно измѣняющаяся. И только слѣпой фанатизмъ и неразуміе могутъ превращать догму въ главное дѣло. Внѣшнее развитіе, соціальная организація всегда будутъ нуждаться въ извѣстныхъ авторитетныхъ нормахъ. Но когда эти формулы начинаютъ служить для порабощенія умовъ людей, когда жадная до власти іерархія начинаетъ считать себя призванной задерживать ходъ міровой исторіи,—тогда это есть безобманный признакъ, что настала смерть живому, свободному развитію религіознаго сознанія. Въ то же время, это созданіе опредѣленныхъ нормъ, опредѣленнаго пониманія, исключительно, или главнымъ образомъ, совершается не инстинктивнымъ путемъ, не посредствомъ чувства, а при помощи спекулятивнаго разсудка, которому нѣтъ дѣла до истинно-религіозной вѣры. А все это необходимо губитъ истинное зерно и цѣнность религіи. Исторія великихъ міровыхъ религій и, въ немалой степени, исторія христіанства служатъ тому печальнымъ доказательствомъ.

Едва ли нужно говорить о томъ, что мы, въ то же время, отнюдь не склонны брать подъ свою защиту мечтательную мистику, слабовольный, отчужденный отъ міра аскетизмъ и другіе подобные наросты. Подобно всему нашему духовному развитію, и религіозная вѣра всегда непосредственно зависитъ отъ нашего опыта и нашихъ представленій, короче, отъ всей той картины міра, какую мы составляемъ себѣ. Эта картина міра и здѣсь говоритъ свое рѣшающее слово.

И какъ далеко отъ насъ желаніе рекомендовать пресловутое credo quia absurdum, столь же мало симпатіи питаемъ мы и къ этой сомнительной двойной бухгалтеріи: въ сферѣ религіи нужно-де предоставить руководящую роль одной толькѣ вѣрѣ, а въ наукѣ—познанію. Какъ всюду, такъ и здѣсь все сводится къ тому, чтобы соединить воедино различные духовные факторы. Правда, многимъ это не удается. Отсюда эти нерѣдкія печальныя явленія. Но, несмотря на то, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ признать такой результатъ нашего психологическаго изслѣдованія и всего историческаго развитія: что начало религіи и ея истинное понятіе коренятся въ глубинахъ нашего чувства.

Въ дальнѣйшемъ мы намѣрены изслѣдовать сущность и психологическое возникновеніе религіи. А, благодаря этому, нашъ выводъ пріобрѣтаетъ еще бо́льшую неопровержимость.

§ 18. Сущность и происхожденіе религіи.

Какъ мы убѣдились въ томъ выше, религія покоится на нѣкоторомъ аффектѣ, на глубокомъ возбужденіи чувства. И центральнымъ пунктомъ здѣсь является признаніе бога, какъ сверхчеловѣческой реальности. Разсудочный процессъ, сознательная логическая операція, точнѣе, достаточное доказательство едва ли имѣютъ здѣсь какое-либо значеніе. Во всякомъ случаѣ, они могутъ играть лишь второстепенную роль. Только гораздо позднѣе, на ступеняхъ высшей культуры, у человѣка возникаетъ стремленіе согласовать содержаніе своей вѣры съ остальнымъ опытнымъ міромъ. Случается даже, что человѣкъ ставитъ себѣ задачей доказать свою вѣру такъ, какъ доказываются научныя теоремы. Но, въ большинствѣ случаевъ, такіе пріемы служатъ лишь признакомъ того, что остылъ тотъ первоначальный пылъ, который служитъ источникомъ всякаго религіознаго убѣжденія, каково бы оно ни было. И, въ такихъ случаяхъ, мѣсто убѣжденія занимаетъ уже мудрствующій догматизмъ. Это—та сила, передъ которой первобытный человѣкъ склоняетъ свою голову. Также и мы признаемъ ея власть въ высшихъ формахъ нѣкоторой космической силы, которая проникаетъ собой все міровое цѣлое. Мы прославляемъ ее на языкѣ поэзіи.

Правда, міросозерцаніе примитивныхъ народовъ безконечно далеко отстоитъ отъ нашего современнаго міросозерцанія, въ особенности, если взять такихъ представителей, какъ Кантъ или Гёте. Но, несмотря на то, понятіе Бога, все же, является общимъ корнемъ всѣхъ дальнѣйшихъ мыслей и чувствъ. И это понятіе Бога, какъ бы глубоко отличнымъ ни казалось оно намъ съ перваго взгляда, когда мы сравниваемъ религіозный идеалъ какого-нибудь австралійскаго негра и, напримѣръ Гёте, въ свою очередь, коренится въ столь же неясномъ, какъ и превозмогающемъ чувствѣ внутренняго родства между человѣкомъ и Богомъ. Выше мы уже говорили объ этомъ (ср. § 3).

Та пропасть, какая, казалось, образовалась между этими обѣими сферами, заполняется цѣлымъ рядомъ посредствующихъ личностей (полубоги, пророки, герои культуры, искупители и т. д.). Эти личности вновь возстановляютъ утерянное единство и оживляютъ въ человѣчествѣ померкшее-было богоподобіе. А исторія и миѳъ въ многочисленныхъ образахъ доставляютъ дѣятельной фантазіи необходимый для этого матеріалъ. Это—общеизвѣстное явленіе. Во всѣхъ этихъ образахъ, которые развертываются передъ нами въ миѳологіи почти всѣхъ, хотя бы нѣсколько одаренныхъ, народовъ, раскрывается прирожденное, неодолимое стремленіе человѣка слиться съ божествомъ. И въ наиболѣе яркой и послѣдовательной формѣ мы наблюдаемъ это у мистиковъ всѣхъ временъ. А это стремленіе, въ свою очередь, покоится на

могучемъ чувствѣ безконечности, которое, собственно говоря, никогда не покидаетъ человѣка. Но лишь въ особыя минуты вдохновенія оно наполняетъ все наше существо.

Этотъ высшій пунктъ фактически находитъ свое завершеніе въ мистицизмѣ: мистикъ, освободившійся отъ оковъ чувственности и временности, чувствуетъ себя единымъ съ божествомъ, съ міровымъ духомъ, Атман'омъ, какъ гласитъ индусское выраженіе. Здѣсь угасаетъ индивидуальность, и круговоротъ бытія находитъ свое окончательное завершеніе. Но въ болѣе слабой степени, хотя бы на немногія, быстро убѣгающія мгновенія, всякій истинно религіозный человѣкъ испытываетъ то же самое стремленіе уйти отъ сковывающихъ насъ преградъ конечности; онъ испытываетъ то же самое стремленіе ввысь.

И, несомнѣнно, Гёте выразилъ съ обычнымъ своимъ мастерствомъ эту общечеловѣческую черту въ своихъ извѣстныхъ стихахъ:

Но подавить нельзя подчасъ
Въ душѣ врожденное стремленье,
Стремленье въ высь, когда до насъ
Вдругъ долетаетъ жаворонка пѣнье
Изъ необъятной синевы небесъ,—
Когда, внизу оставя долъ и лѣсъ,
Орелъ паритъ свободно надъ горами,
Иль высокò подъ облаками
Къ далекой родинѣ своей
Несется стая журавлей *).

Это чувство безконечности, которое, само собой разумѣется, можетъ принимать самыя разнообразныя формы, переплетается съ извѣстной оцѣнкой нашей собственной личности. И, въ этомъ случаѣ, наша личность противопоставляется превозмогающимъ естественнымъ силамъ, которымъ мы далеко уступаемъ въ физическомъ отношеніи. Если бы у насъ не было этого чувства нашего несравнимаго значенія, то мы неизбѣжно пали бы духомъ; мы были бы подавлены неодолимымъ могуществомъ элементарныхъ силъ природы; мы изнемогли бы при видѣ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и страданій, что неизбѣжно окружаютъ насъ.

Но, вопреки всей нашей бренности и ограниченности это отчасти служитъ источникомъ нашихъ религіозныхъ чаяній,—вопреки всѣмъ порушеннымъ надеждамъ, несмотря на то, что и всему высшему и лучшему, что только мы имѣемъ, настаетъ конецъ,—несмотря на все это, отъ пессимизма и окончательной гибели насъ спасаетъ исключительно это неискоренимое чувство нашей собственной исключительной цѣнности. А потому эта вѣра въ идеалы, въ цѣнности, которыя только и придаютъ содержаніе и

*) «Фаустъ». Переводъ Н. Холодковскаго.

значеніе всей этой быстро, съ шумомъ проносящейся жизни, и есть истинный центральный пунктъ религіи. И, съ этой этической точки зрѣнія, можно было бы сказать, что всякая религія сводится къ тому, чтобы придать нашему бытію высшую цѣнность.

Но здѣсь намъ могутъ задать такой вопросъ: чѣмъ же отличается религія въ тѣсномъ смыслѣ отъ миѳологіи или отъ искусства и отъ науки? Вѣдь и послѣднія точно также предполагаютъ идеалы, цѣнности, и безъ этой предпосылки отъ науки и искусства не остается ничего.

Отвѣтъ нашъ гласитъ такъ. Миѳологія интересуется исключительно природой, и въ нее вплетаетъ она свои пестрыя картины. Нравственная жизнь, которая служитъ очень плодородной питательной почвой для религіи, чужда миѳологіи. Затѣмъ, въ миѳологіи, какъ и въ искусствѣ, рѣшающая роль принадлежитъ фантазіи, и послѣдняя заглушаетъ чувство, которое играетъ главную роль въ религіи. Для искусства, далѣе, рѣшающее значеніе имѣетъ понятіе иллюзіи, прекрасной видимости, которая противопоставляется суровой, недружелюбной дѣйствительности. И на эту дѣйствительность иллюзія набрасываетъ обманчивый покровъ. А то возвышеніе и назиданіе, какое дается религіей, имѣетъ въ виду, наоборотъ, примирить насъ съ непосредственной жизнью, которая слишкомъ сурово давитъ насъ.

Но отношеніе вѣры къ наукѣ требуетъ нѣсколько болѣе точнаго анализа, уже въ виду одного его культурно-историческаго значенія. Миѳологія и искусство, несмотря на все свое различіе, все же, стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ религіи. Не то наука. Въ большинствѣ случаевъ, различіе между наукой и религіей превращается въ непреодолимую противоположность. Съ одной стороны, ясное познаніе, логическое доказательство, у котораго нѣтъ ничего общаго съ чувствами и аффектами; наоборотъ, познаніе, повидимому, еще утрачиваетъ въ своей состоятельности, когда къ нему примѣшиваются паѳосъ и возбужденіе. Какъ слаба, наоборотъ, та связь, которая соединяетъ глубокое религіозное убѣжденіе съ дѣйствительными разумными основаніями, съ законами индуктивной логики! Всякое научное положеніе должно быть строго доказуемо, разъ оно притязуетъ на всеобщее признаніе: такова логически необходимая предпосылка этой объективной значимости.

Но нѣтъ ни одного, даже самаго простѣйшаго и самаго общаго, религіознаго опыта, который подлежалъ бы такому доказательству. Противъ этого замѣчаютъ, что и наука не можетъ обойтись безъ нѣкоторыхъ общихъ положеній, которыя недоказуемы, которыя принимаются, такъ сказать, на вѣру. Таковъ, напримѣръ, законъ причинности, какъ основная предпосылка всего нашего мышленія. Но это допущеніе нѣкоторыхъ неопровержимыхъ, но недоказуемыхъ правилъ, эти законы нашего познанія, безъ которыхъ все превратилось бы въ безпорядочный хаосъ, довольно значительно отличаются отъ собственно религіознаго вѣрованія. Вѣдь вѣра утверждаетъ дѣйствительность

явленій и событій, которыя стоятъ внѣ нашего чувственнаго воспріятія и нашего критическаго міропониманія. Поэтому они не подлежатъ никакимъ логическимъ доказательствамъ. Но признаваемыя нами нѣкоторыя общія предпосылки нашего мышленія (причинность, тождество и т. д.) отнюдь не занимаются чѣмъ-либо дѣйствительнымъ, какими-либо спорными фактами: онѣ говорятъ лишь вообще о возможности познанія, для котораго онѣ и устанавливаютъ извѣстныя апріорныя правила.

Понятно, съ нелѣпой анархической точки зрѣнія, можно, пожалуй, не признавать этихъ предпосылокъ, можно отрицать ихъ очевидность. И такого человѣка, конечно, нельзя было бы принудить никакими высшими логическими доводами признать эти предпосылки. Но, несмотря на то, это признаніе исключительно формальныхъ истинъ, т.-е. формъ нашего познанія, очевидно, есть нѣчто совершенно отличное отъ той непоколебимой, морально обусловленной, религіозной вѣры, вѣры въ то, что божественное всемогущество проникаетъ собой, даже царитъ надъ всей человѣческой жизнью. Само собой разумѣется, что и для науки требуется субъективность,— но это ничего не измѣняетъ въ общемъ фактическомъ положеніи вещей.

Все же, между обѣими этими сферами не можетъ и не должно быть никакой абсолютной противоположности; во всякомъ случаѣ, здѣсь не должно быть мѣста никакой враждѣ. Уже по одной той причинѣ, что обѣ эти сферы свою полную дѣйствительность могутъ осуществить только въ томъ случаѣ, когда между ними будетъ царить непосредственное согласіе. И, равнымъ образомъ, если быть безпристрастнымъ, то нельзя ставить религіи въ упрекъ, что она пытается, какъ можетъ, связать свои ученія и представленія съ остальными научными дисциплинами и, прежде всего, съ другими движущими основаніями нашего бытія. Наоборотъ, такое историко-критическое изслѣдованіе даже въ интересахъ религіи, ибо только такимъ путемъ она сможетъ уяснить себѣ свое собственное развитіе, только такимъ путемъ она сможетъ отдѣлить несущественное отъ основоположнаго.

Но, само собой разумѣется, никакое остроуміе въ этой области не можетъ замѣнить собой истинной религіозности, благочестія и чистоты помысловъ,—а только это и служитъ дѣйствительнымъ двигателемъ всякой истинной религіи. Наоборотъ, всѣ научныя старанія теологіи, въ концѣ концовъ, упираются въ эту неизмѣнную основу практической вѣры: ибо иначе надо всѣмъ необходимо воцарятся мертвый формализмъ и убивающее всякій духъ буквоѣдство.

§ 19. Характеръ религіи.

Понимать ли религію, какъ душевное состояніе отдѣльнаго человѣка, или какъ явленіе историческое,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, какъ

мы объ этомъ уже упоминали выше, религія не можетъ избѣжать общихъ соціальныхъ вліяній, которыя властвуютъ надо всею жизнью. Но та же религія, понимаемая какъ набожность, какъ благочестіе, какъ совершенная гармонія, какъ прекрасный, установившійся въ груди человѣка, миръ, когда засыпаютъ вѣчно неугомонныя желанія, пусть даже всего только на одинъ скоротечный мигъ,—такая религія, все же, болѣе или менѣе независима отъ всей полноты и глубины знанія, независима отъ всюду проникающей критической мысли человѣческой, независима отъ геніальныхъ построеній спекуляціи. Тутъ побѣждаетъ уже цѣльная сила, всѣ противорѣчія одолѣвающей, вѣры: ей не нужны никакія свидѣтельства чувствъ и научной критики; она исключительно или, во всякомъ случаѣ, преимущественно внемлетъ голосу своего собственнаго моральнаго опыта и совѣсти.

Тутъ, съ другой стороны, играетъ роль столь же сильное, никакими ударами судьбы неколеблемое, упованіе на Бога, упованіе, которое еще болѣе утверждается, благодаря всяческимъ жизненнымъ превратностямъ: и человѣкъ чтитъ тогда въ лицѣ руководителя міра снисходительнаго отца, все устрояющаго на благо. Конечно, такое убѣжденіе созрѣваетъ постепенно, лишь подъ давленіемъ страданій и испытаній, и оно даетъ человѣку то возвышенное настроеніе, тотъ возвышенный образъ мыслей, которые научаютъ всякаго истинно-религіознаго человѣка, всю земную жизнь, во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ, разсматривать sub specie aeternitatis. А, благодаря этому, какъ мы уже не разъ о томъ упоминали, достигаетъ своего полнаго выраженія чувство безконечнаго.

А это ведетъ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, къ состоянію тихаго спокойствія; человѣкъ отдается на волю божію; онъ отрѣшается отъ всякаго своеволія: тутъ создается неискоренимый оптимизмъ, который стоитъ твердо, вопреки всяческимъ превратностямъ и ударамъ судьбы; тутъ создается рѣдкостная веселость, ясность духа. И это радостное душевное состояніе, какъ небо отъ земли, далеко отъ той пассивной тупости и нечувствительности, какъ мы это встрѣчаемъ среди низшихъ слоевъ населенія, когда они бываютъ обременены тяжкими бѣдствіями.

Какъ повсюду, такъ и здѣсь, при извѣстныхъ индивидуальныхъ задаткахъ, большую роль можетъ сыграть воспитаніе.

Прежде всего, природа является великой наставницей въ дѣлѣ религіозныхъ чувствъ: мы наблюдаемъ это въ великихъ миѳологическихъ концепціяхъ, или въ рѣчахъ и притчахъ знаменитыхъ пророковъ и сердцевѣдовъ всѣхъ временъ и народовъ: именно они всегда обращали вниманіе своихъ слушателей на жизнь и дѣятельность природы. Даже современный мыслитель не пренебрегаетъ этимъ вѣчно бьющимъ источникомъ и черпаетъ изъ него. Въ этомъ отношеніи достаточно указать на Канта и Гёте, этихъ двухъ, столь различныхъ въ прочихъ отношеніяхъ, мыслителей.

«Критика практическаго разума», какъ извѣстно, кончается словами:

двѣ вещи вновь и вновь наполняютъ мою душу все возрастающимъ удивленіемъ и благоговѣніемъ, чѣмъ чаще и настойчивѣе моя мысль приковывается къ нимъ: это—звѣздное небо надо мною и моральный законъ во мнѣ.

А Гёте заявлялъ канцлеру фонъ Мюллеру: какъ ни манитъ земля человѣка тысячами и тысячами явленій, все же, онъ, со страстнымъ томленіемъ, поднимаетъ свой взоръ къ небу, которое высится надъ нимъ въ неизмѣримыхъ пространствахъ: ибо онъ глубоко и ясно чувствуетъ въ себѣ, что онъ есть гражданинъ того духовнаго царства, вѣру въ которое мы не можемъ ни отклонить, ни отбросить.

Тутъ неважно, въ какихъ формахъ проявляется это религіозное проникновеніе въ природу.

Въ чудесномъ пантеистическомъ гимнѣ рисуетъ намъ эту картину великій поэтъ:

Im Grenzenlosen sich zu finden,
Wird gern der einzelne verschwinden,
Da löst sich aller Ueberdruss;
Statt heissem Wünschen, wildem Wollen,
Statt lästigem Fordern, strengem Sollen
Sich aufzugeben ist Genuss.
Weltseele komm, uns zu durchdringen!
Dann mit dem Weltgeist selbst zu ringen,
Wird unserer Kräfte Hochberuf.
Teilnehmend führen gute Geister,
Gelinde leitend, höchste Meister,
Zu dem, der alles schafft und schuf.
Und umzuschaffen das Geschaffne,
Damit sich's nicht zum Starren waffne,
Wirkt ewiges, lebend'ges Tun.
Und was nicht war nun will es werden
Zu reinen Sonnen, farb'gen Erden,
In keinem Falle darf es ruhn*).

---

*) Дабы обрести себя въ безграничномъ,
Ради этого человѣкъ охотно исчезнетъ,
И тогда не будетъ тоски;
Освободиться отъ пылкихъ желаній, отъ неукротимой воли,
Отъ обременительныхъ требованій, отъ строгаго долга,
И самому исчезнуть—это наслажденье.
О, приди, душа міровая, объять насъ собой!
Тогда высшимъ призваніемъ нашихъ силъ
Будетъ борьба съ самимъ міровымъ духомъ.
Съ участіемъ ведутъ насъ добрые духи,
Эти высшіе наставники, и кротко руководятъ нами,
Ведутъ къ тому, кто создаетъ и создалъ все.
И вновь пересоздавать ужъ созданное,

Своего высшаго завершенія это исполненное мечтаній воодушевленіе, которое въ своихъ наиболѣе яркихъ формахъ порываетъ всякую связь съ земной и человѣческой ограниченностью, которое просвѣтляетъ эту ограниченность, достигаетъ въ мистикѣ и экстазѣ. И, замѣчательно, несмотря на всѣ культурно-историческія и иныя различія среды, мы всюду наблюдаемъ здѣсь однѣ и тѣ же типическія черты.

Тамъ, гдѣ твердо хранится личность Бога, тамъ природа является какъ бы отраженіемъ величія и всемогущества божьяго, какъ это въ столь возвышенной формѣ воспѣвается въ псалмахъ. Съ другой стороны, спекуляція, въ своихъ глубокомысленныхъ изысканіяхъ, которыя она охотно хотѣла бы навязать намъ, какъ своего рода доказательство, пытается выяснить отношеніе Бога къ міру, къ матеріи, къ человѣку. Несмотря на всю свою недостаточность, эти метафизическія построенія, все же, проникнуты всею важностью и пафосомъ того настроенія, которое дало имъ начало.

Но если оставить въ сторонѣ эти космологическія измышленія о высшемъ міровомъ началѣ—имъ, конечно, принадлежитъ довольно значительное мѣсто въ исторіи человѣческаго мышленія,—то нужно будетъ сказать, что для средняго религіознаго развитія бо́льшее значеніе имѣла соціальная жизнь. И причины тому вполнѣ понятны. Этотъ личный опытъ захватываетъ насъ непосредственно за сердце, захватываетъ гораздо сильнѣе, нежели воззрѣнія на природу, ибо послѣднія, въ свою очередь, предполагаютъ уже болѣе тонкія, болѣе зрѣлыя отношенія, чѣмъ это свойственно прозаическому среднему человѣку. То счастье и та благодать, которыя выпали намъ на долю, а также суровая школа бѣдствій, лишеній могутъ пробудить въ насъ дремлющую религіозную склонность къ благодарности, покорности и смиренію. И, именно въ этомъ случаѣ, ловкая рука опытнаго духовнаго пастыря можетъ сдѣлать очень многое.

Правда, не слѣдуетъ преуменьшать въ этомъ отношеніи значенія руководства и воспитанія. Но еще бо́льшее значеніе, въ этихъ случаяхъ, имѣетъ самостоятельное пробужденіе къ новой жизни. Здѣсь, дѣйствительно, наблюдается (для посторонняго глаза неожиданно, а, на самомъ дѣлѣ, въ результатѣ долгаго подготовительнаго процесса) полное возрожденіе, какъ это имѣетъ мѣсто въ великихъ міровыхъ религіяхъ, а прежде всего въ буддизмѣ и въ христіанствѣ. Выше (см. § 6) мы уже указывали на типическія черты экстаза, соединенія человѣка съ божествомъ, когда человѣкъ бываетъ исполненъ восхищенія, восторга. Поэтому мы можемъ ограничиться здѣсь по данному вопросу немногими замѣчаніями.

Дабы оно не превратилось въ нѣчто закоченѣвшее,—
Это творитъ вѣчное, живое дѣяніе.
И то, что не было еще, то нынѣ хочетъ быть
И чистымъ солнцемъ, и красочной землей.
И не должно здѣсь мѣста быть покою.

Въ этихъ случаяхъ человѣкъ проникается міровымъ духомъ, и, благодаря этому, онъ обновляется, становится инымъ; свою прежнюю природу онъ сбрасываетъ съ себя, словно старое платье, дабы облечься въ новую одежду. Человѣкъ чувствуетъ себя какъ бы органомъ и орудіемъ высшаго, его «само» умерло, исчезло. И пробудившійся чувствуетъ себя богоизбраннымъ глашатаемъ исходящаго нынѣ отъ него откровенія.

Такъ это было, напримѣръ, съ Монтаномъ, основателемъ одной христіанской секты во II вѣкѣ. Онъ разсказываетъ про себя такъ: когда на него нашло это состояніе восхищенія, восторга, то онъ словно уснулъ, или словно у него вынули сердце изъ груди (сердце, согласно античнымъ представленіямъ, служило мѣстопребываніемъ сознанія), и какая-то чуждая сила вложила въ него новое сердце. Съ нимъ происходило то же самое, какъ это иногда случается съ нами во снѣ: онъ былъ словно зрителемъ или слушателемъ того, что говорила или дѣлала посредствомъ него и изъ него чужая сила, овладѣвшая имъ. Словно во снѣ слышитъ онъ говорящимъ какой-то далекій, чужой голосъ, который пользуется его органами языка, подобно плектрону *), ударяющему по струнамъ.

И это состояніе нашло на него, словно на него налетѣло нѣчто чуждое, словно порывъ вѣтра или одурманивающій запахъ. И все это творитъ въ немъ не человѣкъ, а Богъ. Такъ что еще сомнительно, можетъ ли человѣкъ помнить что-либо изъ того, что было съ нимъ, когда придетъ въ бодрствующее состояніе.

Въ «Преворстской пророчицѣ» Грюнъ рисуетъ такого рода черты:

Hier lieg ich betend
Vor dir, Allerbarmer,
Ich Arme, ich Kranke,
Ich Schwache, ich Kranke,
Du nimmst den gehorsamen
Kindern den Schmerz,
Du bist der Allwissende,
Siehest mein Herz **).

Конечно, нельзя отрицать того, что и здѣсь, случалось, притворство и обманъ играли свою сомнительную роль. Но, въ цѣломъ и общемъ, это состояніе оторванности отъ всего земного временно поднимало людей выше всѣхъ земныхъ страданій и бѣдствій, такъ что, напримѣръ, христіанскіе

*) Плектронъ—особая палочка, употреблявшаяся греками при игрѣ на струнныхъ инструментахъ. *Прим. перев.*

**) Здѣсь лежу я, моляся,
Предъ тобой, Всемилостивый,
Я бѣдная, я больная,
Я слабая, я больная,
Ты удаляешь скорбь
Отъ послушныхъ дѣтей,
Ты Всезнающій,
Ты видишь мое сердце.

мученики нерѣдко совершенно не чувствовали тѣхъ мученій, какимъ ихъ подвергали гонители-язычники. Больше того, такимъ путемъ достигалось полное освященіе и просвѣтлѣніе всего жизненнаго поведенія человѣка, и онъ начиналъ съ презрѣніемъ относиться къ обычнымъ радостямъ и благамъ жизни. А отсюда легко уже было придти къ полному аскетизму, къ отвращенію отъ всякой чувственности и искусства. Такъ оно, въ дѣйствительности, и было.

Но, наряду съ этимъ индивидуальнымъ характеромъ религіи, который имѣетъ такое рѣшающее значеніе для личнаго развитія человѣка, нужно имѣть въ виду ея соціальное значеніе. Съ этой, соціальной, точки зрѣнія, религія есть величественное историческое явленіе въ жизни народовъ.

Здѣсь намъ излишне опровергать это печальное заблужденіе просвѣтителей, которое, къ сожалѣнію, не совсѣмъ еще исчезло и въ наши дни: что религія есть будто бы изобрѣтеніе отдѣльнаго человѣка. Заниматься намъ этимъ въ настоящую минуту тѣмъ болѣе излишне, что ниже мы постараемся еще выяснить ту долю участія, какая принадлежитъ въ исторіи религій ихъ основателямъ. Для насъ религія, какъ и всякое другое соціально-психическое явленіе, какъ право, обычай и искусство, есть органическое звено въ ряду великихъ созданій культуры. Конечно, все это возникло не безъ содѣйствія отдѣльнаго человѣка. Но здѣсь всегда необходимо, въ то же время, имѣть въ виду соціальное взаимодѣйствіе членовъ той или иной этнической организаціи.

Если уже въ силу однихъ только психологическихъ соображеній, мы должны признать, что религія есть соціальная функція, то выводъ этотъ подтверждается еще больше путемъ культурно-историческихъ, этнологическихъ изслѣдованій. Ибо всюду, даже на примитивныхъ ступеняхъ цивилизаціи, религія есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и организація, связанная съ жречествомъ, съ культомъ, короче, съ соціальными факторами. Это вполнѣ слѣдуетъ сказать о великихъ міровыхъ религіяхъ. И это ясно само собой. Общины Гаутамы, Магомета, Христа изъ небольшихъ, незамѣтныхъ зародышей выросли въ могучія международныя общенія, іерархіи, объемлющія собой міръ и народъ. И права, и обязанности отдѣльныхъ членовъ этого громаднаго механизма установлены самымъ точнымъ образомъ.

Правда, эта связанность отдѣльнаго человѣка, эти опредѣленныя каноническія, т.-е., общеобязательныя, правила довольно часто посягаютъ на свободу и самостоятельность науки. Но, въ то же время, зрѣлище такой могущественной организаціи не можетъ не производить внушительнаго впечатлѣнія.

Міровыя религіи, въ отличіе отъ болѣе мелкихъ организацій, проложили новые пути для исторіи цѣлыхъ странъ и народовъ. Буддизмъ, какъ это гласитъ часто употребляемое выраженіе, укротилъ Азію; онъ сталъ перво-

степенной цивилизаторской силой для дикихъ племенъ этой части свѣта. Исламъ съ неодолимой экспансивной силой покинулъ тѣсныя границы своей родины; онъ значительно видоизмѣнилъ обликъ Африки, а отчасти и Европы и Азіи и создалъ новое культурно-историческое положеніе вещей. Христіанство, несмотря на всю свою раздробленность на безконечное число сектъ, нерѣдко съ величайшей яростью враждовавшихъ между собой, все же, неуклонно продолжало свое побѣдоносное шествіе по лицу земного шара. И уже апостолы въ свое время заложили этому начало, хотя и съ недостаточными средствами.

Здѣсь особенно замѣчательно то, что съ теченіемъ времени первоначальная чистота всѣхъ этихъ ученій постоянно затемнялась, и нерѣдко все ученіе превращалось въ свою противоположность. Такъ, Будда хотѣлъ вообще освободить человѣчество отъ проклятія временности, отъ вѣчнаго круговорота рожденія и становленія; онъ хотѣлъ всѣхъ ввести въ покой нирваны. Онъ пробилъ брешь во всѣхъ кастовыхъ путахъ и оковахъ и этимъ возстановилъ противъ себя гордыхъ своими привилегіями браминовъ. Съ той же послѣдовательностью онъ изгналъ изъ своей религіи всѣхъ боговъ, и все поставилъ онъ въ зависимость отъ познанія людей. И, все же, небо скоро вновь населилось прежними образами, только нѣсколько видоизмѣненными. И довольно скоро снова появились старыя противоположности, и снова безразличная масса вѣрующихъ распалась на различные классы и группы.

А что сталось въ различные вѣка съ религіей любви въ рукахъ жадныхъ до власти, фанатичныхъ и, къ тому же, грубыхъ и низкихъ священниковъ! Какія гекатомбы невинныхъ жертвъ закалывалось во имя высшаго Бога всеобъемлющей любви! Пусть послѣдователи Вольтера занимаются подсчитываніемъ этихъ жертвъ, — но вѣдь этимъ нисколько не вычеркивается изъ міра этотъ отвратительный, ужасный фактъ.

Ниже мы еще остановимся на выясненіи вопроса, какую роль играли во всемъ этомъ процессѣ основатели религій. Пока же замѣтимъ только, что всѣ они безразлично почитали себя провозвѣстниками страстно чаемой людьми благой вѣсти. И побѣда и общее признаніе являлись здѣсь не безъ борьбы и споровъ (и даже кровавыхъ распрей).

У Гаутамы центральнымъ пунктомъ всего ученія было уничтоженіе страданій, путь четырехъ истинъ. У Христа эта роль принадлежитъ всеобъемлющей любви, и любовь эта придала совершенно новый характеръ исполненному гнѣва, карающему Іеговѣ. Магометъ направилъ весь пылъ своего фанатизма прежде всего противъ отечественнаго, глубоко укоренившагося, политеизма и вѣры въ духовъ.

Подобно остальнымъ пророкамъ, это откровеніе они получили свыше, находясь въ состояніи сверхъестественнаго восхищенія, восторга. У Будды, напримѣръ, для котораго центръ тяжести лежитъ въ познаніи, это неожи-

данное просвѣтлѣніе происходитъ подъ деревомъ Бо (Bodhibaum),—и тутъ передъ нимъ раскрывается болѣзненно отыскиваемая имъ истина. И вотъ теперь они вполнѣ заколдованы и вооружены противъ всяческихъ искушеній и посягательствъ со стороны дьявола, а онъ всяческими приманками старается обморочить ихъ, дабы этимъ совратить ихъ съ того спасительнаго пути, какой съ такимъ трудомъ былъ обрѣтенъ ими.

Это откровеніе, въ большинствѣ случаевъ, является рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ въ дальнѣйшемъ развитіи и формированіи новаго ученія. Лишь гораздо позже сюда присоединяются дальнѣйшія поясненія и добавленія, которыя и развиваютъ дальше первоначальное зерно и содержаніе религіозной мысли. А затѣмъ, опять-таки спустя долгій промежутокъ времени, слова и изреченія божественнаго учителя закрѣпляются въ письменной формѣ. И это есть уже дѣло учениковъ быстро расцвѣтающей общины. А подъ конецъ появляется соборное постановленіе, которое разъ навсегда опредѣляетъ то, что должно составлять содержаніе этихъ доподлинныхъ выраженій. И этимъ полагается преграда всяческимъ сомнѣніямъ позднѣйшихъ поколѣній.

Таково происхожденіе священныхъ книгъ. Для религіозной общины онѣ получаютъ обязательную силу. Онѣ стремятся сохранить это значеніе навсегда, вопреки всѣмъ превратностямъ времени. Само собой разумѣется, что здѣсь необходимымъ образомъ возникаетъ непримиримая борьба между рабскимъ авторитетомъ и слѣпымъ послушаніемъ, съ одной стороны, и свободной критикой и личной самостоятельностью—съ другой. И, какъ извѣстно, такой борьбой заполнена исторія религіи всѣхъ церквей и всѣхъ болѣе крупныхъ организацій.

Конечно, ни одно практическое соединеніе людей немыслимо безъ тѣхъ или иныхъ нормъ, и постольку указанныя выше записи — само собой разумѣется, что основатели религій сами никогда не принимали въ этомъ участія — являются необходимыми законодательными сводами для рѣшенія внутреннихъ споровъ. Но, въ то же время, эти законодательные своды, какъ мы объ этомъ уже упоминали, слишкомъ часто тормозятъ здоровое, естественное развитіе, которое всегда должно итти нога въ ногу съ тѣмъ, что создается новаго, которое всегда должно приспособляться къ новымъ культурнымъ теченіямъ. Въ этихъ случаяхъ обыкновенно почти неизбѣжно возникаетъ новая опасность: истинная внутренняя религіозность смѣшивается съ простымъ внѣшнимъ соблюденіемъ обрядовъ и установленій; на сцену появляется лицемѣріе, притворное поклоненіе Богу; люди начинаютъ молиться какъ бы однѣми только губами. И уже Христосъ безпощадно боролся противъ этого.

Этихъ роковыхъ путъ не знаютъ, такъ называемыя, естественныя религіи. Одинъ индѣецъ въ такой крайне интересной формѣ защищалъ естественную религію передъ однимъ христіанскимъ миссіонеромъ: двѣ ре-

лигіи далъ Великій Духъ человѣку; одна изъ нихъ содержится въ книгѣ, дабы наставить бѣлаго человѣка на путь истинный, и если онъ послѣдуетъ ея ученіямъ, то онъ достигнетъ неба бѣлаго человѣка. Другая религія содержится въ головахъ индѣйцевъ, въ небесномъ сводѣ, въ скалахъ, рѣкахъ, горахъ. Точно также и краснокожіе люди, которые прислушиваются къ Богу въ природѣ, услышатъ его голосъ и, подъ конецъ, найдутъ небо по ту сторону.

Максъ Мюллеръ хотѣлъ бы, чтобы это внутреннее настроеніе сердца было постоянной основой всякой исторической, кодифицированной религіи. И онъ добавляетъ: наше время больше всего прочаго нуждается въ естественной религіи. Что бы ни понимали различные богословы подъ сверхъестественной религіей, исторія учитъ насъ, что нѣтъ ничего болѣе естественнаго, какъ сверхъестественное. Но сверхъестественное всегда должно строиться на фундаментѣ естественнаго; сверхъестественная религія безъ естественной есть какъ бы домъ, воздвигнутый на пескѣ. И вотъ, когда, какъ въ наши дни, обрушатся на нее потоки сомнѣній, когда вокругъ нея начнутъ шумѣть волны критики и бури невѣрія и отчаянія, она неизбѣжно рушится подъ этой тяжестью, ибо она не была воздвигнута на скалистой почвѣ, не знающей буквы, религіи, естественной, вѣчной религіи.

Въ понятіи религіознаго развитія—ниже мы остановимся на немъ еще болѣе подробно—содержится моментъ сравненія и цѣнностнаго различенія. Это имѣетъ мѣсто уже въ рамкахъ отдѣльныхъ религіозныхъ формъ относительно отдѣльныхъ ступеней развитія; это можно сказать, напримѣръ, относительно католицизма и протестантизма или сѣвернаго и южнаго буддизма и т. д. Затѣмъ, въ болѣе широкихъ рамкахъ, можно сравнивать христіанство и буддизмъ (какъ это часто и дѣлается), можно подвергать оцѣнкѣ ихъ взаимные недостатки и преимущества. Конечно, съ самаго начала нужно признать, что здѣсь довольно крупную роль играютъ извѣстные индивидуальные, національные, культурно-историческіе и расовые предразсудки. Мы не говоримъ уже о чисто-личныхъ склонностяхъ. Но, и помимо того, мы безсознательно цѣликомъ находимся во власти всего нашего воспитанія и духовнаго развитія, и все это вноситъ фальшь въ наши научныя сужденія.

Какъ рѣдко мы бываемъ способны оцѣнить совершенно безпристрастно іудейскую религію, Старый Завѣтъ, какъ быстро раздѣлываемся мы, въ большинствѣ случаевъ, съ истиннымъ содержаніемъ буддизма или ислама! Для насъ уже съ самаго начала рѣшенное дѣло—пріоритетъ, преимущество христіанства. И, въ то же время, мы даже приблизительно не въ состояніи привести необходимыя для этого доказательства. Несомнѣнно, съ перваго же взгляда бросаются въ глаза нѣкоторыя и къ тому же глубоко идущія параллели между буддизмомъ и христіанствомъ (и, какъ извѣстно, сходство это использовано даже болѣе, чѣмъ нужно); въ этомъ отношеніи достаточно

указать на чисто-формальную общую черту: и тутъ, и тамъ мы видимъ универсалистическую тенденцію, которая не считается ни съ какими національными и этническими ограниченіями. Но истинный смыслъ и направленіе ихъ идей отличны другъ отъ друга, какъ небо отлично отъ земли: у Будды (мы не говоримъ уже о первоначальномъ, строго атеистическомъ, характерѣ его вѣроученія) мы видимъ категорическое, даже исключительное подчеркиваніе познанія, у Христа, наоборотъ, на первомъ планѣ стоятъ чувство и воля; тамъ—искупленіе личности, здѣсь—освобожденіе изъ путъ грѣха и эгоизма.

Итакъ, въ христіанствѣ, въ послѣднемъ счетѣ, рѣшающимъ критеріемъ служитъ этическій масштабъ; критерій этотъ исполненъ побѣдоноснаго оптимизма; онъ учитъ, что жизненная цѣнность должна сохраниться, хотя борьба будетъ длиться безконечно. А въ ученіи Гаутамы, въ концѣ концовъ, надъ нами издѣвается обманчивый призракъ пессимистическаго нигилизма.

Правда, эта великая культурно-историческая перспектива, при всемъ своемъ идеализмѣ, все же, полностью воздаетъ должное дѣйствительности, и поэтому она всегда имѣла громадное организаторское значеніе. Правда, буддистская психологія и метафизика не лишены глубокаго остроумія, и ученіе это, несомнѣнно, было благодѣтельно для центральной Азіи, которую оно цивилизовало. Но, несмотря на все это, всякій безпристрастный человѣкъ отдастъ предпочтеніе христіанству. И поэтому мы можемъ повторить здѣсь извѣстныя слова Лессинга: не потому, что Богъ даровалъ намъ въ откровеніи христіанство, вѣримъ мы, что это есть самая совершенная религія. Но такъ какъ христіанство показало себя намъ самой совершенной религіей, мы и вѣримъ, что Богъ далъ намъ его въ откровеніи.

Въ этомъ отношеніи насъ не можетъ вводить въ заблужденіе и извѣстное двустишіе Шиллера:

Welche Religion ich bekenne? Keine von allen,
Die du mir nennst. «Und warum»? Aus Religion *).

Ибо этотъ отказъ Шиллера отъ религіи, какъ это ясно, имѣетъ въ виду только внѣшнее облаченіе въ формулы и гнетъ догмы, который невыносимъ для свободной натуры.

Насъ не смущаетъ также и то, что такими заявленіями мы какъ бы придаемъ христіанству характеръ абсолютной религіи. Во всякомъ случаѣ, мы хотѣли бы это сдѣлать лишь въ относительномъ смыслѣ: ибо и въ нашемъ исповѣданіи есть слишкомъ много человѣческаго и преходящаго. А къ тому же, какъ это увидитъ сейчасъ читатель, мы хотѣли бы, чтобы

*) Какую религію исповѣдую я? Ни одну изъ тѣхъ,
Что ты мнѣ назвалъ. «А почему»?—Моя вѣра причиной тому.

и къ нашей вѣрѣ прилагалось понятіе постояннаго развитія и преобразованія. Ибо, иначе, все закоченѣло бы и стало бы непригоднымъ для всякаго болѣе глубокаго соціально-этическаго вліянія.

§ 20. Законы религіознаго развитія.

Въ нашу задачу здѣсь не можетъ входить подробное изслѣдованіе вопроса: насколько можетъ быть рѣчь о законахъ примѣнительно ко всей соціальной жизни. Конечно, эти соціальные законы не могутъ притязать на ту безусловность, какая характеризуетъ собой естественно-научные законы. Но безпристрастный анализъ исторіи, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ (экономическая исторія, политика, статистика и т. д.), ясно показываетъ намъ, что здѣсь наблюдается правильное возвращеніе извѣстныхъ явленій, которое не знаетъ никакого индивидуальнаго произвола. Въ концѣ концовъ, совершенно безразлично, назовемъ ли мы эти нормальныя явленія ритмами или законами развитія, ибо оба эти выраженія одинаково допускаютъ возможность нѣкоторыхъ отклоненій.

Но вѣдь выше мы убѣдились, что религія по всему своему характеру есть явленіе соціально-психическое. А потому, если только исторія не представляетъ собой слѣпого хаоса, въ религіи должны наблюдаться періодически повторяющіяся формы, которыя вліяютъ на все ея развитіе. Прежде всего здѣсь возникаетъ задача выяснить, въ какомъ отношеніи религія находится къ образованію и цивилизаціи народовъ. И едва ли кто рѣшится отрицать, что здѣсь передъ нами причинное отношеніе. Міросозерцаніе негра, полинезійца, китайца, семита, въ особенности финикіянина, члена романскихъ и германскихъ народностей, само собой разумѣется, съ бо́льшей или меньшей точностью отражается и въ ихъ религіозныхъ представленіяхъ. И поэтому всѣ религіи, несмотря на свою отчасти довольно сильную универсалистическую тенденцію, все же, носятъ тотъ или иной этническій характеръ.

Мы уже выше указывали на роковую ошибку нѣкоторыхъ нашихъ миссіонеровъ: они строго держатся своихъ абстрактныхъ идей, и, благодаря этому, они не знаютъ чувства общности со вновь обращаемыми, которые еще цѣликомъ пропитаны чувственными воззрѣніями.

Религія китайцевъ носитъ вполнѣ утилитарный, практическій характеръ; это—трезвая теорія морали, не знающая никакого идеализма, никакихъ поэтическихъ чаръ. Поэтому глубокомысленная мистика Лао-тцы и не могла пустить никакихъ корней среди широкихъ массъ Срединной имперіи. Индусская религія, наоборотъ, исполнена фантастическихъ спекуляцій; мы встрѣчаемъ въ ней смѣлыя метафизическія построенія, которыя своею

внутренней цѣлостностью, своей послѣдовательно проведенной враждой къ опыту сильно напоминаютъ намъ трансцендентальную философію и философію тождества XIX вѣка. Отъ древне-германской религіи вѣетъ міроненавистнымъ трагическимъ духомъ; тутъ есть и строго моральныя черты: и мстительная Немезида рѣшительно налагаетъ свою карающую руку на грѣшный міръ боговъ. Иное—греческіе олимпійцы: въ непреходящемъ блескѣ красоты они ведутъ блаженную жизнь, и лишь изрѣдка омрачается она грозной тѣнью смерти.

Эта зависимость религіи отъ культуры (стоитъ только вспомнить о различныхъ фазахъ развитія христіанства, которыя поучительны также и въ этомъ отношеніи: іудейское христіанство и эллинизмъ, римско-западный и византійскій типъ, средневѣковье, католицизмъ, реформація и реакція противъ реформаціи, піэтизмъ и раціонализмъ) обыкновенно чувствуется очень живо и нерѣдко въ этомъ усматриваютъ печальное вліяніе. Въ особенности поклонники, такъ называемаго, добраго стараго времени съ болью сознаютъ, что въ широкихъ кругахъ народа произошла перемѣна религіозныхъ убѣжденій: наряду съ растущимъ просвѣщеніемъ исчезла прежняя простота и цѣльность религіознаго представленія о мірѣ, и тутъ же нерѣдко наблюдается необдуманное пренебрежительное отношеніе къ религіозному мышленію вообще, а то и жажда матеріальныхъ наслажденій. Иногда эта реакція бываетъ такъ сильна, что соціальное отношеніе обостряется до своей крайней противоположности: тогда, вопреки только-что отмѣченному эпикурейскому образу мыслей, появляется столь же рѣзко выраженное презрѣніе къ міру (аскетизмъ).

То, что у основателей великихъ міровыхъ религій и у ихъ первыхъ послѣдователей носило характеръ прообраза, то же самое повторяется затѣмъ во времена тяжелыхъ кризисовъ. Исторія святыхъ, монаховъ и монахинь, орденовъ и монастырей, вообще, можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ этого. Но неискоренимость религіознаго инстинкта обнаруживается именно въ томъ, что всѣ эти сомнѣнія, всѣ эти колебанія, въ концѣ концовъ, минуютъ счастливо; какъ всегда въ соціальной жизни, создается нѣкоторая средняя точка, которая и погашаетъ крайности и одностороннія требованія.

Французскіе энциклопедисты давно уже вынесли смертный приговоръ религіи и даже предали ее торжественному погребенію. Во всякомъ случаѣ, съ христіанствомъ они расправились именно такимъ образомъ. Но и эпоха просвѣщенія страдала еще тѣмъ же трезвеннымъ, неисторическимъ и непсихологическимъ индивидуализмомъ и раціонализмомъ. Что же касается нашего современнаго, естественно-научнаго, а чаще всего довольно самонадѣяннаго міросозерцанія, то и оно полагаетъ, что можно считать покончennымъ съ этой жизненной силой. И что же, дѣйствительно ли умерла среди насъ и въ насъ эта страстная религіозная жажда, дѣйствительно ли изсякъ этотъ истинный источникъ всего сверхчувственнаго? Или, быть-можетъ, какъ думаютъ многіе, его мѣсто заняла наука или искусство?

Кто безъ всякихъ предубѣжденій смотритъ на наши общественныя отношенія и на нашу духовную жизнь, кого не сбиваютъ съ толку ни громкіе крики ниспровергателей, ни несомнѣнный фактъ, что догма отжила свой вѣкъ, тотъ не можетъ не отвѣтить на поставленный вопросъ однимъ только нѣтъ. Напротивъ, въ интересахъ истинно-плодотворнаго религіознаго развитія, мы должны настаивать на томъ, что религія не замыкается искусственно отъ внѣшняго міра, что она, наоборотъ, воспринимаетъ въ себя и усваиваетъ тѣ благотворныя, дѣйственныя возбужденія, какія идутъ отъ окружающей ее питательной почвы.

Въ этомъ отношеніи, достаточно указать на исторію представленій о Богѣ. Первоначально понятіе это понималось исключительно чувственно (сила, всякаго рода страсти и т. д.). Но постепенно эти матеріальныя черты утрачивались, пока, наконецъ, въ устахъ глубочайшаго мыслителя и пророка онѣ не получили этическаго и метафизическаго завершенія. Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что Максъ Мюллеръ далъ намъ очень поучительную біографію индійскаго бога огня, Агни, и въ привлекательныхъ чертахъ обрисовалъ этотъ медленный процессъ все возрастающей идеализаціи.

То же самое цѣликомъ относится и къ культу, который сплошь и насквозь носитъ соціальный характеръ, т.-е. непосредственно зависитъ отъ духовной атмосферы даннаго народа и даннаго времени. Таковы—каннибализмъ и антропофагія, какъ религіозныя установленія, служеніе Молоху, ауто-да-фе, поклоненіе фаллусу въ античномъ мірѣ и у индусовъ, столь широко распространенная проституція въ храмахъ, прямо безнравственный культъ многихъ семитическихъ божествъ и т. д.

Здѣсь имѣются несомнѣнныя доказательства въ пользу нашего положенія, что и религіозный міръ подлежитъ тѣмъ же общедуховнымъ вліяніямъ, какія властвуютъ надъ всею соціальной жизнью. И какъ въ индивидуальномъ развитіи, такъ и въ исторіи народовъ остается одно и то же неизбѣжное требованіе: всѣ внѣшнія вліянія нужно переработать внутренне, нужно создать изъ нихъ нѣчто цѣлостное. Всякое отгораживаніе себя отъ жизни, всякая изолированность, приводитъ къ остановкѣ въ развитіи и къ смерти. Какъ для отдѣльнаго человѣка, такъ и для цѣлыхъ соціальныхъ группъ истинный прогрессъ достигается только путемъ преодолѣнія, путемъ вылущенія всѣхъ сомнительныхъ, анархическихъ, а также отсталыхъ, безплодныхъ элементовъ.

Крайности сами мстятъ за себя. И всякая религія, которой чуждо чувство внутренняго единства съ движущими идеями своего вѣка, опережается ходомъ событій и превращается въ высохшую мумію. Всякая культура, которая въ чрезмѣрной близорукости мнитъ, что можно обойтись безъ религіи, этого фермента и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основы всякой духовной жизни (Гёте сказалъ однажды въ высшей степени замѣчательно: люди только до тѣхъ поръ остаются продуктивными въ религіи и искусствѣ, пока они

религіозны),—такая культура мельчаетъ и безнадежно идетъ навстрѣчу своей гибели. Достаточно краснорѣчивымъ доказательствомъ этому могутъ служить французскіе энциклопедисты и примыкающій къ нимъ матеріализмъ. Примѣромъ счастливаго преобразованія такихъ чужихъ воздѣйствій могутъ служить греки, персы и, въ извѣстномъ смыслѣ, также и германцы. Примѣромъ же одного только внѣшняго подражанія могутъ служить финикіяне, жители Эѳіопіи и многія другія племена, стоящія на низшихъ, сравнительно съ исламомъ, ступеняхъ цивилизаціи.

Особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ все возрастающее взаимоотношеніе между религіей и государствомъ, политической силой. Извѣстно, что у первобытныхъ народовъ, да и позднѣе, вплоть до эпохъ высшей культуры, вождь и король является, вмѣстѣ съ тѣмъ, и жрецомъ, даже земнымъ воплощеніемъ божества: онъ тѣлесно представляетъ его для своихъ подданныхъ. Само собою разумѣется, что здѣсь не можетъ быть рѣчи ни о какой противоположности,—да и позднѣе императоръ нерѣдко является представителемъ высшей сверхземной власти. Но позднѣе тутъ настаютъ раздоры, которые нерѣдко вызываютъ ожесточенную борьбу. И только путемъ болѣе или менѣе прочныхъ компромиссовъ борьба эта прекращается временами.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ это развитіе приводило къ полному обособленію властей. Въ большинствѣ же случаевъ, какъ извѣстно, здѣсь достигалась извѣстная самостоятельность для той и другой стороны. И ради этого обѣ эти власти оказывали другъ дружкѣ взаимную поддержку своимъ идеальнымъ вліяніемъ. Во всякомъ случаѣ, грубое порабощеніе и даже одно только желаніе властвовать отражается вредно на обѣихъ заинтересованныхъ сторонахъ: тутъ гибнутъ идеальныя блага. Въ особенности это нужно сказать по поводу тѣхъ мѣропріятій, какія предпринимаются государствомъ во имя религіи. Эта государственная защита есть нелѣпое мѣропріятіе, даже въ лучшемъ случаѣ, оно способно помочь только на время. Да, въ концѣ концовъ, на высшихъ ступеняхъ культуры, оба эти фактора должны обладать достаточной силой, чтобы быть въ состояніи самостоятельно ограждать себя отъ всякихъ опасностей. Это имѣетъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что вѣдь интересы этихъ двухъ сферъ совершенно различны.

Намъ придется еще говорить о значеніи церкви, какъ религіознаго общенія и религіозной организаціи. А пока, ради общей связи, замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, государственная церковь есть довольно сомнительный компромиссъ, переходная стадія, которая едва ли можетъ сохраниться на долгое время.

Но если даже отвлечься отъ этого чисто-соціальнаго отношенія религіозныхъ формъ къ даннымъ государственнымъ организаціямъ, то, все же, и въ другомъ отношеніи здѣсь можно констатировать извѣстныя типичныя черты, извѣстную закономѣрность, извѣстныя закономѣрныя явленія. Все

это отнюдь не пріурочено къ одному какому-либо мѣсту или къ одному какому-либо народу,—наоборотъ, мы наблюдаемъ это повсюду. И съ полнымъ основаніемъ мы можемъ усматривать здѣсь нѣчто необходимое, нѣчто, носящее общій характеръ.

Выше намъ приходилось уже упоминать о томъ, что представленія о Богѣ все болѣе и болѣе принимаютъ облагороженный обликъ. И этотъ фактъ наблюдается въ различныя эпохи и на различныхъ фактахъ развитія. То же самое нужно сказать и вообще о религіи.

Понятно, и рѣчи быть не можетъ о какомъ-то изначальномъ моно- или геноитеизмѣ (единобожіи): это предположеніе совершенно непримиримо съ фактами. А разъ дѣло обстоитъ такъ, то остается только допустить, что первоначально царилъ пестрый хаосъ всевозможнѣйшихъ боговъ. Конечно, тутъ былъ нѣкоторый общій центральный пунктъ, вокругъ котораго и концентрировались всѣ эти божества. И культурно-историческія изысканія достаточно подтверждаютъ такую точку зрѣнія. Но чѣмъ больше расширяется горизонтъ, чѣмъ больше первоначально тѣсно отграниченный этнографическій моментъ уступаетъ свое мѣсто универсалистической тенденціи, тѣмъ быстрѣе тускнѣетъ этотъ пестрый волшебный миѳологическій міръ. Только въ образѣ святыхъ продолжаютъ еще жить прежніе боги. Но политеизмъ неизбѣжно клонится уже къ своему закату: всюду торжествуетъ побѣду монотеизмъ. И это не только въ христіанствѣ, гдѣ монотеизмъ достигаетъ наиболѣе чистаго своего выраженія (по крайней мѣрѣ, первоначально), но и во всѣхъ остальныхъ великихъ міровыхъ религіяхъ.

Благодаря этому, господствующія воззрѣнія все болѣе и болѣе углубляются, этическій моментъ въ нихъ все болѣе и болѣе крѣпнетъ, возможно даже, и за счетъ поэтическаго волшебнаго міра. Это очищеніе и просвѣтлѣніе господствующихъ взглядовъ влечетъ за собой и дальнѣйшія послѣдствія. Теперь рѣшающимъ масштабомъ служитъ уже не культъ, не простое внѣшнее выполненіе обрядовъ и обычаевъ, а образъ мыслей, истинное благочестіе и религіозность; не исповѣдываніе догмъ и формулъ, не простая принадлежность къ церкви, а богобоязненная покорность, чистый, безвинный образъ жизни, никогда не изсякающая любовь къ человѣку.

Вопреки всяческимъ разногласіямъ, вопреки всевозможной дифференціаціи проблемъ, въ результатѣ все возрастающей критики и разложенія,—здѣсь, все же, въ качествѣ противовѣса, выдвигаются на первый планъ нѣкоторые особенно важные, необходимые моменты. Несмотря на все многообразіе, здѣсь, все же, сказывается стремленіе къ единству, стремленіе примирить враждующія противоположности. Въ особенности примѣчательна здѣсь все усиливающаяся этическая тенденція, которая первоначально была такъ чужда религіозному міровоззрѣнію. Въ дальнѣйшемъ мы еще болѣе убѣдимся въ томъ (ср. § 21), что именно эта тенденція, въ видѣ общезначимыхъ и общеобязательныхъ нормъ, вырастающихъ на этой почвѣ,

выражаетъ собой типически добрыя и выдающіяся человѣческія черты и качества.

И эту тенденцію мы опять-таки имѣли бы право разсматривать, какъ всеобщій законъ развитія.

Выше (ср. § 19) мы уже касались того взаимоотношенія, какое наблюдается между индивидуумомъ и окружающимъ его міромъ, его средой. Такъ какъ въ настоящую минуту у насъ рѣчь идетъ о законахъ религіознаго развитія, то намъ необходимо спеціально остановиться на этомъ моментѣ, ибо только такимъ путемъ мы сможемъ вполнѣ уяснить себѣ все это взаимоотношеніе.

Какъ и во многихъ другихъ психологическихъ проблемахъ, такъ и здѣсь очень важно избѣжать тѣхъ ложныхъ крайностей, какія создаются лишь благодаря одностороннему мышленію и недостаточному наблюденію.

Конечно, по своему развитію и происхожденію религія не есть какое-то изобрѣтеніе отдѣльной личности, какъ это думало раціоналистическое просвѣщеніе: всюду въ религіи мы наблюдаемъ дѣйствіе соціальныхъ мотивовъ и элементовъ. Но, несмотря на то, религія не можетъ обойтись безъ содѣйствія геніальной личности. Не говоря уже о психологическихъ соображеніяхъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ всякое безпристрастное эмпирическое изслѣдованіе.

Нельзя поступать вопреки логикѣ, нельзя сперва отрицать всякую самостоятельность за отдѣльной личностью и признавать только дѣятельность, значеніе соціальной группы, которая, очевидно, превращается въ ничто безъ живыхъ личностей,—и, въ то же время, тайкомъ признавать великихъ людей. Какъ мы говорили уже объ этомъ выше, трезвое историческое пониманіе вещей съ несомнѣнностью доказываетъ, что всякій крупный историческій подъемъ неразрывно связанъ съ силой и способностями геніальныхъ личностей, безразлично, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Въ особенности же это слѣдуетъ сказать относительно религіозныхъ реформъ и новообразованій.

Конфуцій, Лао-тцы, Будда, Зороастръ, Моисей, Магометъ, Христосъ, Лютеръ и т. д.,—всѣ они, въ противоположность господствующимъ теченіямъ своего времени, создали нѣкоторую новую среду, которая цѣликомъ отражала на себѣ ихъ личность. Такъ, на цѣлыя столѣтія міровой исторіи наложили они свою собственную своеобразную печать. Само собой разумѣется, что, въ то же время, они позаимствовали нѣчто и отъ своего вѣка: вѣдь изъ одной только оппозиціи, изъ разрушенія едва ли создашь что-либо новое. Но вѣдь они сумѣли самостоятельно развить дальше это плодотворное зерно; они сумѣли облечь въ плоть и кровь извѣстную идею, которая до того была неясна и поэтому была бездѣйственна. И именно въ этомъ и заключается ихъ великое дѣяніе, ихъ особенная, ничѣмъ невозвращаемая, ничѣмъ неуменьшаемая заслуга.

Но, конечно, мы не станемъ отрицать того, что именно здѣсь, въ формѣ легендъ, человѣческая фантазія кое-что исказила, кое-чѣмъ надѣлила въ вымыслахъ героя. И позднѣйшая критика, быть-можетъ, лишитъ его этого ореола. Это въ одинаковой степени справедливо, какъ по отношенію къ ученію, по отношенію къ отдѣльнымъ идеямъ, такъ и по отношенію къ совершеннымъ дѣяніямъ (таковы, напримѣръ, приписываемыя какому-либо основателю религіи чудеса). Но дѣянія эти не затрогиваютъ самаго нутра религіи, хотя они и способны временами воодушевлять массу: это—побочный придатокъ въ религіи, который, правда, замѣчательнымъ образомъ нигдѣ не отсутствуетъ.

Что же касается собственно догмы, то нѣкоторые отзвуки этого имѣлись налицо и раньше того,—вѣдь абсолютно новаго вообще нѣтъ въ мірѣ. Но центромъ новаго міросозерцанія, которое, благодаря этому, вступаетъ въ конфликтъ съ прежней вѣрой, эти разрозненные элементы стали только въ томъ построеніи, какое есть дѣло рукъ этихъ глубокомысленныхъ и возвышенныхъ мужей. И современники, если только имъ бываетъ чужда личная непріязнь къ этимъ великимъ мужамъ, почитаютъ ихъ, какъ своего рода олицетвореніе высшихъ божественныхъ идей.

Но не нужно, конечно, забывать слѣдующаго. Всякая реформація есть лишь преобразованіе, развитіе плодотворныхъ, но недостаточно оцѣненныхъ зеренъ. Этимъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, всегда утверждаются права исторической преемственности, въ противоположность только разрушительному анархизму, который ничего не воздвигаетъ, а только разрушаетъ. Эта исключительно отрицательная тенденція, лишенная всякаго историческаго пониманія, никогда еще не оказывалась плодотворной,—стоитъ только вспомнить удивительную попытку Конта создать новую религіозную общину. Иное—основатели великихъ религій: они напередъ внимательно прислушивались и присматривались къ доступной для нихъ традиціи, и лишь затѣмъ они выступали съ своими собственными идеями.

Въ особенности это слѣдуетъ сказать относительно Будды и Христа. Поэтому мы должны коротко остановиться на нихъ, поскольку это необходимо для интересующей насъ здѣсь соціально-психологической связи.

Гаутама, королевскій сынъ, выросшій среди блеска и великолѣпія, никакъ не могъ удовлетвориться тѣми отвѣтами, какіе давали ему на мучившіе его вопросы и загадки ученые брамины. Желанный покой онъ обрѣлъ только благодаря неустанному процессу познаванія, ибо индивидуумъ онъ понялъ, какъ послѣдній источникъ всякаго страданія. Поэтому индивидуумъ, какъ учатъ тому «Упанишады», долженъ исчезнуть въ нирванѣ. Послѣ безконечныхъ испытаній и сомнѣній (также и со стороны Марасъ-искусителя) Будда, благодаря своимъ собственнымъ усиліямъ, достигъ, наконецъ, вѣнца. Онъ сказалъ тогда:

«Я есмь всепреодолѣвающій, всезнающій, незапятнанный ничѣмъ, что

есть. Все я покинулъ; я безъ желаній, искупитель. Благодаря собственной силѣ, обладаю я познаніемъ; кого мнѣ считать своимъ учителемъ? У меня нѣтъ учителя; никто не можетъ сравняться со мной. Во всемъ мірѣ, вмѣстѣ съ небесами, нѣтъ никого, кто былъ бы мнѣ равенъ. Я—святой въ мірѣ; я—высшій учитель. Только я одинъ есмь завершенный Будда; всякое пламя погасло во мнѣ; я достигъ нирваны.

И при его смерти богъ Брама сказалъ:

Въ мірахъ всѣ существа нѣкогда слагаютъ съ себя свою тѣлесность,
Такъ, какъ вотъ теперь Будда, побѣдный князь, высшій учитель всего міра,
Могучій, завершенный достигъ нирваны.

Своею жизнью онъ преподалъ всѣмъ людямъ блестящій образецъ для ихъ развитія. Этимъ, даже не начиная дѣйствительной борьбы противъ браминовъ, онъ ниспровергъ древнія кастовыя перегородки и традаціонныя требованія аскетизма: всѣмъ, кто изнемогаетъ подъ бременемъ бытія, онъ далъ такъ искупленіе и освобожденіе.

Но, несмотря на эту рѣшительную противоположность прежней системѣ, здѣсь, все же, есть примиреніе между ними, ибо въ обоихъ случаяхъ рѣчь идетъ объ освобожденіи путемъ собственныхъ усилій. Разница здѣсь только та, что буддизмъ болѣе послѣдователенъ, болѣе энергиченъ, какъ онъ и вообще отличается категоричностью и смѣлостью мышленія. Буддизмъ отвергаетъ (по крайней мѣрѣ, вначалѣ и по всему своему дѣйствительному укладу) всякую помощь со стороны; онъ считаетъ, слѣдовательно, совершенно излишнимъ и помощь со стороны жрецовъ. Его не пугаетъ также и этотъ послѣдній выводъ, что достигшій полнаго завершенія подобенъ Богу.

Правильнѣе будетъ сказать, что Богъ не къ мѣсту въ этой строго логической системѣ; божество развѣнчивается, и его мѣсто занимаетъ святой, завершенный. Конечно, въ дѣяніи и начинаніяхъ Будды не отвергается сочувствіе къ бѣдному, нуждой бытія угнетаемому человѣку. Но этому, въ своихъ существенныхъ чертахъ, метафизически-психологическому міропониманію недостаетъ животворнаго дыханія милосерднаго человѣколюбія. Да и вообще аффекты, какъ бы возвышенны и святы они ни были, не подходятъ къ этой философской системѣ столь трезваго мыслителя, какимъ, въ концѣ концовъ, все же, былъ Сакьямуни.

Въ высшей степени характерно, что, въ полную противоположность ко Христу, основателю индусской религіи было чуждо гнѣвное состояніе нравственно возмущеннаго чувства. Но, все же, въ качествѣ принципа, требуется всеобщая любовь къ людямъ.

Такъ одно изреченіе гласитъ:

Какъ вода одинаково очищаетъ отъ всякаго рода пыли и грязи всѣхъ, какъ злого, такъ и праведнаго, какъ она одинаково даетъ имъ освѣжающую

прохладу, такъ и ты долженъ услаждать и друга, и недруга своею любовью, и когда ты достигнешь этого девятаго совершенства, ты обрѣтешь мудрость Будды.

Но истиннымъ нервомъ этого міросозерцанія является не аффектъ, не всеобъемлющая, никогда не изсякающая любовь и примиреніе, а все ясно прозрѣвающій и объемлющій разсудокъ, спекуляція, познаніе.

Также и сынъ плотника изъ Назарета стремился дать дальнѣйшее историческое развитіе тому, что было способно къ такому развитію. Такъ, онъ самъ о себѣ сказалъ, что посланъ онъ не для того, чтобы разрушать, а для того, чтобы созидать.

Также и онъ вначалѣ обратился къ своимъ землякамъ и единовѣрцамъ, и лишь затѣмъ обратилъ онъ свое слово къ человѣчеству. Также и онъ былъ осторожнымъ, разумнымъ реформаторомъ. Онъ былъ имъ, въ противоположность радикальному нигилисту и несмотря на весь величественный пафосъ своей личности. Но онъ не хотѣлъ погашать, уничтожать индивидуума со всѣми его инстинктами и склонностями,—онъ хотѣлъ въ непрестанной борьбѣ противоположностей очистить, облагородить все земное. Онъ былъ оптимистомъ; несмотря на всю признаваемую имъ страшную демоническую силу зла, онъ не былъ пессимистомъ. Онъ былъ сторонникомъ неустаннаго моральнаго стремленія, которое въ наиболѣе полной мѣрѣ можетъ осуществляться только путемъ соціальной дѣятельности и которое должно поэтому итти путями эволюціонными. Здѣсь совершенно нѣтъ мѣста эгоистическому аскетизму и бѣгству отъ жизни. Не острота рефлексіи рѣшаетъ все, не глубина метафизическаго познанія, а исключительно сила вѣры, чувства, сила убѣжденія, убѣжденія въ томъ, что человѣкъ способенъ вполнѣ переродиться, что онъ можетъ возродиться въ духѣ любви и братства.

Также и созидатели великихъ міровыхъ религій, при всей своей геніальности, связаны въ дѣлѣ соціальнаго творчества причинностью, которая властвуетъ надо всею нашею дѣятельностью. Или, говоря точнѣе, они связаны даннымъ культурно-историческимъ положеніемъ вещей, какое они находятъ въ окружающей ихъ дѣйствительности.

Конечно, съ одной стороны, вся духовная жизнь связана съ дѣятельностью индивидуальныхъ умовъ, и безъ этого, вмѣсто историческаго соціально-психическаго процесса, мы имѣли бы только пустой, безсодержательный механизмъ. Но, въ то же время, необходимо твердо помнить, что лишь существованіе соціальнаго общенія дѣлаетъ возможнымъ это индивидуальное развитіе. Какъ отдѣльная личность, конечно, не существуетъ раньше общенія, такъ послѣднее путемъ неустаннаго взаимодѣйствія питаетъ личность духовной пищей. Совокупный организмъ есть конкретный осадокъ безконечной работы прежнихъ поколѣній, и онъ тѣмъ богаче содержаніемъ, чѣмъ непрерывнѣе совершается взаимодѣйствіе между отдѣльными связующими звеньями этого развитія. Чѣмъ тоньше, развѣтвленнѣе и

многостороннѣе такой организмъ, чѣмъ больше отдѣльныя выдающіяся личности являются представителями великихъ движущихъ идей, которыя онѣ стремятся осуществить въ мѣру своихъ особыхъ силъ, тѣмъ вообще плодотворнѣе становится все взаимодѣйствіе между личностями и окружающей ихъ средой.

Именно эпохи высшей культуры, эти освѣщенныя лучами солнца вершины міровой исторіи, и носятъ на себѣ эту явную печать такой интимнѣйшей связи между обоими этими факторами. И это всегда можетъ служить гарантіей истиннаго прогресса, которому не угрожаетъ никакое регрессивное, попятное движеніе. И религіозная личность лишь въ томъ случаѣ можетъ развить широкую и благотворную дѣятельность, когда она пребываетъ въ непосредственномъ общеніи съ идеалами своего времени, ибо ея призваніе не разрушеніе: она должна преобразовать все это въ болѣе высокіе, болѣе чистые образы.

Совершенно особую форму только-что описаннаго взаимодѣйствія, форму, которая вновь появляется во всѣхъ сравнительно большихъ религіозныхъ общеніяхъ, представляетъ собой церковь. Роль ея носитъ то благотворный характеръ, она то споспѣшествуетъ религіозному развитію, то она становится тяжелымъ препятствіемъ на пути этого развитія.

Первоначально организація церкви является призванной охранительницей традиціи, безразлично, касается ли это ученія или культа. Мы часто наблюдаемъ въ исторіи, какъ, при извѣстной оторванности церкви отъ духовной жизни своего времени, она необходимо превращается во что-то закоченѣвшее, застывшее. А нерѣдко случается, что тутъ же совершается насиліе надъ свободной личностью, которая вооружается противъ этого гнета и давленія. Это—вѣчное проклятіе всякой ортодоксіи, всякаго правовѣрія, безразлично, будетъ ли это іудейская ортодоксія, или магометанская, буддистская или христіанская.

Іерархически расчлененное духовенство, священное писаніе, признаваемое божественнымъ откровеніемъ, выполненіе однихъ и тѣхъ же обрядностей и обычаевъ, празднованіе тѣхъ же самыхъ празднествъ, признаніе тѣхъ же самыхъ религіозныхъ взглядовъ и т. д.,—все это и суть тѣ элементы и принципы, на которыхъ и воздвигается это болѣе или менѣе устойчивое зданіе.

Тутъ до поразительнаго схожи бываютъ всѣ детали. И въ этомъ отношеніи любопытно то изумленіе, чтобы не сказать тотъ ужасъ, который охватилъ іезуитовъ-миссіонеровъ, когда они впервые ознакомились съ организаціей буддистской церкви въ Тибетѣ. А эту организацію легко было смѣшать съ католицизмомъ. Понятно, что для такого несообразнаго факта у нихъ нашлось одно объясненіе, что все это—козни дьявола: онъ-де и сочинилъ эту отвратительную каррикатуру.

Само собой разумѣется, что эта сорганизованность, вырастающая въ

этомъ религіозномъ общеніи на основѣ стародавнихъ симпатическихъ человѣческихъ побужденій, вполнѣ естественна и достойна похвалы. Но это чисто-идеальное значеніе гибнетъ окончательно, разъ только церковь начинаетъ злоупотреблять своею властью надъ совѣстью людей и, въ политическихъ видахъ, начинаетъ порабощать свободную мысль. Положеніе вещей становится еще ужаснѣе, когда на помощь, въ качествѣ послѣдней рѣшающей инстанціи, призывается государственная власть, и такимъ путемъ вынуждается то, что можетъ имѣть цѣнность только какъ свободный даръ радостнаго сердца.

Именно исторія нашей собственной церкви, какъ это, къ сожалѣнію, общеизвѣстно, запятнена самыми отвратительными и ужасными посягательствами со стороны клира, который менѣе всего повиненъ въ благочестіи. Но поистинѣ печально то, что, въ большинствѣ случаевъ, и тѣ религіозныя общенія, которыя, среди тяжелыхъ искушеній и преслѣдованій, пробились къ свободному свѣту и жизни, затѣмъ, въ свою очередь, стали проявлять ту же нетерпимость и такъ же тиранически вели себя по отношенію къ новымъ исканіямъ. Къ сожалѣнію, даже либеральный протестантизмъ повиненъ въ такихъ властныхъ вожделѣніяхъ. И этотъ фактъ можетъ вызвать горькія пессимистическія чувства и у иного друга человѣчества.

Понятно, всякое религіозное убѣжденіе, разъ оно начинаетъ принимать практическій обликъ, необходимо приводитъ къ той или иной внѣшней сорганизованности, какой бы шаткой и непрочной ни была эта организація. Это же самое подтверждаютъ, напримѣръ, недавнія попытки столь многочисленныхъ русскихъ сектантовъ; у нихъ всегда можно наблюдать очертанія такой организаціи. Правда, въ большинствѣ случаевъ, эти слагающіяся организаціи не переживаютъ смерти своихъ творцовъ; общее невниманіе и ярость и преслѣдованія со стороны православной церкви быстро заглушаютъ посѣянное сѣмя.

§ 21. Общезначимые элементы въ религіи.

Подобно этикѣ, и религіозное сознаніе представляетъ собой почти необозримое поле всяческихъ различій, даже рѣзкихъ противорѣчій, которыя крайне трудно примирить съ требованіемъ цѣлостнаго, лишеннаго внутреннихъ противорѣчій, идеала. Прежде всего здѣсь бросается въ глаза этническая, можно было бы даже сказать, топографическая ограниченность моральныхъ воззрѣній. Чѣмъ рѣзче и одностороннѣе выступаетъ эта изолированность, тѣмъ болѣе своеобразный, болѣе отвѣчающій данному народу обликъ получаютъ религіозныя представленія. Правда, какъ мы не разъ уже упоминали объ этомъ, и на примитивныхъ ступеняхъ развитія встрѣчаются самыя поразительныя параллели.

Вотъ нѣсколько примѣровъ, само собой разумѣется, далеко не исчерпывающихъ весь имѣющійся къ нашимъ услугамъ матеріалъ. Примѣры эти могутъ иллюстрировать данный ходъ развитія.

Кровавая месть есть стародавнее религіозное установленіе; она служитъ необходимымъ связующимъ средствомъ для болѣе грубыхъ формъ организаціи и покоится на могучихъ инстинктивныхъ чувствахъ, выросшихъ на основѣ кровнаго родства. И чувства эти, несмотря на то, оказываютъ сильное сопротивленіе болѣе высокимъ, болѣе чистымъ воззрѣніямъ. Лишь могучая рука государства въ состояніи положить конецъ выполненію этой обязанности.

То же самое и жертвоприношеніе. Исполненное кровавыхъ ужасовъ, оно свидѣтельствуетъ о первоначальномъ, поистинѣ устрашающемъ, низкомъ языческомъ уровнѣ рода человѣческаго. Только медленно, съ теченіемъ времени, здѣсь появились разнаго рода выкупы и суррогаты, которые замѣнили собой всю суровую дѣйствительность и дикій ужасъ раннихъ временъ.

Наряду съ жестокостью, на службу религіи пришла психологически родственная жестокости похотливость, сладострастіе. И много страшныхъ опустошеній причинило оно, въ особенности, въ семитическихъ религіяхъ Передней Азіи.

Если оставить въ сторонѣ собственно миѳологію, то особенно поучительнымъ примѣромъ этого превращенія взглядовъ можетъ служить исторія понятія о Богѣ. Выше намъ приходилось уже упоминать объ этомъ. Стоитъ только сравнить въ этомъ отношеніи образы греческаго Зевса, германскаго Водана, іудейскаго Іеговы съ нашими представленіями о божествѣ и вообще о міропорядкѣ!

Но чѣмъ съ большей готовностью мы склонны признать эти идеалы (замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что это опять-таки доказываетъ громадную роль соціальныхъ отношеній), тѣмъ рѣшительнѣе должны мы бороться противъ этого столь распространеннаго заблужденія: что вообще якобы нѣтъ никакихъ о б ъ е к т и в н ы х ъ религіозныхъ нормъ и цѣнностей. То, что имѣетъ значеніе для этики *), то же самое и въ той же мѣрѣ имѣетъ значеніе и для религіи. Этого и нужно было ожидать, ибо эта гуманизація первоначально грубыхъ и безчеловѣчныхъ представленій зависитъ исключительно отъ этическихъ мотивовъ. Долгъ, долженствованіе, этотъ послѣдній, чисто-личный, ни къ чему болѣе несводимый факторъ всякой нравственности, является, конечно, не чѣмъ инымъ, какъ формой приспособленія индивидуума къ соціальному типу. Но, въ то же время, примѣчательно именно то, что эти соціально-этическія нормы постоянно гуманизируются, т.-е. облагораживаются (за исключеніемъ нѣкоторыхъ печальныхъ случаевъ ре-

*) Ср. сочиненіе автора: «Этика», въ особенности стр. 89.

гресса). Повсюду наблюдается постепенное подавленіе первоначально безграничнаго и грубаго эгоизма, подавленіе не знающей удержу чувственности. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдается болѣе сознательная оцѣнка всякаго человѣческаго своеобразія, всякой индивидуальности, а также и человѣческой жизни, симпатическихъ чувствъ, уваженія и почтительности и любви въ самомъ широкомъ смыслѣ и т. д.

Преступникъ, правда, прежде всего, является врагомъ и разрушителемъ данной соціальной организаціи, противъ которой онъ посягаетъ. Но, въ болѣе широкомъ смыслѣ, онъ является также и врагомъ нравственнаго міропорядка, врагомъ божества, создавшаго этотъ міропорядокъ. Даже больше того, въ концѣ концовъ, онъ является противоборцомъ добраго, благого принципа, даже того лучшаго, что есть онъ самъ.

Такимъ образомъ, не вдаваясь въ конкретныя опредѣленія, можно совершенно кратко сказать такъ: общезначимыми являются тѣ элементы религіи, которые носятъ общеобязательный этическій характеръ. Къ такимъ изначальнымъ составнымъ частямъ моральнаго сознанія, которыя, правда, въ нѣсколько иномъ освѣщеніи соотвѣтствуютъ также и религіозному развитію, можно было бы отнести: любовь, благоговѣніе, благочестіе, набожность, вѣру, довѣріе и т. д. Въ особенности же любовь, благоговѣніе, благочестіе и набожность суть специфически-религіозные моменты, и имъ присуще безусловно всеобщее типическое значеніе и обязательность. Но больше всего любовь является великимъ основнымъ мотивомъ всякаго религіознаго міросозерцанія. Во всякомъ случаѣ, это необходимо бываетъ такъ, поскольку міросозерцаніе это заявляетъ притязаніе на болѣе высокую оцѣнку съ нашей стороны.

Возьмемъ различныя формы любви: материнскую и супружескую любовь, дружбу, любовь къ ближнимъ, всеобъемлющую пантеистическую любовь или теистически окрашенную любовь къ Богу: тутъ передъ нами развертывается цѣлая скала, внутреннимъ двигателемъ которой служатъ самыя сильныя моральныя ощущенія и идеалы. И, въ то же время, эгоизмъ, который первоначально игралъ такую громадную роль, здѣсь все болѣе и болѣе стушевывается, все болѣе и болѣе отступаетъ на задній планъ. Именно здѣсь рѣзко выступаетъ на первый планъ общезначимое. Оно неослабно сохраняетъ свой обязательный характеръ даже въ томъ случаѣ, когда поведеніе людей фактически не соотвѣтствуетъ высшимъ требованіямъ и нормамъ. Это то же самое, что наблюдается въ сферѣ этики.

Любовь, по прекрасному слову апостола, есть величайшее изъ всѣхъ моральныхъ благъ (вѣра и надежда), ибо тутъ есть полное уничтоженіе эгоистическаго интереса, тутъ есть и надлежащее безграничное расширеніе нашего «Я», которое первоначально было столь узкосердечно; человѣкъ не страшится, въ этомъ случаѣ, никакихъ великихъ жертвъ, онъ готовъ отдать даже свою собственную жизнь. Этому нисколько не противорѣчитъ

тотъ фактъ, что любовь, въ своихъ различныхъ формахъ проявленія, отъ чисто-естественнаго инстинкта, который нерѣдко обнаруживаетъ довольно значительную дозу себялюбія, вплоть до самой возвышенной любви къ Богу и людямъ, какъ ее понимали Спиноза и Гёте,—что любовь, все же, нуждается въ непрестанномъ гуманизированіи, облагороженіи. И само собой разумѣется, что облагороженіе это стоитъ въ непосредственной связи со всѣмъ духовнымъ и моральнымъ уровнемъ индивидуума.

Затѣмъ, въ дѣлѣ религіознаго развитія очень важное значеніе имѣетъ благочестіе, которое точно также можетъ притязать на общеобязательный характеръ. Это чувство мы наблюдаемъ уже въ отношеніяхъ дѣтей къ родителямъ. Но въ религіозной сферѣ, благодаря своей связи съ благоговѣніемъ, преданностью и набожностью, отъ которыхъ оно неотторжимо, благочестіе пріобрѣтаетъ особенно высокую цѣнность.

Всѣ соціально-этическія отношенія покоятся, въ послѣднемъ счетѣ (не говоря о нѣкоторыхъ симпатическихъ моментахъ), на томъ безусловномъ довѣріи, какое мы питаемъ къ ближнимъ, на чувствѣ благодарности за тѣ, пусть даже только идеальныя, благодѣянія, которыми мы пользуемся со стороны своихъ родныхъ, —оба эти момента имѣютъ очень важное значеніе для культа предковъ. А тутъ еще, наряду со всѣмъ этимъ, стоитъ свободная, ничѣмъ не вынуждаемая покорность человѣка волѣ божьей: мучимый земными страданіями и бѣдствіями, благочестивый человѣкъ всецѣло покоряется Богу. Все это еще усиливается благодаря крайностямъ мистическихъ переживаній.

Мы уже упоминали о томъ, что эстетика и мистика всѣхъ временъ и народовъ именно здѣсь имѣетъ свой психологическій и метафизическій исходный пунктъ.

Но глубочайшій источникъ религіознаго настроенія проистекаетъ, какъ это призналъ уже Гёте, къ которому мы здѣсь примыкаемъ *), изъ чувства безграничнаго преклоненія передъ божеской силой и благостью. И чувство это, какъ ни выражается оно различно, въ зависимости отъ этнографическихъ и культурно-историческихъ условій, мы точно также должны назвать типическимъ, общезначимымъ.

Мудрые мужи, которымъ Мейстеръ хочетъ отдать на нѣкоторое время своего сына для воспитанія, такъ отвѣчаютъ на его изумительные вопросы: правда, природѣ свойственна боязнь, страхъ, но не чувство благоговѣнія, люди страшатся извѣстнаго или неизвѣстнаго могущественнаго существа; сильный стремится одолѣть это существо, слабый хочетъ избѣжать его, и оба желаютъ отъ него освободиться и чувствуютъ себя счастливыми, если имъ удается на короткое время устранить его, если природа ихъ вновь такъ или иначе возстановитъ свою свободу и независимость. Человѣкъ природы безконечное число разъ повторяетъ въ своей жизни эту операцію: отъ страха

*) «Годы странствованія Вильгельма Мейстера», II книга, 1 и 2 главы.

онъ стремится къ свободѣ, изъ свободы онъ вновь гонится къ страху, и ни на шагъ не подвигается онъ впередъ.

Испытывать чувство страха легко, но обременительно. Питать чувство благоговѣнія трудно, но спокойно. Человѣкъ неохотно рѣшается быть благочестивымъ, или, скорѣе, онъ никогда не рѣшается на это. Тутъ необходимъ еще нѣкоторый высшій смыслъ, которымъ должна обладать его природа. И этотъ смыслъ появляется лишь у нѣкоторыхъ избранныхъ натуръ. И издавна эти люди почитаются за святыхъ, за боговъ. Въ этомъ кроется достоинство, въ этомъ состоитъ дѣло всякой истинной религіи. И такихъ религій есть всего лишь три,—въ соотвѣтствіи съ тѣми объектами, къ которымъ обращается ихъ благоговѣніе...

Ту религію, которая покоится на благоговѣніи къ тому, что выше насъ, мы называемъ этнической. Она есть религія народовъ и первое счастливое освобожденіе отъ чувства низкаго страха. Всѣ, такъ называемыя, языческія религіи принадлежатъ къ такого рода религіямъ, какія бы имена ни носили онѣ.

Вторую религію, которая покоится на чувствѣ благоговѣнія къ тому, что равно намъ, мы называемъ философской религіей. Ибо философъ, который занимаетъ здѣсь центральное мѣсто, долженъ все высшее низвести до себя, а все низшее поднять до себя. И только въ качествѣ такого центральнаго пункта философъ заслуживаетъ имени мудреца. Онъ прозрѣваетъ свое отношеніе къ себѣ подобнымъ, а слѣдовательно, и ко всему человѣчеству; онъ прозрѣваетъ свое отношеніе ко всѣмъ остальнымъ земнымъ существамъ, необходимымъ и случайнымъ, и, благодаря этому, только онъ одинъ и живетъ въ космическомъ смыслѣ въ истинѣ.

А теперь будетъ рѣчь о третьей религіи. Она покоится на чувствѣ благоговѣнія къ тому, что стоитъ ниже насъ. Эту религію мы называемъ христіанской, ибо такой образъ мыслей рѣзче всего нашелъ себѣ выраженіе именно въ христіанствѣ. Христіанство это есть послѣднее, до чего человѣчество могло и должно было дойти.

Но тутъ нужны были громадныя усилія: вѣдь тутъ нужно было не только предоставить землѣ лежать внизу, подъ нашими ногами, а себѣ отвести болѣе высокое мѣсто происхожденія,—тутъ нужно было признать, что низость и бѣдность, насмѣшка и презрѣніе, поношеніе и нищета, страданіе и смерть,—что все это отъ Бога. Даже больше того: самое преступленіе нужно было чтить, любить и жаждать не какъ препятствіе, а какъ нѣчто содѣйствующее всему святому. Правда, слѣды всего этого мы встрѣчаемъ во всѣ времена. Но слѣдъ не есть цѣль. И такъ какъ это уже достигнуто, то человѣчество не можетъ вернуться назадъ. И можно сказать, что разъ христіанская религія появилась на свѣтъ божій, то она не можетъ вновь исчезнуть; разъ она достигла божественнаго олицетворенія, она не должна вновь раствориться въ ничто...

Всѣ эти три религіи, вмѣстѣ взятыя, и создаютъ собственно истинную религію; изъ этихъ трехъ различныхъ формъ благоговѣнія возникаетъ высшая форма благоговѣнія, чувство благоговѣнія къ себѣ самому. А тѣ, въ свою очередь, развиваются изъ этой послѣдней формы. И такъ человѣкъ достигаетъ того наивысшаго, достигнуть чего онъ только способенъ. И самого себя онъ долженъ почитать за наилучшее изъ всего, что создали Богъ и природа. Да, человѣкъ можетъ даже пребывать на этой высотѣ, и ни самомнѣніе, ни его самость, его эгоизмъ, не могутъ вновь низвести его до общаго, низкаго уровня.

Это этическое значеніе затѣмъ очень рѣзко подчеркивается также въ ученіи и въ личности Христа: въ жизни учитель является истиннымъ философомъ, мудрецомъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Онъ твердо стоитъ на томъ, къ чему онъ пришелъ; онъ спокойно и непоколебимо идетъ своей дорогой. Низшее онъ поднимаетъ до себя, несвѣдущихъ, бѣдныхъ, больныхъ онъ дѣлаетъ участниками своей мудрости, своего богатства, своей силы. Этимъ онъ какъ бы равняетъ ихъ съ самимъ собой. Но, въ то же время, дѣлая все это, онъ нисколько не отрекается отъ своего божественнаго происхожденія. Онъ дерзаетъ равнять себя Богу; онъ даже объявляетъ себя Богомъ. Такимъ образомъ, онъ съ самыхъ юныхъ своихъ лѣтъ приводитъ въ изумленіе всѣхъ окружающихъ его, привлекаетъ на свою сторону часть изъ нихъ, другихъ возстановляетъ противъ себя. И всѣмъ, кому есть дѣло до возвышеннаго ученія и до возвышенной жизни, всѣмъ онъ указываетъ, чего они могутъ ждать отъ міра.

И вотъ такъ его жизнь для благородной части человѣчества становится еще болѣе поучительной, еще болѣе плодотворной, нежели его смерть. Ибо къ тѣмъ испытаніямъ призваны всѣ, а это послѣднее испытаніе уготовано для немногихъ. И, дабы окинуть взоромъ все, что вытекаетъ изъ этихъ нашихъ разсужденій, взгляните на эту трогательную сцену тайной вечери.

Тутъ мудрецъ, какъ всегда, оставляетъ своихъ на произволъ судьбы, оставляетъ совершенно осиротѣлыми. Его забота только о добрыхъ, и среди этихъ заботъ онъ вскармливаетъ вмѣстѣ съ ними предателя, который сгубитъ его и лучшихъ. Здѣсь находятъ себѣ выраженіе самые высшіе и благороднѣйшіе аффекты человѣческаго духа. Самой собой разумѣется, что все это развивается путемъ медленнаго процесса. И поэтому развитіе это совершается съ психологической необходимостью, ибо изъ этихъ общечеловѣческихъ побужденій и склонностей вырастаетъ общеобязательный, а потому, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и этическій идеалъ.

Въ особенности тутъ нужно обратить вниманіе на то, что, въ этомъ случаѣ, рѣшающее значеніе имѣетъ не интеллектуальный моментъ, а лишь моральное чувство величественнаго, все превозмогающаго превосходства. И мы съ тихой покорностью смиренно склоняемъ здѣсь свою главу. Именно это глубокое, охватывающее насъ чувство и образуетъ собой специфически

религіозный характеръ всего этого душевнаго состоянія. Вполнѣ понятно, что чувство это, въ свою очередь, можетъ безконечно видоизмѣняться, въ зависимости отъ общаго духовнаго развитія человѣка. Но одно общее и типическое начало властвуетъ надъ всею этой жизнью глубинъ нашего чувства: это—вѣра, «излюбленнѣйшее дѣтище чуда», безъ которой неизбѣжно рушится все это зданіе.

И здѣсь точно также мыслимы всевозможныя переходныя ступени, въ зависимости отъ культурно-историческихъ и индивидуальныхъ условій. Но, все же, для религіозной вѣры характерна та, не разъ уже отмѣчавшаяся нами, мистическая склонность къ безконечному, невыразимому, сверхчувственному; характерно тяготѣніе погрузиться въ этотъ таинственный міръ, отъ котораго мы не можемъ уйти, хотя мы охотно отрицаемъ его; характерно это непоколебимое убѣжденіе, что есть абсолютная цѣнность, вопреки всей земной ограниченности; характерна, наконецъ, эта неискоренимая страстная тоска, страстная жажда уйти отъ этихъ препятствующихъ намъ путъ нашего «я», нашей эмпирической личности, пусть даже это будетъ только въ мимолетной иллюзіи и видѣніи. Это религіозное чувство, истинно-человѣческое наслѣдіе, имѣетъ рѣшающее значеніе для вѣры (само собой разумѣется, вѣру мы здѣсь понимаемъ въ совершенно недогматическомъ смыслѣ), и Гёте въ «Wahrheit und Dichtung» даже говоритъ, что все сводится къ тому, что человѣкъ вѣритъ, а во что вѣритъ, это совершенно безразлично. Вѣра—говоритъ онъ далѣе—есть великое чувство увѣренности въ настоящемъ и будущемъ, и увѣренность эта проистекаетъ изъ чувства довѣрія къ величайшему, могущественнѣйшему и невѣдомому Существу. Все сводится къ незыблемости этого чувства довѣрія. А какъ мы представляемъ себѣ это Существо,—это-де совершенно безразлично.

Какъ бы глубоко ни проникли мы въ сокровеннѣйшія тайны философіи религіи; какъ бы мы ни мнили себѣ, что своимъ блестящимъ остроуміемъ мы разрѣшимъ всѣ щекотливыя проблемы, лежащія по ту сторону предѣла «познаваемаго»; какъ бы ни были мы преисполнены безошибочнаго довѣрія и горячаго чувства, готовности отдать свою судьбу божественному руководству; какъ бы ни преисполняло насъ то чувство, что нашло себѣ выраженіе въ слѣдующихъ стихахъ:

Verquält in stumpfer Sinne Schranken,
Scharf angeschlossnem Kettenschmerz,
O Gott, beschwicht'ge die Gedanken,
Erleuchte mein bedürftig Herz *),—

*) Томимый ограниченностью тупыхъ чувствъ,
Окруженный отовсюду страданіями,
Я молю тебя, о Господи, успокой мои помыслы,
Просвѣти мое скорбное сердце.

все же, рѣшающая роль всегда принадлежитъ здѣсь той честности и горячности, какія свойственны этому убѣжденію и міросозерцанію. Ясность пониманія и острота ума не рѣшаютъ здѣсь ничего. И причина тому очень проста: вѣдь и вѣра наша не можетъ разрѣшить тѣхъ щекотливыхъ міровыхъ загадокъ, которыхъ не въ состояніи разрѣшить и наша чисто-теоретическая мысль.

Но положеніе вещей здѣсь измѣнилось постольку, поскольку руководящую роль играетъ здѣсь не мышленіе, а чувство. А для чувства противорѣчія бытія какъ бы совсѣмъ не существуютъ; они проходятъ мимо, какъ бы не затрогивая его. Все сводится здѣсь къ этой, пусть даже только инстинктивной, увѣренности, что міръ цѣнностей, міръ духа, міръ цѣлей, непреходящъ, несмотря на всю бренность всего земного, что есть высшая дѣйствительность, высшая, нежели матерія, что мы, какъ выражается Гёте, имѣемъ предназначеніе преходящее дѣлать непреходящимъ.

Чѣмъ болѣе всеобъемлюща описанная нами выше (ср. § 1) точка зрѣнія сравнительной науки о религіи, тѣмъ скорѣе критическій анализъ сможетъ выдѣлить въ безконечно многообразномъ эмпирическомъ матеріалѣ тѣ элементы, которые могутъ притязать на всеобщее, объективное значеніе. Здѣсь, какъ и повсюду, эмпирическое изслѣдованіе должно итти рука объ руку съ психологически-метафизическимъ; спекуляція, въ своихъ дедуктивныхъ построеніяхъ, должна опираться на результаты этнографическихъ и культурно-историческихъ трудовъ. Иначе, все сведется здѣсь къ простымъ гипотезамъ и очень шаткимъ выводамъ.

Да, здѣсь можно и должно сдѣлать еще одинъ дальнѣйшій шагъ: нужно примирить права отдѣльной личности, его образа мыслей, его индивидуальности, со столь же неотъемлемыми правами научнаго познанія; нужно привести къ положительному концу тотъ споръ, который заполняетъ собой всю исторію человѣчества, съ первыхъ ея моментовъ вплоть до нашихъ дней. Во всякомъ случаѣ, поскольку хватаетъ человѣческаго разумѣнія, этого нужно достигнуть.

А отсюда вытекаетъ (мы не можемъ здѣсь подробно доказывать этого; мы выставляемъ здѣсь это въ качествѣ аксіомы), что личное пониманіе и воззрѣніе, какъ таковое, не можетъ, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, обладать общеобязательностью; напротивъ, мы встрѣчаемъ здѣсь нѣкотораго рода заблужденія, скороспѣлыя обобщенія, построенныя на чисто-субъективномъ опытѣ. И личныя воззрѣнія могутъ притязать на такой общеобязательный характеръ только въ результатѣ критическаго анализа. Но не нужно забывать и обратнаго (а объ этомъ, къ сожалѣнію, въ наши дни нерѣдко забываютъ), не нужно забывать, что и наука повинна бываетъ въ роковомъ самомнѣніи: свои, далеко не свободныя отъ возраженій, положенія она не прочь бываетъ превращать въ непосредственные критеріи религіозныхъ представленій.

Тутъ соприкасаются двѣ различныя области, и мнимо-безпристрастная наука не менѣе повинна бываетъ въ роковыхъ посягательствахъ, нежели религіозная вѣра, когда послѣдняя, съ своей точки зрѣнія чувства, начинаетъ возвышать голосъ протеста противъ признанныхъ, стоящихъ внѣ всякихъ сомнѣній результатовъ научнаго изслѣдованія. Исторія современнаго міросозерцанія съ достаточностью уже доказала, что протестъ этотъ безполезенъ, что онъ долженъ умолкнуть въ виду успѣховъ нашего познанія. Но, въ то же время, именно эти различныя тренія и противорѣчія между обѣими этими сферами человѣческой духовной жизни болѣе, чѣмъ что-либо другое, доказываютъ, что нашему воззрѣнію, нашему пониманію, жаждущему единства, свойственно стремленіе преодолѣть эту мучительную раздвоенность, которая одинаково вредна какъ для индивидуальности, такъ и для науки.

Естественнонаучныя теоріи и даже художественныя наслажденія не могутъ замѣнить собой того совершенно своеобразнаго очарованія, которое свойственно религіозному назиданію и блаженству. Во всякомъ случаѣ, онѣ неспособны сдѣлать этого для широкихъ народныхъ массъ. Поэтому, когда съ злорадствомъ не разъ ужъ возвѣщалось, что насталъ конецъ религіи, то это было простымъ, грубымъ заблужденіемъ. Конечно, то сильное броженіе, чтобы не сказать кризисъ, какой переживаетъ въ настоящее время развитіе религіознаго сознанія, доказываетъ только, какъ тѣсно связанъ съ реальными факторами всей нашей духовной жизни этотъ, повидимому, столь трансцендентный, сверхчувственный міръ. Сейчасъ мы убѣдимся въ этомъ.

Весь вопросъ сводится только къ тому, насколько религіозное воззрѣніе можетъ еще обладать относительной самостоятельностью.

§ 22. Заключеніе. Важность религіозной проблемы для современности.

Мы уже не разъ очень рѣзко подчеркивали тотъ фактъ, что для насъ религія есть культурно-историческое и соціально-психическое явленіе, хотя мы, въ то же время, вполнѣ признаемъ, что набожность и покорность суть основныя черты переживаній религіознаго человѣка. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, религія во всѣхъ отношеніяхъ обусловливается всѣми тѣми факторами, которые властвуютъ надъ нашей духовной жизнью.

Точно также и этнографія подтверждаетъ этотъ взглядъ. Религія родилась подъ давленіемъ и въ нуждѣ бытія, подъ вліяніемъ проистекающаго отсюда чувства искупленія. И уже въ своихъ начальныхъ формахъ религія, какъ это думаютъ многіе, была матерью всѣхъ искусствъ и художествъ. Во всякомъ случаѣ, между религіей и правомъ, обычаемъ, данной ступенью организаціи и эстетическими склонностями и побужденіями суще-

ствуетъ непосредственная связь (укажемъ для примѣра на пляску). Противъ этого ничего не говоритъ тотъ печальный фактъ, что церковь, эта оффиціальная представительница религіи, не разъ становилась во враждебное отношеніе къ великимъ культурнымъ завоеваніямъ, пролагавшимъ новые пути—терпимость, отмѣна пытокъ, процессы противъ колдуновъ, признаніе коперниковскаго міросозерцанія и т. д. Вѣдь преобразованіе и приспособленіе, все же, въ концѣ концовъ, становились фактами, хотя и противъ желанія. И въ настоящее время мы стоимъ еще цѣликомъ среди этого процесса усвоенія.

Конечно, нельзя отрицать того—такъ оно обыкновенно и бываетъ въ каждомъ развитіи,—что въ настоящую минуту мы стоимъ передъ крайне роковымъ переломомъ, ибо нѣкоторыя изъ прежнихъ воззрѣній подверглись коренному измѣненію, и до сихъ поръ намъ не удалось еще подвести новыхъ, прочныхъ устоевъ подъ это зданіе. Въ особенности это слѣдуетъ сказать по поводу того революціоннаго вліянія, какое принадлежитъ современному естествознанію. И, въ то же время, естествознаніе, какъ это, впрочемъ, весьма понятно, слишкомъ переоцѣниваетъ свою роль.

Мы можемъ привести здѣсь мнѣніе Лотце, который, во всякомъ случаѣ, является б[illegible]пристрастнымъ свидѣтелемъ: ему чужда всякая нетерпимость и научная гордыня; но, въ то же время, онъ рѣшительно противъ всякаго умаленія правъ естественно-научной критики. Онъ говоритъ: величіемъ своего содержанія, величественной красотой своего способа выраженія, простота котораго дѣйствуетъ сильнѣе, нежели всякое сознательное искусство, Священное Писаніе цѣликомъ подчиняетъ себѣ души людей. Однако, полное преклоненіе передъ буквой Писанія вначалѣ нисколько не затрогиваетъ невѣрности того, что тамъ сообщается. Но иносказательность Писанія, которая для своего уразумѣнія нуждается въ толкованіи, начинаетъ подвергаться сомнѣнію уже и на этой стадіи полнаго преклоненія передъ буквой ученія. И только позже, какъ бы на второмъ планѣ—ибо только преклоненіе передъ ученіемъ приковываетъ насъ къ Писанію—начинаютъ подвергаться сомнѣнію и тѣ чудесныя событія, достовѣрность которыхъ утрачиваетъ въ нашихъ глазахъ свою былую силу, ту силу, какой она обладала, когда сказанія эти только-что создавались.

Для того времени было вполнѣ естественнымъ требованіемъ, чтобы чудо и знаменіе свидѣтельствовали о присутствіи божіемъ. Но самое исполненіе этого требованія имѣло для того времени меньшее значеніе, нежели оно имѣло бы для насъ. Людямъ древности была чужда идея естественнаго порядка вещей; имъ была чужда идея, что явленія міра сего связаны всеобщей закономѣрностью. Всякая сила, которая творитъ нѣчто въ природѣ, почиталась за нѣкоторое побужденіе, которое непосредственно руководится своею цѣлью и, въ то же время, обладаетъ способностью осуществлять то, что она ставитъ себѣ цѣлью. Поэтому чудо не противорѣчило естественному порядку вещей, оно не стояло внѣ природы, оно было естественнымъ

проявленіемъ дѣятельности нѣкоторой высшей силы, которая въ необычномъ мѣстѣ и въ необычное время вторгается въ кругъ дѣятельности меньшихъ силъ...

Весь опытъ говоритъ въ пользу неустаннаго, шагъ за шагомъ подготовляющагося развитія естественныхъ явленій. И впечатлѣніе отъ этого опыта такъ громадно, что у людей создается вѣра только въ тихую, неустанную дѣятельность божію въ природѣ; тутъ нѣтъ мѣста вѣрѣ въ неожиданныя вторженія божественной силы, которая нарушала бы естественно развивающійся ходъ вещей. Эта вѣра можетъ возникнуть только тогда, когда идеальное значеніе чуда въ общей связи мірового цѣлаго станетъ великимъ и значительнымъ. И тогда чудо пріобрѣтаетъ уже характеръ историческаго поворотнаго пункта, для осуществленія котораго дѣйствующія силы мірового цѣлаго всегда работаютъ незамѣтно.

И тѣ чудесныя событія, которыя въ Священномъ Писаніи прославляютъ жизнь Христа, несомнѣнно, сами по себѣ пробуждали бы въ насъ эту мысль, если бы сюда не примѣшивались нѣкоторыя другія обстоятельства: наши воззрѣнія на природу между тѣмъ подверглись измѣненію; въ то же время, мы стали придавать духовный смыслъ явленіямъ,—а ⁻е это дѣлало для насъ сомнительнымъ физическую реальность чудесъ. Пока видимое небо надъ горизонтомъ почиталось еще мѣстопребываніемъ Бога, до тѣхъ поръ восшествіе на небо могло казаться человѣческому сознанію, какъ нѣкотораго рода реальное возвращеніе божественнаго къ Богу. Но послѣ того, какъ астрономія научила насъ, что вокругъ шарообразной земли лежитъ неизмѣримое однородное міровое пространство, подобнаго рода восшествіе утрачиваетъ уже всякій разумный смыслъ и значеніе.

Въ то время, когда сверхчувственное еще съ трудомъ отъединялось отъ чувственнаго, тогда тѣлесное воскресеніе Спасителя могло почитаться, какъ своего рода ручательство, что и человѣкъ обладаетъ безсмертіемъ. Но для насъ это тѣлесное воскресеніе не можетъ служить предметомъ надежды. Если бы даже оно въ дѣйствительности имѣло мѣсто, то это могло бы лишь гарантировать намъ продолженіе этой жизни до той поры, пока будетъ существовать ея носитель, тѣло. Единственно, что насъ могло бы утѣшить, это если бы было доказано, что жизнь духа длится и тогда, когда онъ переступилъ уже порогъ невидимаго міра, того міра, который незримо окружаетъ насъ среди міра видимаго *).

А тутъ еще догматика, словно нарочно, хочетъ еще рѣзче подчеркнуть эту роковую свою противоположность современному образованію: она старалась и старается проникнуть туда, что совершенно недоказуемо, что недоступно для научнаго изслѣдованія. Возможно, конечно, что все это имѣетъ большое значеніе для мистическаго направленія чувства. Къ такого рода

*) «Mikrokosmus», III, стр. 363.—Есть русскій переводъ.

построеніямъ мы относимъ безплодныя спекуляціи о тріединствѣ, о персональности Святого Духа и т. д.

Не менѣе безплодны и тѣ, всегда вновь и вновь всплывающія, космологическія построенія, назначеніе которыхъ защищать всемогущество и мудрость божію противъ слишкомъ ретивыхъ нападокъ со стороны естествознанія. Въ такихъ случаяхъ, можно было бы съ большимъ основаніемъ утверждать противоположное, можно было бы утверждать, что все это лишь будитъ сомнѣніе и критику.

Во всякомъ случаѣ, повсюду, вмѣсто взаимнаго довѣрія или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто должнаго уваженія, царятъ споры и вражда.

Нельзя, далѣе, забывать и о томъ, что широкіе народные слои все болѣе и болѣе сторонятся отъ церкви, отъ преданія, отъ господствующихъ догматическихъ представленій. А тутъ, наряду со всѣмъ этимъ (въ особенности въ католицизмѣ), тотъ блескъ и пышность, съ какими совершаются всякаго рода торжества. Быть-можетъ, все это и достойно уваженія, благодаря своему стародавнему происхожденію, но былыя чары тутъ утрачены уже навсегда.

Это оцѣпенѣніе въ формулахъ, эта вѣра въ букву ученія нерѣдко становилась на пути всякому свободному движенію и развитію. И, вмѣсто того, здѣсь взращивалось іерархическое высокомѣріе, которое, въ концѣ концовъ, становилось опаснымъ только для церкви и ея представителей.

И, все же, какъ мы уже объ этомъ не разъ упоминали, было бы опаснымъ заблужденіемъ думать, что религія, какъ таковая, какъ внутреннее религіозное побужденіе, умерла окончательно. Напротивъ, все болѣе и болѣе множатся признаки, что настаетъ чреватое благими послѣдствіями преобразованіе и возрожденіе нашихъ религіозныхъ воззрѣній. Наше время охвачено глубокой, искренной страстной жаждой, страстнымъ стремленіемъ порвать, освободиться отъ путъ нашей человѣческой ограниченности, и, вопреки всему трезвому просвѣщенію, вопреки всякой разсудочной работѣ, мистика вновь пускаетъ глубокіе корни въ наши дни. И въ нѣкоторыхъ случаяхъ она проявилась даже въ изумительно сумасбродныхъ формахъ (къ своему собственному вреду). Ниже у насъ будетъ еще объ этомъ рѣчь.

Глубже, нежели другія поколѣнія, мы снова почувствовали могучее чувство безконечности, которое окружаетъ насъ со всѣхъ сторонъ, на каждомъ шагу, во всемъ, какъ безконечно маломъ, такъ и въ безконечно великомъ. Это чувство безконечности вырываетъ насъ изъ всей нашей личной ограниченности и бренности, оно высоко возноситъ насъ на самыя вершины жизни; оно порождаетъ въ насъ убѣжденіе, что среди безпощадной борьбы бытія есть ничѣмъ незамѣнимая цѣнность; оно превращаетъ насъ въ самостоятельное звено великаго космическаго мірового процесса, который совершается не только тамъ, внѣ насъ, вокругъ насъ, но и въ насъ самихъ, совершается съ тою же послѣдовательностью. И это чувство безконечности наполняетъ непреходящимъ содержаніемъ наше быстро протекающее бытіе.

Уже въ насъ самихъ, въ нашемъ сердцѣ, есть небо и блаженство, адъ и отчаяніе,—и миѳологически окрашенная фантазія относитъ все это во внѣ, въ окружающій насъ міръ. То же самое нужно сказать и о той безконечности пространства и времени, о которой повѣствуетъ намъ естествознаніе, и которая лежитъ въ основѣ всѣхъ его вычисленій: эта безконечность наполняетъ насъ священнымъ трепетомъ; она исполняетъ нашъ духъ возвышеннымъ наслажденіемъ. Тогда, въ эти минуты просвѣтленнаго душевнаго состоянія, мы чувствуемъ себя единымъ съ міровымъ духомъ, съ творящимъ Атман'омъ. И это настроеніе въ прекрасной сжатой формѣ выразилъ глубокомысленный Ангелусъ Силезіусъ:

Я знаю, что безъ меня Богъ не можетъ жить ни одной минуты;
Стану я ничѣмъ,—и онъ въ нуждѣ испуститъ духъ.

И это чувство благоговѣнія, это чувство единства со всѣмъ міровымъ цѣлымъ, какъ его въ свое время въ такихъ захватывающихъ краскахъ сумѣлъ изобразить Шлейермахеръ въ своихъ знаменитыхъ рѣчахъ *), отнюдь не идетъ на убыль по мѣрѣ роста нашего научнаго познанія; напротивъ, чувство это растетъ, становится болѣе зрѣлымъ, болѣе яркимъ. Само собой разумѣется, что тутъ нужны и соотвѣтствующія индивидуальныя предрасположенія.

Не можетъ быть сомнѣній, что научными способами мы никогда не сможемъ понять начала жизни, какъ бы далеко ни проникли мы на пути зоологическаго изслѣдованія. Да и помимо того, всякій болѣе глубокій мыслитель сознаетъ, что онъ окруженъ вѣчными загадками и тайнами. И эти загадки и эти тайны, по великому слову Ньютона, какъ бы превращаютъ насъ въ дѣтей, забавляющихся красивыми раковинами на берегу морскомъ.

И, все же, правильно понятое, великое эволюціонное ученіе, если взглянуть на него съ психологической и метафизической точекъ зрѣнія, учитъ насъ, что въ мірѣ наблюдается неустанный ростъ духовной жизни: она беретъ свое начало отъ ничтожнѣйшихъ, едва замѣтныхъ зачатковъ, чтобы, въ концѣ концовъ, притти къ столь же непонятнымъ высшимъ формамъ развитія, которыя, быть-можетъ, и нынѣ производятъ на насъ то же впечатлѣніе настоящаго чуда.

Окончательное завершеніе человѣка, его мірообъемлющаго идеала, вся исторія языка, религіи, права, нравственности, соціальной организаціи, искусства, даже исторія его собственнаго возникновенія, его духа,—все это вырисовывается нынѣ передъ нами въ общихъ очертаніяхъ въ этомъ зеркалѣ безконечности. Только теперь начинаемъ мы понимать всю глубину содержанія этихъ часто цитируемыхъ словъ, только теперь начинаемъ понимать ихъ на себѣ самихъ и въ себѣ самихъ: что истиннымъ предметомъ

*) Ср. также Kalthoff, «Religiose Weltanschauung». Leipzig, Eugen Diederichs, 1903, въ особенности стр. 17 и сл.

изученія человѣчества, какъ говорилъ Попе и, вслѣдъ за нимъ, Гёте, является самъ человѣкъ.

Тутъ, въ этомъ исходномъ и заключительномъ пунктѣ, соприкасаются лицомъ къ лицу наука и религія, глубоко проникающее, мірообъемлющее познаніе—ибо иначе все превратилось бы въ прекрасную поэтическую грёзу, быть-можетъ, въ простое риторическое украшеніе—и столь же изначальное чувство, исполненное благоговѣнія изумленіе, которое почти-что становится молитвой, понятно, молитвой безъ словъ.

Въ этомъ смыслѣ великій царственный поэтъ говоритъ:

Wer Wissenschaft und Kunst besitzt,
Der hat Religion;
Wer jene beiden nicht besitzt,
Der habe Religion! *).

И здѣсь названіе есть не болѣе какъ пустой звукъ. Гёте однажды, въ бесѣдѣ съ Эккерманомъ, такъ охарактеризовалъ свою точку зрѣнія, въ отличіе отъ обычной, церковной, точки зрѣнія: есть точка зрѣнія какъ бы нѣкоторой изначальной религіи, точка зрѣнія чистой природы и разума, которая имѣетъ божественное происхожденіе. Эта точка зрѣнія останется вѣчно неизмѣнной, пока будутъ существовать богоодаренныя существа. Но, все же, она пригодна только для избранныхъ и слишкомъ возвышенна и благородна, чтобы стать общимъ достояніемъ.

Затѣмъ есть точка зрѣнія церкви, которая носитъ болѣе человѣческій характеръ. Но это есть нѣчто хрупкое, непрестанно мѣняющееся. Но и эта точка зрѣнія будетъ существовать въ своей вѣчной смѣнѣ, пока будутъ существовать слабыя человѣческія существа.

Уже Фехнеръ, другъ и единомышленникъ Лотце—и мы безъ всякихъ колебаній можемъ причислить къ современнымъ людямъ великаго основателя атомистики,—усомнился въ самопонятности механизма, простой внѣшней закономѣрности, на чемъ такъ охотно успокаивается обычное естественно-научное просвѣщеніе. Поэтому Фехнеръ попытался покончить съ этимъ столь безконечно удобнымъ и, все же, если ближе присмотрѣться къ нему, столь избитымъ, столь истрепаннымъ дуализмомъ: вмѣсто того, онъ попытался создать монистическую систему, которая включала бы въ себя оба звена. И возникающее у насъ раздвоеніе объясняется тутъ психологически свойствами человѣческой организаціи. Онъ противопоставилъ «мрачному взгляду» («Nachtansicht») его «свѣтлый взглядъ» («Tagesansicht»), который преисполнилъ его яркимъ свѣтомъ. И мы сами, будучи частями всеобщаго

*) Кто обладаетъ наукой и искусствомъ,
Тотъ имѣетъ религію;
А у кого нѣтъ ни того, ни другого,
Тотъ да имѣетъ религію!

мірового существа, съ тѣлесной и духовной стороны должны подлежать этой двоякой формѣ проявленія.

Въ своихъ послѣднихъ выводахъ это «синехологическое» воззрѣніе, объединяющее раздѣльное и особенное въ единствѣ сущности и становленія, ведетъ, конечно, какъ это иначе и быть не можетъ, за вредѣлы логической доказуемости, въ сферу метафизическихъ построеній. Эти метафизическія построенія недоступны для точнаго опыта, и уже за его предѣлами метафизика объединяетъ всѣ эти разрозненныя отношенія, сводя ихъ къ послѣднимъ, завершающимъ требованіямъ цѣлостной міровой картины. Здѣсь вступаетъ въ свои права, какъ это заявляетъ Фехнеръ, вѣра, т.-е., научно обоснованная вѣра. Ибо все самое общее, самое истинное, самое послѣднее, самое отдаленное, все тончайшее и глубочайшее,—все это вообще есть дѣло вѣры. Такова уже наша природа и природа всѣхъ вещей.

То, что повсюду въ мірѣ дѣйствуетъ тяготѣніе и дѣйствовало всегда,—это есть дѣло вѣры. То, что законы, дѣйствуя среди конечныхъ явленій, затѣмъ простираютъ свое вліяніе и на все безграничное пространство и время,—это есть дѣло вѣры. То, что существуютъ атомы и волнообразное движеніе свѣта,—это есть дѣло вѣры. Начало и цѣль исторіи суть также дѣло вѣры. И, строго говоря, все собственно есть дѣло вѣры, что не подлежитъ непосредственному опыту и не опирается на твердыя логическія основанія. Всякое знаніе о томъ, что есть, переходитъ затѣмъ въ вѣру, и такъ оно и должно быть, этимъ знаніе и должно завершиться: ибо иначе знаніе будетъ лишено связности, ибо иначе не будетъ прогресса и завершенія знанія.

Съ точки зрѣнія этого міросозерцанія, которое, понятно, цѣликомъ признаетъ весь научный опытъ и отнюдь не раскрываетъ, какъ это, пожалуй, можно было бы подумать, дверей слѣпому произволу, все, начиная отъ мельчайшаго атома до грандіознѣйшихъ міровыхъ тѣлъ, все одушевлено, все оживленно, всякое бытіе есть дѣйствіе, дѣятельность. И все это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если все это пріурочивается, если все это связано съ нѣкоторымъ ощущеніемъ, какъ бы смутно оно ни было.

Подобнымъ же образомъ, Бёльше, Вилле и нѣкоторые другіе мыслители, вполнѣ признавая естественно-научную замкнутость мірового процесса, въ то же время, въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ проводятъ ту точку зрѣнія, что вся дѣйствительность есть нѣчто одушевленное. Такимъ образомъ, они вновь возстановляютъ въ правахъ безусловно мистическое чувство, и все это въ рамкахъ научнаго изслѣдованія.

Но такая точка зрѣнія не ограничивается одной только природой: то же пониманіе распространяется и на исторію, и на жизнь человѣчества, и на всѣ соціальныя явленія. И все это требуетъ соотвѣтствующаго религіознаго преобразованія.

Раскрытіе божественнаго духа въ этомъ столь безконечно разнообразномъ развитіи рода человѣческаго, развитіи, которое отнюдь не пріі-

урочено къ однократному акту творенія, которое, наоборотъ, нужно представлять себѣ, какъ непрерывный потокъ идей, изливающійся на пустынныя поля, оживляющій и освѣжающій ихъ; взаимная борьба народовъ, медленное органическое развитіе великихъ идеаловъ, приводящихъ въ движеніе весь міръ; та внутренняя связь между всѣми эпохами всемірно-исторической жизни, которая замѣтна для всякаго болѣе возвышеннаго, болѣе всеобъемлющаго взора, несмотря на всѣ пробѣлы и разрывы,—все это есть не только возвышенный предметъ серьезнаго научнаго изслѣдованія, но прежде всего религіозной вѣры, которая, вопреки всякому скептицизму и нигилизму, твердо стоитъ на неискоренимой страстной жаждѣ по безконечному.

Тотъ идеалъ человѣчности, который въ наши дни такъ сильно пробивается къ свѣту среди насильственныхъ потрясеній общественнаго организма, какъ это иначе и быть не можетъ, принимаетъ все болѣе и болѣе смѣлыя, возвышенныя формы. Но если этотъ идеалъ не будетъ стоять въ непосредственной, живой связи съ дѣйствительностью, если, въ то же время, онъ не будетъ сплошь и насквозь пропитанъ религіозностью, то онъ необходимо испарится, исчезнетъ, какъ туманъ. Если у него не будетъ этого высшаго освященія, если онъ приметъ исключительно матеріалистическій обликъ (это, конечно, строго говоря, было бы противорѣчіемъ), то онъ неизбѣжно потерпитъ крушеніе.

Несмотря на все неустанное паденіе догмы, несмотря на то, что культъ все болѣе и болѣе принимаетъ свѣтскій, земной характеръ, несмотря на всю эту нерелигіозную жажду политической власти, которую обнаруживаетъ ecclesia militans—воинствующая церковь (именно въ наши дни эта воинствующая церковь съ особой театральностью выводитъ на поле битвы свои дисциплинированныя войска),—несмотря на все это мы не совсѣмъ еще утратили истинную религію, ту благочестивую, міропреодолѣвающую силу боговдохновеннаго воодушевленія.

Объ этомъ недвусмысленно свидѣтельствуетъ и то глубокое стремленіе, та глубокая жажда искупленія и освобожденія, которая въ такихъ мощныхъ звукахъ бьется въ исполненныхъ мистицизма поэтическихъ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ.

Въ немногихъ словахъ мы хотѣли бы, въ заключеніе, остановиться на этомъ.

Гёте, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе призванныхъ, въ свое время такъ говорилъ Эккерману: всякая высшая продуктивность, всякій выдающійся взглядъ, всякое изобрѣтеніе, всякая великая мысль, приносящая плоды и чреватая послѣдствіями, — надо всѣмъ этимъ никто невластенъ, все это стоитъ превыше всякой земной власти. Все это, все подобное этому человѣкъ долженъ почитать, какъ неожиданные дары свыше, которые онъ съ радостнымъ сердцемъ обязанъ воспринять и чтить. Все это родственно

демоническому началу, которое съ неодолимой силой властвуетъ надъ нимъ такъ, какъ это ему угодно. И человѣкъ безсознательно подчиняется ему, ибо онъ вѣритъ, что дѣйствуетъ въ силу собственныхъ побужденій. Въ такихъ случаяхъ человѣкъ нерѣдко является какъ бы орудіемъ высшей міровой силы, какъ избранный сосудъ для воспріятія божественнаго воздѣйствія.

Въ такомъ же смыслѣ истинный поэтъ долженъ ниспускаться въ самыя темныя нѣдра нашего «я», откуда исходятъ наши сознательные поступки и наше мышленіе. Ибо, какъ говоритъ Новалисъ, этотъ остроумнѣйшій романтикъ съ тончайшими настроеніями: внутрь идетъ таинственный путь. Вѣчность съ ея цѣнностями, прошлое и будущее,—все это въ насъ или его нѣтъ нигдѣ.

Это трудное искусство,—измѣрить это темное, таинственное царство безсознательнаго, сдѣлать доступными для нашего притупленнаго разумѣнія всѣ эти проблемы—въ особенности свойственно геніальному бельгійскому поэту, Морису Метерлинку. Онъ ставитъ такую задачу передъ истинной поэзіей: поэзія должна держать открытыми тѣ великіе пути, что ведутъ отъ видимаго къ невидимому.

Сперва Метерлинкъ стоялъ на фаталистической точкѣ зрѣнія: эту страшную, грозную силу онъ изображалъ (чисто антропоморфно) завистливой, коварной и грубой. Но затѣмъ онъ отдѣлался отъ этой вѣры въ рокъ и проникся дѣйствительнымъ оптимизмомъ. Онъ пришелъ къ этому выводу уже въ силу само собой разумѣющагося для всѣхъ мистиковъ положенія, что человѣкъ и Божество едино есть.

Истинный мудрецъ, какъ онъ подчеркиваетъ съ полнымъ основаніемъ, есть господинъ своей судьбы, которая приходитъ къ намъ не извнѣ, а извнутри. Ибо судьба не имѣетъ никакого иного оружія, кромѣ того, что мы сами даемъ ей въ руки.

Міросозерцаніе Метерлинка коренится въ убѣжденіи, что наше сознаніе есть лишь незначительный, освѣщенный солнечнымъ свѣтомъ, вырѣзокъ изъ всей нашей душевной жизни, и что истинное ядро нашего существа лежитъ сокрытымъ въ этой подпочвѣ. Вотъ общіе контуры этого міросозерцанія, которые прекрасно передаютъ его взгляды.

Я вѣрю, что только наша безсознательная жизнь, необъятная, неисповѣдимая, божественная, можетъ дать намъ надлежащее объясненіе, какъ для нашего счастья, такъ и для нашего несчастія. Въ насъ есть какое-то существо, которое и есть наше истинное «я», наше первозданное, ничего раньше себя не знающее, безграничное, всеобщее и во-истину безсмертное «я». Нашъ разсудокъ, вѣроятно, есть какъ бы только фосфорическій свѣтъ, вспыхивающій надъ этимъ внутреннимъ моремъ, которое онъ знаетъ лишь несовершенно. Но съ каждымъ днемъ онъ все болѣе и болѣе научается, что всѣ тайны человѣческихъ явленій, которыхъ онъ доселѣ не понималъ, лежатъ въ немъ. Это безсознательное существо живетъ на другой почвѣ и

въ иномъ мірѣ, нежели нашъ разсудокъ. Оно ничего не вѣдаетъ о пространствѣ и времени, объ этихъ двухъ ужасныхъ воображаемыхъ стѣнахъ, среди которыхъ долженъ протекать нашъ разумъ, если онъ не хочетъ потеряться. Оно знаетъ все и можетъ все.

Впрочемъ, это всевѣдѣніе и всемогущество въ извѣстной степени признавалось всегда. Объ этомъ свидѣтельствуютъ тѣ названія, какія примѣнялись въ этихъ случаяхъ: инстинктъ, душа, безсознательное, рефлекторныя движенія, предчувствіе, интуиція и т. д. Мы можемъ пойти даже дальше этого: новѣйшее направленіе, которое такъ сильно проникнуто символизмомъ, которое нашло свое соотвѣтствующее выраженіе въ различныхъ поэтическихъ сказкахъ, несомнѣнно, находится въ связи съ только-что обрисованной мистикой.

Въ данномъ случаѣ, очень характерно слѣдующее обстоятельство: именно нашъ, вообще, столь критическій вѣкъ, пережившій, къ тому, натуралистическую «эпоху бури и натиска», снова почувствовалъ въ себѣ неодолимое тяготѣніе къ наивности и изначальности сказочной вѣры. А важнѣйшими психологическими предпосылками этой вѣры служитъ (само собою разумѣется, безсознательное) допущеніе, даже убѣжденіе, въ томъ, что все живое, въ особенности человѣкъ и животное, представляетъ собой одно неразрывное единство. Понятно, этимъ мы не хотимъ сказать, что вѣра эта повсюду вылилась и въ соотвѣтствующую совершенную поэтическую форму. Наоборотъ, довольно часто наблюдается прискорбный недостатокъ конгеніальной воспріимчивости и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, завершенной пластики. Но, все же, ни одинъ безпристрастный наблюдатель не станетъ отрицать культурно-исторической и психологической цѣнности за этимъ духовнымъ самоуглубленіемъ, за этимъ глубокимъ исканіемъ и жаждой истиннаго, дѣйствительнаго смысла жизни и бытія, вопреки всей этой мелочности и суетѣ и пестрымъ блесткамъ внѣшняго міра.

Въ этомъ отношеніи поэты, какъ говорилъ Гёте и какъ вновь недавно повторилъ Эмерсонъ, суть истинные освободители отъ соціальнаго порабощенія, въ которомъ всѣ мы тупо пресмыкаемся. Но, понятно, эта ихъ миссія глубоко религіозна. И только-что упомянутый американскій мыслитель добавляетъ къ сказанному: поэтому и сохраняются всѣ созданія воображенія, которыя ведутъ насъ на высоты истины, и отсюда поэтъ взираетъ на лежащую подъ нимъ природу и пользуется ею, какъ средствомъ выраженія. Религіи міра суть тяжкіе вздохи немногихъ людей, одаренныхъ воображеніемъ.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе 3

§ 1. Задача и понятіе науки о религіи 3

Отдѣлъ I.—Основныя черты въ развитіи религіи.

Глава I. Составныя части религіи 5

§ 2. Религія 5

§ 3. Развитіе и значеніе представленія о Богѣ 6

§ 4. Понятіе души 10

§ 5. Загробная жизнь 12

§ 6. Искупленіе 14

§ 7. Природа и Богъ 17

§ 8. Человѣкъ и Богъ 21

§ 9. Сфера культа 26

§ 10. Молитва 29

§ 11. Обѣтъ и жертвоприношеніе 33

§ 12. Обряды въ тѣсномъ смыслѣ 42

§ 13. Жречество 52

Глава II. Основныя черты религіознаго развитія 54

§ 14. Низшія ступени (фетишизмъ, шаманизмъ) 54

§ 15. Высшія ступени (политеизмъ, болѣе развитыя естественныя религіи) 58

§ 16. Этическія религіи 62

Отдѣлъ II.—Принципы науки о религіи.

§ 17. Понятіе религіи 67

§ 18. Сущность и происхожденіе религіи 71

§ 19. Характеръ религіи 74

§ 20. Законы религіознаго развитія 84

§ 21. Общезначимые элементы въ религіи 94

§ 22. Заключеніе. Важность религіозной проблемы для современности 102